

Н128—
2095

ЖАК ЭРС ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

ЕВРАЗИЯ

КЛИО

Jacques Heers

HISTOIRE DES CROISADES

Paris

Perrin

2014

1/28-2095
Жак Эрс

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Санкт-Петербург
Москва
2015

Научный редактор:
к. и. н. Карачинский А. Ю.

Эрс Ж.

- Э 81 История крестовых походов. Перевод с франц. Некрасова М. Ю. — СПб.—М.: ЕВРАЗИЯ — ИД Клио, 2015 — 320 с.
ISBN 978-5-91852-112-0 (ЕВРАЗИЯ)
ISBN 978-5-906518-31-6 (ИД Клио)

В своей книге выдающийся французский историк Жак Эрс охватывает всю историю крестоносной эпопеи, вдумчиво разбирая каждый из ее этапов: истоки крестовых походов, причины и предпосылки, военную историю походов, становление христианских государств на Востоке на стыке двух цивилизаций — западной и восточной, состав и умонастроения крестоносцев, отношения с местным населением.

В книге подробно рассматриваются ранее малоизвестные страницы истории крестовых походов, например создание латинских княжеств на месте бывшей Византийской империи.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-91852-112-0 (ЕВРАЗИЯ)

ISBN 978-5-906518-31-6 (ИД Клио)

© PERRIN, 2014

© Некрасов М. Ю., перевод с франц., 2014

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2014

© Оформление, ООО «Издательство
«ЕВРАЗИЯ», 2015

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПЕРРЕН»

Жак Эрс скончался вскоре после того, как закончил первую редакцию настоящей «Истории крестовых походов», которую можно считать его посмертным произведением. Нет никаких сомнений, что, будь он жив, он опубликовал бы более пространную и удачную книгу. Однако при всех ее отдельных несовершенствах, в частности, проявившихся в ссылках на источники, мы решили почтить его память, издав книгу такой, какой она была написана, — интересной и очень новаторской.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Крестовые походы представляют собой особую страницу в истории Средневековья. Масштабное предприятие, затеянное ради освобождения Гроба Господня, не только увенчалось успехом, но оставило по себе долгую память, прочно заняв свое место среди самых упоминаемых событий мировой истории. Черода походов, устраиваемых западноевропейскими рыцарями, необычайный всплеск религиозного пыла, столкновение Запада и Востока с самого начала будоражили воображение европейских хронистов. Интерес этот не угас и по прошествии многих поколений: на данный момент крестовые походы являются одним из самых исследованных историками феноменов. Солидный и подчас неоценимый вклад в изучение крестовых походов внесла плеяда отечественных ученых, таких как М. А. Заборов, С. В. Близнюк и особенно С. И. Луцицкая.

Однако, как и любое значимое историческое событие, крестовые походы быстро обросли штампами и устойчивыми мнениями, которые, вопреки научно аргументированным опровержениям современных ученых, продолжают жить своей жизнью. К ним относится, например, убеждение, что крестовые походы были продиктованы едва ли не исключительно грабительским духом и жадной наживы, что так Западная Европа избавлялась от лишних агрессивных элементов, которыми были безземельные младшие сыновья в знатных семействах и т. д. За вереницей четко выделяемых ста-

раниями традиционной историографии восьми походов не всегда виден тот факт, что по сути крестonosная эпопея была непрерывным «броуновским движением», а не набором изолированных друг от друга военных вторжений. Боевые действия, в которых принимали участие крупные воинские отряды под руководством королей или видных сеньоров, поневоле оттягивают на себя внимание, заслоняя повседневную жизнь основанных в Святой земле христианских государств, просуществовавших целых два столетия. Именно с целью показать другую сторону крестовых походов заслуженный французский историк-медиевист Жак Эрс и написал свою книгу.

Ученик знаменитого французского историка, яркого представителя исторической школы «Анналов» Фернана Броделя, работавший вместе с другим мэтром французской историографии Жоржем Дюби, Жак Эрс за свою долгую карьеру сделал очень многое для изучения западноевропейского Средневековья. Его перу принадлежат такие классические работы, как «Генуя в XV веке: экономические аспекты и социальные проблемы», «Запад в XIV-XV вв.: социально-экономические аспекты». Помимо академической карьеры, Жак Эрс стал признанным мастером в жанре научно-популярной литературы. Среди его работ, отмеченных вниманием французской читательской аудитории, — «Жиль де Рэ», «Макиавелли», «Людовик XI», «Клан Медичи: как Флоренция потеряла свою свободу», «Рождение капитализма в Средние века». Но особое место в своем творчестве Эрс отводил крестовым походам — и символично, что именно книга о них стала для него последней и вышла в свет уже после смерти этого замечательного ученого. В своих «Крестовых

походах» Эрс не стремился создать «новую историю» этого явления или предложить новые, прорывные идеи. Он рассказал историю крестовых походов еще раз — но грамотно расставив акценты на ключевых моментах и высветив основной ход событий.

ВСТУПЛЕНИЕ

МИФ О ВОСЬМИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

В не столь отдаленное время, когда школьников учили истории, книги для них рассказывали о некоторых славных подвигах: об описанном Ксенофонтотм отступлении Десяти тысяч, которые после долгих месяцев утомительного блуждания по горам Восточной Анатолии вновь увидели море, о дальних переходах римских легионов, рисковавших жизнью в Британии или на границах Парфянского царства, и о гораздо более позднем завоевании Англии Вильгельмом Завоевателем, которое увековечили сцены, вышитые на ковре из Байё. То, что мы называем крестовыми походами, имело другую природу, чем эти предприятия, где участвовали многие сотни мужчин, которые принадлежали к одному народу и все были опытными воинами. С самого начала «крестоносцы» насчитывали всего несколько сот рыцарей, которые в течение всей рискованной авантюры должны были вести, организовывать, кормить и защищать массу «паломников» — мужчин, женщин и детей, неспособных сражаться, которые замедляли их движение, а на поле боя становились тяжелым бременем. В 1096–1097 гг. они вместе прошли тысячи километров, прежде чем достичь Константинополя и отдохнуть там несколько дней, и еще столько же по Азии, пока более чем через три года после начала похода не увидели стены Иерусалима. Столь далеко от дома, не получив по дороге сильных подкреплений, они на высоких, почти пустынных нагорьях Анатолии одержали

две большие победы над врагами, способными в любой момент застать их врасплох. Равно как без надежного снабжения, постоянно на грани нехватки продуктов питания на то, чтобы прокормить такие толпы, они долгие месяцы осаждали Антиохию и Иерусалим, защищенные высокими и мощными стенами.

Мы мало сказали о том, до какой степени Святая земля, вновь ставшая христианской, мобилизовала силы, энергию и деньги Запада. Ежегодно по нескольку флотов из тяжелых галер и кораблей из Италии, Прованса и Каталонии привозили сотни паломников, которые очень часто сражались рядом с рыцарями и пехотинцами или помогали строить замки. Англичане, фламандцы, немцы из Бремена и скандинавы оснащали флоты для пиратства и для войны, которые после переходов, занимавших более года, перезимовав в Галисии или в Греции, нападали на египтян прямо на их побережьях, завоевывая франкам господство над восточными морями. Командование одним из таких флотов принял король Норвегии, вернувшийся домой только после трех лет отсутствия. А датский король Эрик I умер на Кипре в 1103 г.

Три французских короля — Людовик VII, Филипп Август и Людовик Святой — и три германских императора на долгие месяцы покидали свои страны, чтобы помочь франкам Святой земли и попытаться вернуть территории, отбитые противником. Филипп Август отсутствовал с 4 июля 1090 г. по конец августа 1091 г., а Людовик Святой — больше пяти лет. Его сопровождала королева Маргарита Прованская; на Востоке родилось двое королевских детей, и все это время Французским королевством управлял совет, собиравшийся в Акре. Ричард

Львиное Сердце на обратном пути почти на два года попал в плен к Леопольду V Австрийскому и с большим трудом вернул себе власть, так как его брат Иоанн Безземельный не желал уступать ему место, узурпированное во время отсутствия брата. Император Фридрих Барбаросса 10 июня 1090 г. утонул, пытаясь пересечь на коне разлившуюся реку в горах Тавра, а Фридрих II, победитель султана Малика аль-Камиля, 18 марта 1229 г. короновался иерусалимской короной.

Потери европейцев в людях и деньгах были значительными. В течение всего пути бедняки голодали. Многие умирали от изнурения или от лихорадки. Другие, пав духом и видя, что Иерусалим все так же далек, покидали лагерь и, как придется, селились на землях, о которых не имели ни малейшего представления. Вполне очевидно, что следы их терялись. Вечером после каждого боя рыцари и воины подсчитывали своих убитых и пленных. Большую прибыль получали те, кто перед отъездом давал ссуды под ростовщические проценты и задешево скупал земли у отъезжающих, чтобы отправиться в путь, должны были накопить крупные денежные суммы. За отъезд все платили дорого, и все наши тексты без исключения повествуют о простых и знатных людях, вынужденных продавать имущество, которое на рынке брали плохо — столь велико было предложение. Вожди, как говорили тогда — «бароны», собирали тысячи золотых монет, чтобы вооружиться и прокормить «верных» и спутников. Война их не обогатила. Хронисты с энтузиазмом пишут о добыче, захватываемой в шатрах вечером после выигранного боя, но чаще всего эта добыча и дань, какую взимали с покорившихся, состояла просто из зер-

на и мясного скота, а иногда даже представляла собой обещание провести отряд немного дальше, где люди найдут возможности для грабежа или выгодных покупок. С тех пор как в 1130-е гг., через добрую четверть века после взятия Иерусалима, египтяне каирского султана и эмиры Алеппо научились сосредотачивать силы, франки терпели тяжелые неудачи, теряли коней и оружие, многие из них попадали в плен. Некоторые семьи разорились на выкупах, и мы точно знаем, что для выплаты выкупа, затребованного за Людовика Святого, королевскую казну буквально опустошили, и то властям пришлось взять крупные займы. Как и многие колониальные предприятия, с финансовой точки зрения это дело было настоящей катастрофой. Более двух веков восточные авантюры, большие паломничества, отвоевание Святой земли и некоторых других территорий, занятых мусульманами, а потом оборона латинских государств Сирии и Палестины влекли за собой масштабные передвижения денежных средств, перевозку монет, всевозможные займы. Все эти передвижения были столь значительны, что разорили некоторые знатные роды и в то же время обеспечили крупные доходы тем, кого мы называем банкирами, но для людей того времени они были не кем иным, как менялами, займодавцами, ростовщиками. Военные ордены, тамплиеры и госпитальеры, поначалу были главными актерами на этом поприще, но большую часть времени служили лишь посредниками. Деньги ссужали итальянцы, присутствовавшие при боях за Святую землю: генуэзцы, венецианцы и пизанцы, — а после жители торговых городов материковой Италии. Все они использовали простые ордерные и переводные

векселя, применение которых, становясь все проще, существенно усовершенствовало технику перевода денег. Крестовые походы мало что принесли купцам и не очень изменили торговые маршруты, ведь Палестина так и осталась в стороне от них. В общем, крупнейшие прибыли давали тогда не торговля продуктами, пряностями и прочим, в то время очень вялая, а займы, иначе говоря — ростовщичество.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД»: АНАХРОНИЗМ

Говоря о прошлом и давая определение некоторым событиям, мы постоянно пользуемся словами, к которым люди этого самого прошлого никогда не прибегали: «Средние века», «Возрождение», «романское искусство», «готическое искусство», «Византийская империя» и «эпоха Просвещения» применительно к временам философов, писателей и писак XVIII в., предвестников сияющей зари 1793 года. Словосочетание «крестовый поход» занимает почетное место среди слов или выражений, какие почему-то принято выбирать теперь, — отличающиеся от тех, какие по широко распространенной традиции использовали современники. Никто не скажет с точностью до нескольких десятилетий, когда и как эти чисто искусственные, целиком придуманные термины сначала вошли в употребление в отдельных кругах, под пером того или иного автора, и благодаря частому повторению наконец появились во всех книгах, от самых примитивных до наиболее продуманных. В большинстве случаев они, заведомо не имея никакого отношения к реальности, возникали отнюдь не случайно, а напротив, сознательно выбирались теми, кто

формировал общественное мнение, позволяя им навязывать детям и широкой публике некоторые очень своеобразные приемы анализа и толкования событий. Учителя в республиканской системе образования и фабриканты подконтрольных школьных учебников на редкость успешно используют этот прием со времен Жюль Ферри¹.

Однако мы больше не живем во времена, когда историк, не желающий довольствоваться повторением уже сказанного, тщетно искал бы другие источники, кроме фантастических, очень условных рассказов. Опубликованы и немалочисленные аутентичные и бесспорные источники. Сообщения многочисленных хронистов, очевидцев событий, не позволяют оставаться в неведении относительно таковых — от призыва Урбана II в Клермоне в 1095 г. до падения последней крепости, еще удерживаемой латинянами, Акры, которую в 1291 г. взяли мамлюки. Служители церкви и грамотные люди, приближенные баронов и графов, приезжавшие из разных стран Европы, не все писали на одном языке и не всегда были едины в оценке ответственности отдельных лиц, но более века никто не говорил ни о крестовом походе, ни о крестоносцах.

Хронистов, которые были свидетелями первых походов, 1096–1099 гг., всего четыре, но все они пользо-

¹ «Меня учили: чтобы посягнуть на свободу, надо посягнуть на мысль; но я пойду дальше: чтобы атаковать мысль, можно атаковать язык. Ведь, несмотря на таранные удары средств массовой информации, мысль в худшем случае укроется в крепости личного интеллекта, тогда как язык, будучи общим достоянием, находится, так сказать, на открытом пространстве». V. Volkoff. *Le Montage*. Paris: Julliard, Lausanne: l'Âge d'homme, 1982. (Все примечания в книге, кроме особо оговоренных, — авторские. — Прим. пер.)

вались разными терминами. Самый точный из этих четырех рассказов, произведение автора, оставшегося анонимным, был в то время известен под названием «*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*» [Деяния франков и прочих иерусалимлян (*лат.*)], и историки долго не называли его иначе, пока фабриканты учебников в XIX в. не превратили его в «Анонимную историю первого крестового похода», дав полностью вымышленный заголовок. Петр Тудебод, священник из Пуату, присутствовал при осадах Иерусалима и Триполи; он написал «*Historia de Hierosolymitano itinere*» [Историю Иерусалимского похода (*лат.*)], позже переведенную на разговорный язык под названием «*Geste des Francs et autres pelerins*» [Деяния франков и прочих паломников (*фр.*)]. Раймунд Ажильский, духовник Раймунда IV Сен-Жильского, графа Тулузского, начал упорядочивать свои наблюдения и писать свою «*Historia Francorum qui ceperunt Jerusalem*» [Историю франков, что взяли Иерусалим (*лат.*)] под Антиохией. Фульхерий Шартрский, тоже клирик, из *familia* Стефана Блуаского, писал не по горячим следам, а сделал это позже, уступив просьбам приближенных короля, и его «*Historia Hierosolymitana*» [Иерусалимская история (*лат.*)] была завершена только в 1127 г., в год его смерти. В нее тоже выражение «крестовый поход» включили гораздо позже лишь те, кто пожелал ее перевести и дать ей заглавие во вкусе времени.

За ними последовали другие рассказы, сделанные людьми, которые познакомились со Святой землей только через несколько лет после первого похода и, вдохновляясь непосредственно текстом того или другого из этих четырех авторов, искали другие источ-

ники, расспрашивали клириков, вернувшихся домой, коллекционировали письма и собирали этот урожай, несколько дистанцировавшись во времени от событий. Однако ни один не использовал выражение «крестовый поход», которое сегодняшним историкам кажется столь естественным. Рауль Канский, клирик, который был приближенным герцога Роберта II Нормандского, а потом сопровождал сицилийских норманнов, говорил просто о «походе»: «*Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana*» [Деяния Танкреда в Иерусалимском походе (*лат.*)]. Лишь намного позже, не ранее XIX в., для самых доступных изданий стали, чтобы привлечь внимание читателя, выбирать другие заголовки, вроде «Так хочет Бог!» или попросту «Рассказ о Первом крестовом походе».

Каффаро, юрист и вполне образованный человек, который трижды побывал консулом в своем городе Генуе, а также служил послом при папе и при Фридрихе Барбароссе, в 1100 г. сел на один из флотов, возивших помощь франкам в Иерусалим, и, вернувшись, собрал всевозможные свидетельства, прежде чем написать историю этого предприятия. Он озаглавил ее просто-напросто «*Liber de liberatione civitatum orientis*» [Книга об освобождении городов Востока (*лат.*)]. Позже, чтобы рассказать о подвигах, благодаря которым христианам были возвращены Минорка, Альмерия и Тортоса, он написал «*De Captione Almerie e Tortuose*» [Об обречении Альмерии и Тортосы (*лат.*)]. Из-под его пера ни разу не вышло выражение «крестовый поход», слово же «крестоносец» на этих сотнях и сотнях страниц встречается один-единственный раз. Все авторы, сколь бы разными они ни были, писали «паломничество», «пе-

реправа через море», «войско» и «ополчение», людей же называли паломниками, франками и латинянами.

Вильгельм Тирский, родившийся в Иерусалиме около 1130 г., наставник юного Балдуина (ставшего Балдуином IV, прокаженным королем), секретарь королевской канцелярии, назначенный в 1175 г. архиепископом Тирским, написал монументальную историю христианского отвоевания Востока с 1095 по 1184 г. в двадцати двух томах. Оригинальное название неизвестно, но с нее быстро было сделано несколько списков, которые все называются «*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*» [История деяний в заморских землях (лат.)]. Его произведение немедленно перевели компиляторы, без колебаний сделав несколько дополнений, но ни в одном из них нет слов «крестовый поход». В качестве заглавия они выбирали либо «Книга о завоевании», либо «Роман об Ираклии» (первая книга начинается царствованием византийского императора Ираклия в 630-е гг.). Сегодня во всех изданиях и библиографических ссылках на них обычно используется название «История крестовых походов», даром что речь там идет совсем о другом — фактически об истории восточных христиан в течение пяти веков, в первых четырех из которых никаких крестовых походов не было. Так же поступили с текстом Одона Дейльского — единственного хрониста, который сопровождал короля Людовика VII в Святую землю в 1147 г. Его рассказ озаглавлен «О странствовании Людовика Седьмого на Восток».

Правда, за 1231 г. мы находим в тексте Бальяна Сидонского, приближенного и сторонника императора Фридриха II, выражение «*cruces signatura*», позже переведенное как «*croiserie*». Но это слово совсем не имеет

значения «крестовый поход» и впоследствии никогда не использовалось.

Никто не знает, когда и благодаря кому было введено выражение «крестовый поход», но это произошло не раньше 1700-х гг., и использовалось оно еще очень эпизодически, не привлекая внимания. Обычным оно стало в последние годы XIX в. «Крестовый поход», конечно, был изобретением фабрикантов наших учебников истории, и выбор этого слова, не оправданный ничем, вполне явно объясняют замыслы тех, кто желал добиться некоего подобия единомыслия. Удивителен успех этого выражения, ставшего настолько привычным в тексте и речи, что и по сей день чувствуешь себя обязанным употреблять его кстати и некстати, совершенно не раздумывая.

Понятие «крестовый поход», очень многозначительное, послужило историкам названием для некой священной или как минимум «справедливой» войны. Поводом для войны, которую Капетинги вели в Лангедоке и которую мы называем «альбигойским крестовым походом», стало убийство папского легата. Глава первого похода Симон IV де Монфор успел в 1204 г. повоевать с мусульманами на Святой земле, в районе Тивериадского озера, но в Лангедоке, в войне с Раймундом VI Тулузским и арагонским королем, армиями командовали сеньоры Иль-де-Франса, а потом король Людовик VIII. Катарскую ересь, конечно, осудили и разгромили, почти уничтожив, но в то же время, благодаря нескольким громким победам, было обеспечено присоединение к Французскому королевству Тулузского графства. Некоторые авторы, сильнее дистанцировавшиеся от этих событий, доходят до утверждения, что в конечном сче-

те борьба с ересью была для капетингской монархии не более чем предлогом. Еще более откровенно политическая направленность проявилась в крестовом походе, который в 1266 г. провозгласил французский папа Климент IV, чтобы отобрать Неаполитанское королевство у наследников императора Фридриха II и отдать Карлу Анжуйскому — к этому времени уже ставшему графом Прованским, — самому младшему из братьев короля Людовика Святого. Для ведения войны с немецкими рыцарями и их неаполитанскими союзниками, которые не были ни еретиками, ни схизматиками, папа продал несколько священных сосудов из папской сокровищницы и велел собирать деньги во всем Французском королевстве и в Северной Италии. Лет через двадцать, в 1285 г., другой французский папа, Мартин IV, объявил «арагонский крестовый поход», чтобы заставить короля Арагона поплатиться за помощь, оказанную им в 1282 г. сицилийцам в борьбе с анжуйской оккупацией.

Использовать одно и то же слово для названия походов, участники которых два века пытались вернуть Святую землю христианам, значит объединять совершенно разные предприятия, различавшиеся как комплектованием и вооружением войск, так и проведением военных операций. В знаменитом «крестовом походе баронов» 1096–1099 гг. на самом деле участвовали четыре армии, которые, выступив из Эно, Нижней Лотарингии, Нормандии, Лангедока и Южной Италии, неизбежно двинулись разными путями: одни всю дорогу шли сушей, другие высадились в Греции после короткого перехода по Адриатическому морю. Они прибывали в Константинополь с интервалом в недели

и никогда не сливались в единое войско, не признавали другой власти, кроме своих командиров, выполнявших собственные замыслы, очень часто конфликтовали меж собой и в конечном счете основали в Сирии и Палестине четыре независимых друг от друга государства, причем двое из этих баронов даже не дошли до Иерусалима. Во время «Третьего крестового похода» Фридрих Барбаросса шел по суше, тогда как Ричард Львиное Сердце отплыл из Марселя, а Филипп Август — из Генуи. Один за другим они высадились на побережье Сицилии, где скоро поссорились, а потом расстались: французский король направился непосредственно в Святую землю, а Ричард задержался, чтобы попутно завоевать остров Кипр. Прибыв в Иерусалим через два месяца после французской армии, он там остался еще на год.

Давая уроки истории маленьким детям, нельзя говорить обо всем, но предельное упрощение иногда приводит к формированию совершенно ложной картины событий, и, когда обращаешься к другой аудитории, это следовало бы учитывать. Наши книги, в том числе учебники для системы высшего образования, и даже диссертации, плоды углубленных изысканий, неизменно говорят о восьми крестовых походах¹, при-

¹ Критерии выбора походов, которые достойны получить номер и изучаться, выглядят не слишком очевидными. Похоже, сначала историки хотели оставить только те из них, которые возглавлял французский король или император. Но король не участвовал в «четвертом» походе 1204 г., а вождями «пятого» были государи Австрии и Венгрии. То ли из-за незнания фактов, то ли ради упрощения системы понятий, то ли из-за нежелания «не видеть леса за деревьями» и признавать «исключения, подтверждающие правило», но историческую истину историки полностью проигнорировали. Если вдуматься, участники первых вооруженных

том что любой, кто прочтет тексты или просто обратится к общей хронологии, ясно увидит, что походов для отвоевания Святых мест произошло более чем за два века так много, что невозможно сосчитать. В 1099 и 1100 г. каждый год отправлялась не одна экспедиция — с интервалом всего в несколько недель Французское королевство покинули три, в то время как Генуя, Пиза, а потом Венеция снаряжали флоты, чтобы добиваться господства на море и перевозить провизию, оружие и осадные машины. В те же годы три эскадры тяжелых кораблей, построенных в Дании и Норвегии, высадили своих воинов в Палестине по завершении долгого, занявшего два-три года плавания вокруг материка, в ходе которого эти воины зимовали в Галисии или Греции, сражались по дороге с мусульманами на португальских побережьях и прошли Гибралтарский пролив. Но это не в счет; у этих «крестовых походов» порядковых номеров нет. Более двух веков христиане Запада то и дело собирались, вооружались и на месяцы покидали свои страны, чтобы оказывать помощь и поддержку латинским государствам Святой земли. Для сохранения цифры «восемь» нет никаких оправданий, кроме стремления представить крестовые походы не такими, какими они были.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА: ЕЩЕ ОДИН АНАХРОНИЗМ

Избавиться от этих априорных утверждений, хлестких лозунгов и картин в черных красках нетрудно, если говорить не о «крестовых походах» вообще, а по-

паломничеств в Иерусалим, не относимых нами к «крестовым походам», не дожидались призыва Урбана II 1095 г.

пытаться проследить за эволюцией этих предприятий, которые за два века, конечно же, эволюционировали.

Освобождение Иерусалима не было делом рук торжествующей церкви, внушившей эту идею всему христианскому миру с целью собрать воинские отряды из представителей всех народов Запада. Во времена первых больших предприятий на Востоке папство еще не освободилось от императорской опеки, и по этой причине нельзя говорить о священной войне. Григорий VII, избранный в 1073 г., через три года был низложен собором, который созвал в Вормсе Генрих IV. В ответ папа немедленно отлучил последнего, и император вместе с императрицей и детьми пришел в Каноссу, высоко в горы в разгар зимы, чтобы вымолить прощения. Но, едва вернувшись в Германию, он заявил, что его обещания недействительны, и во главе сильной армии захватил Рим, заключил папу Григория в замок Святого Ангела и короновал в папы под именем Климента III одного из своих приближенных, Гвиберта, который сначала был его наместником в Италии, а в 1072 г., несмотря на явно выраженное недовольство папы Александра II, был назначен архиепископом Равеннским. Григорий VII, освобожденный сицилийскими норманнами, не сумел удержаться в Риме и, вынужденный избрать унижительное бегство, укрылся в Салерно, где и умер в изгнании в мае 1085 г.

Урбан II, папа, воззавший к крестовому походу в Клермоне, во Франции был беглецом, неспособным добиться, чтобы к нему прислушались в Риме. Отпрыск знатного шампанского рода, бенедиктинец, архидиакон Реймский, приор аббатства Кюни, избранный в 1088 г., он не мог оставаться в Риме — мятежный го-

род по-прежнему находился в руках антипапы Климента III. Сначала он нашел убежище в Южной Италии у норманнского герцога Рожера Готвильского, будущего Рожера I Сицилийского, а до Рима смог добраться только в 1093 г., через пять лет после избрания. Он сумел поселиться в Латеранском дворце, но город был вынужден оставить сторонникам другого папы.

Незадолго до перехода через Альпы Урбан, чтобы показать свое влияние, созвал верных прелатов в Пьяченце — городе, где уже давно каждый год собиралось множество паломников, перед тем как пойти в Сантьяго-де-Компостелу. Это был триумф: с 1 по 15 марта 1095 г. там заседало двести епископов из Италии, Баварии и Бургундии. Хронисты, как всегда, не скупившиеся на большие цифры, пишут о четырех тысячах священников и монахов и тридцати тысячах мирян. Никакой зал или городская площадь неместили бы такую толпу, и собрание проводили на большом поле за стенами города. Папа громко и энергично провозгласил каноны реформы, какой добивался Григорий VII: независимость церкви от светской власти, реформирование нравов духовенства. Он долго принимал у себя Аделаиду Киевскую, приехавшую с жалобами на супруга, императора Генриха IV, снял отлучение с Алексея I Комнина, императора Востока, и в кратком обращении призвал князей и сеньоров Запада оказать тому помощь, защитив греков, которым в Анатолии угрожали смертоносные набеги турок. Но о Святой земле не было сказано ни слова.

В Клермоне Урбан II знал, что его проповедь не будет услышана ни в империи, ни в обширной части Италии, от Альп до Рима. Как и во французском коро-

левском домене: на Клермонском соборе, который, заседа с 18 по 26 ноября 1095 г., все-таки собрал десять архиепископов и около 220 епископов, он официально подтвердил отлучение короля Филиппа I¹, провозглашенное в октябре 1094 г. на Отёнском соборе. Чтобы шире распространить призыв помочь паломникам и освободить Гроб Господень, он покинул Клермон и не жалел сил, ратуя за поход на Святую Землю. С середины ноября 1095 г. по июль 1096 г. он в ходе долгого объезда страны побывал в 30–35 аббатствах или церквях, но, не считая двух кратких вылазок в Анжер и Ле-Ман, а потом в Ключи и Отён, ездил только по центральной части королевства, в основном по Оверни и графству Тулузскому. На соборе, созванном в Ниме, он направил двух легатов к генуэзцам, чтобы убедить тех вооружиться и прислать помощь по морю. Оттуда через Авиньон, Кавайон и Форкалькье он наконец доехал до Италии, далеко не уверенный, что встретит там хороший прием. Чем говорить о крестовом походе в результате мобилизации христиан Запада, лучше было бы сказать, что в 1096–1099 г. в путь отправились отряды, у которых во многих отношениях было мало общего: четыре из них откликнулись на призыв папы и епископов, остальные были набраны в странах, находившихся под влиянием антипап, и в домене отлученного короля Франции.

Схизма и присутствие антипапы в самом Риме часто становились трудными препятствиями для передви-

¹ Третий король из династии Капетингов, внук Гуго Капета и сын Генриха I и Анны Киевской, он похитил Бертраду де Монфор, супругу графа Анжуйского, а потом, разведясь с женой Бертой Голландской, в 1092 г. женился на ней и прижил четырех детей.

жения рыцарей, принявших крест в ответ на призыв Урбана II. Прибыв в Италию, люди Роберта II Нормандского встретились в Лукке с настоящим папой. Но в Риме «при нашем входе в базилику блаженного Петра мы нашли пред алтарем приверженцев Гвиберта, этого безумного папы; с мечом в руках они отбирали силою приношения от верных на алтарь; другие же, забравшись на балки, служившие потолком монастыря, бросали сверху вниз камни в то место, где мы, смиренно распростершись, молились. Едва они замечали кого-нибудь из партии Урбана, как ими овладевало желание задушить его на месте»¹.

Урбан II умер 29 июля 1099 г., и, несомненно, ему не сообщили о взятии Иерусалима, случившемся двумя неделями раньше. В Риме, по-прежнему пребывавшем под властью аристократических кланов, где в любой момент можно было опасаться, что на улицы вырвется толпа с яростными выкриками, верующие были все так же расколоты на сторонников антипапы и папы, избранного кардиналами. Собор все-таки избрал здесь папой итальянца Раньеро ди Бьедра, принявшего имя Пасхалия II. Однако император не уступил и после смерти Климента III в 1100 г. назначил по очереди еще трех пап: Теодориха, римлянина, который прежде был легатом в Германии и которого сторонники Пасхалия II взяли в плен, едва он попытался перейти Альпы,

¹ *Foucher de Chartres. Histoires des croisades // Memoires relatifs a l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie francaise jusqu'au XIIIe siecle. Éd. F. Guizot. Paris: J.-L.-J. Brière, 1823–1835. 30 vol. T. XXIV. 1825. P. 25. — Цит. по: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том III. СПб: тип. М. М. Стасюлевича. 1887. С. 165.*

потом некоего Альберта, о котором не известно почти ничего и который всего через несколько дней после назначения был схвачен и сослан в монастырь в Кампании, и, наконец, Сильвестра IV, римлянина, который в апреле 1111 г. подчинился папе, дав Пасхалию II возможность наконец объединить всех христиан только под своей властью. Всего через два дня после смерти Пасхалия в 1118 г. был избран Геласий II, младший сын богатого семейства в Лации, но вскоре ему противопоставили антипапу Григория VIII; Геласий бежал во Францию в поисках поддержки со стороны короля Людовика VI, с которым должен был встретиться в Везеле, но по дороге умер в Клуни в январе 1119 г. Его понтификат продлился немногим более года.

ВНАЧАЛЕ БЫЛИ ПАЛОМНИЧЕСТВА

Этого очень мало, чтобы говорить о священной войне. Папа, находившийся при Рожере Готвильском во время кампаний в Сицилии против мусульман, а в Клермоне и Тулузе призывавший христиан Оверни и Лангедока присоединяться к христианской *Реконките* на Пиренейском полуострове, не говорил об изгнании ислама с земель, какие тот завоевал на Востоке. Не все его речи записаны, но клермонская, в которой «он изложил христианам свои причины для страха, чтобы разжечь в них неимоверно пламенное желание тронуться с места», известна по рассказам четырех свидетелей, высказывания которых сходятся, хотя ни один из них не переписывал слова других. Слова «мусульманин» ни в одном тексте нет: они пишут о «Святой земле» и «чужих странах», не упоминая, какие народы там живут и кто ими правит. Папа хотел защитить тех, кто, по-

кинув близких и иногда продав имущество, выступал в долгое странствие, изобилующее опасностями, терпя страдания плоти, чтобы увидеть места, где жил Христос, и помолиться на его могиле. Это «восхитительное желание» идти в Иерусалим или помогать тем, кто отправляется в путь, могло в равной мере охватывать богатых и бедных, мужчин и женщин, монахов и клириков, горожан и крестьян. Речь шла не о воинах, рыцарях или солдатах, а о паломниках.

В этом смысле та долгая авантюра, которую мы называем «первым крестовым походом», была прежде всего большим паломничеством в Святую землю, отнюдь не исключительным¹, а вписанным в долгую традицию, во многих отношениях похожим на множество других, собиравших толпы, которые отправлялись в опасные пешие странствия. То, что участие в таких предприятиях многочисленных паломников из всех слоев общества некоторые авторы игнорировали, не может удивлять, ведь оно противоречит многим априорным представлениям. Полагалось говорить только о завоеваниях или о «священной войне».

Одно из самых первых паломничеств в Святую землю совершила, несомненно, Елена, мать императора Константина, проведшая там много времени около 330 г.: она построила Вифлеемскую церковь, церковь Гро-

¹ Кто мог бы не понять и не признать этого желания верующих — видеть Святые места и молиться в них — в наше время, когда туристские группы под руководством гидов проводят целые часы в дороге и тратят изрядные суммы денег, чтобы увидеть дом на Майорке, где Жорж Санд и Альфред де Мюссе промерзли одну зиму, или дом «доброй дамы» [Ж. Санд] в Ноане, или дома Виктора Гюго на площади Вогезов и на острове Гернси?

ба Господня и церковь на Масличной горе и привезла в Константинополь много выдающихся реликвий. В 383 или 384 г. одна женщина, Эгерия, предположительно из Галисии, посетила гробницу Иова в Салте, в Иордании, и гробницу апостола Фомы в Эдессе, побывав до этого в Иерусалиме. Она подробно описала свое путешествие в книге, от которой до нас дошла только четверть, впоследствии случайно найденная в одной библиотеке Ареццо в Тоскане¹. С этих первых времен до 1050–1080-х гг. историки зафиксировали более чем по десятку путешествий за век — урожай явно очень скудный, если учесть, что многие паломники наверняка ничего не писали, а большинство их рассказов затерялось или было уничтожено в частных архивах пожарами либо вандалами². Эти «путеводители» или «путевые заметки» предназначались, конечно, для узкого круга, но по возвращении паломники много говорили, и их слова пересказывали с амвона священники других приходов. Некоторые писали близким, и их письма зачитывались на деревенских сходах и на собраниях в больших городах, а потом сохранялись паломническими братствами, которые помогали паломникам при уходе и заботились о семье и имуществе отсутствующего.

¹ Позволяющая проследить за ее путешествием от горы Синай до Константинополя. *Égérie. Mon pèlerinage en Terre sainte*. Paris: Cerf, 1977.

² *Wilkinson J. Jerusalem pilgrims: before the crusades*. Warminster: Aris and Phillips, 1977. — *Micheau F. Les itinéraires maritimes et continentaux des pèlerinages vers Jérusalem // Occident et Orient au Xe siècle. Actes du IXe Congrès de la Société des historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur public (Dijon, 2–4 juin 1978)*. Paris: les Belles lettres, 1979. P. 79–104. — Интернет-сайты Франсуа Ксавье де Вильмана (François-Xavier de Villemagne).

Эти благочестивые странствия в Рим и в Иерусалим не прекращались никогда, даже в худшие времена. В Центральной Европе и на Балканах паломники пока не находили приютов, чтобы остановиться. На Востоке, не защищенные от непогоды, они все дорожке платили за право пройти в Святые места. Передвигаться морем, когда мусульмане еще занимали значительную часть Южной Италии, тоже значило дорого платить и идти на риск. Так, в 867 г. Бернард Монах и оба его спутника (вышедшие неизвестно откуда) сначала пошли молиться в Рим и в святилище Святого Михаила на горе Гаргано, расположенное на мысу, который возвышается над Адриатическим морем в Апулии. Правитель («эмир», говорят они) Бари выписал им общий пропуск. В Таренте они видели несколько тысяч христианских пленников (по их оценке, девять тысяч) — результат большого набега эмира на побережье Кампании, — погруженных в трюмы четырех судов, два из которых отходили в Триполи, а два — в Александрию. Они сели на египетское судно, которое за тридцать дней довезло их до Египта. В «Вавилоне» (Каире) грамота правителя Бари никак им не помогла — брошенные в тюрьму, они заплатили очень дорого за право продолжать путь, а в Дамьетте наняли толмача (переводчика) и лошадей. После шести дней перехода по пустыне, о которых они не пишут ничего, они оказались в Рамле, а потом в Иерусалиме. О их возвращении в Европу мы мало что знаем, кроме того, что для этого потребовалось шестьдесят дней опасного плавания в несколько переходов, прежде чем они наконец высадились на итальянском побережье. По пути в Рим они остановились помолиться святому Ми-

хаилу в святилище, высеченном в гроте между Салерно и Эболи.

В 950–960-х гг. к завоеванию Востока приступили Фатимиды, шиитская династия, зародившаяся и поначалу усилившаяся в Магрибе и на Сицилии. Они заняли Египет, основали там шиитский университет, где проповедовалась более суровая религия, чем прежде. Султан аль-Хаким (ум. в 1021 г.) разрушил христианские церкви Каира, а в 1009 г. велел скрыть церковь Гроба Господня в Иерусалиме. Все храмы города были снесены, монахи изгнаны, священные сосуды уничтожены или изъяты.

Эти разрушения и яростная агрессия вызвали большой резонанс на Западе. В 1027 г. Изарн, аббат обители Сен-Виктор в Марселе, а в 1037 г. Изамбар де Бруа, епископ Орлеанский, возвысили голос, призывая христиан собраться и оказать паломникам помощь. Призыв был услышан: «Со всех концов земли поспешили бесчисленные верующие, своими дарами способствуя восстановлению святилищ. И каждый год монахи с горы Синай приезжали в Руан и возвращались нагруженные золотом и серебром. Ричард, второй с этим именем¹, послал в Иерусалим сто фунтов золота на Гроб [Господень], всем же, кто желал, он помогал в паломничестве. Столь обильного притока никогда нельзя было и ожидать: сначала простой народ, потом средний и, наконец, короли, графы, прелаты и, чего никогда не было видано, знатные женщины отправились в это

¹ Ричард II, герцог Нормандский, умерший в 1026 г. Ср. *Musset L. Recherches sur les pèlerins et les pèlerinages en Normandie jusqu'à la Première Croisade // Annales de Normandie. 12 (octobre 1962). N° 3. P. 127–150.*

паломничество»¹. Собор в Руане, созданный в 1072 г., отлучил от церкви одну женщину, которая, когда ее муж был паломником, якобы повторно вышла замуж, не получив верного известия о его смерти.

Паломничеств в Рим, на гору Гаргано и в Бари, где утвердился культ святого Николая, становилось все больше, а чтобы ехать на Восток, людям в Апулии, в Бари или Тарент, после христианского отвоевания этих мест уже не надо было договариваться о посадке на мусульманское судно. В этих же портах, а также в Неаполе и Амальфи они находили помощь и поддержку у судовладельцев и опытных моряков, которые, прекрасно зная маршруты и рифы, везли их прямо, без заходов в промежуточные порты, на побережье Палестины, чаще всего в Яффу, в то время простой рыбацкий поселок, ставший одним из самых активных портов на берегах Сирии и Палестины.

Зацепившийся за узкий горный карниз, не соединенный дорогами с материком, Амальфи не имел других связей с остальным миром, кроме как по морю. Завоеванный в 839 г. Сикардом, лангобардским князем Беневента, после смерти последнего он освободился и с тех пор утвердил свою независимость, управляясь «герцогами» — префектами, избиравшимися из представителей знатных семейств. Его герцоги и магистраты носили почетные титулы высших сановников Восточной [Римской] империи, и признание зависимости от нее, очень условной, давало городу некоторые льготы со стороны Греческой империи [Византии]. В Кон-

¹ Рауль Глабер (ум. 1047), цитируемый по изданию: *Lalanne L. Des pèlerinages en Terre Sainte avant les croisades. Paris: Firmin-Didot frères, 1845. [Extrait de la «Bibliothèque de l'École des chartes», 2e série, T. II.]*

стантинополе на берегу Золотого Рога амальфитяне основали старейшую из торговых колоний западно-европейцев. Избавленные от бóльшей части таможенных пошлин, они зависели от императорского правосудия только при разрешении конфликтов с греками. Их купцы привозили в свой город и продавали в Неаполе, Риме и по всей Южной Италии великолепные шелковые ткани, окрашенные пурпуром, и работы золотых дел мастеров и резчиков по слоновой кости из Константинополя — ковчежцы, алтари и священные сосуды. История, позже написанная хозяевами Египта, утверждает, что амальфитяне помогли фатимидскому халифу в 969 г. завоевать Каир. В награду им предоставили в Каире *фондук*, чтобы они могли селить своих моряков, купцов и плотников, которые, несомненно, способствовали оснащению египетского флота, поставляя дерево, железо и смолу в обмен на пряности, привозившиеся караванами в порты Красного моря. За эти добрые отношения жители Амальфи и Равелло, городка, прилепившегося к горному склону, получали доступ на рынки мусульманского Востока, покровительство и некоторые льготы.

Каждый год одно-два судна этих горожан покидали свои обычные маршруты, ведущие в Константинополь или Александрию Египетскую, чтобы отвезти паломников в Яффу. Высоко ценимые в Риме и в Монтекассино, «люди из Мельфе» в 1000-е гг. в качестве регулярных перевозчиков паломников стали популярней жителей Бари, Бриндизи и других портов Апулии. Это были первые налаженные «переправы за море» для доставки в Иерусалим людей, которые отныне не были подвержены превратностям и опасностям

частной авантюры, избавлены от страха перед неизвестным. Паломников, которыми руководили моряки и опытные проводники, направляли в странноприимный дом Святого Иоанна, основанный Маури, богатым семейством из Амальфи, при единственной латинской церкви города — Санта-Мария-Латина, тоже построенной амальфитянами. Расположенный прямо напротив церкви Гроба Господня, этот приют, где принимали «всех бедняков, которым было не на что жить», был посвящен не Иоанну Крестителю или апостолу, а Иоанну — патриарху Александрии Египетской (который умер в 605 г. и был прозван Милостивым за то, что всю жизнь подавал милостыню, раздавая бедным даже свою одежду).

Мы могли бы причислить к «крестовым походам» и паломничества скандинавов, сразу же после крещения своих стран собиравших толпы людей, которых возглавлял и защищал авангард рыцарей, преисполненных свирепой решимостью прокладывать себе путь и сражаться. Рассказы и путеводители, очень многочисленные с первых времен, легенды и саги, народные песни говорят об этих «путешествиях в Иерусалим», а людей называют только «паломниками», или «иерусалимскими людьми».

Из Швеции шло несколько путей, называвшихся «иерусалимскими» или «паломническими»: с острова Готланд паломники отплывали к Рижскому заливу или северней, в район Ладожского озера, откуда через Витебск или Новгород достигали Смоленска, а потом, после долгого плавания по Днепру, — Киева и берегов Черного моря. Из Константинополя греческие суда доставляли их в Палестину. Исхоженный уже более века,

это был путь варягов — воинов, искавших удачи на службе у римского императора Востока. Этот маршрут долго описывает император Константин Багрянородный (905–959), говорящий о Балтийском море как о «Варяжском»¹. Датчане и исландцы избирали другой путь, который, нигде не совпадая с путем варягов, вел через Майнц, Страсбург, Сен-Морис-ан-Вале, потом пересекал Альпы по Сен-Бернару и выходил в Пьяченцу и в Рим. Этот путь, хорошо известный, был отмечен вехами в каждом городе, и вдоль всей дороги паломники находили приюты, основанные королем Венгрии, а в Италии — те, которые постоянно содержал под Пьяченцей и Луккой датский король Эрик Добрый. Из Италии они могли на судах переправиться в Святую землю.

Эти северяне уезжали со спокойным сердцем, ведь их родственники получали покровительство со стороны епископа и короля, их имущество было защищено. Часто их сопровождали один-два ветерана, искушенные в опасностях маршрута, и как люди, знакомые с местностью и знающие, к кому обращаться и как разговаривать, служили им проводниками, следя в то же время, чтобы они не платили дороже, чем принято.

По возвращении их встречала сельская община во главе со священниками, оказывая им почести. Они знали, что их мелкие проступки забыты, злые ссоры с соседями утихли, доходы от их земель стали выше, чем были при отъезде, и могли очень рассчитывать на продажу сокровищ или редкостей, шелков, красивых

¹ *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des thèmes* / ed. A. Vogt. 1867. Livre III, chap. 14.

ювелирных изделий, привезенных из Константинополя или Италии. Клирики собирали рассказы и песни и включали их во «*Flores peregrinationis*», восхвалявшие заслуги этих иерусалимских мужей, воспевавшие добродетели и отвагу героев путешествия — Торда Сьярекссона по прозвищу Скальд, который около 1020 г. повел группу исландцев в опасную авантюру и вернулся покрытым славой, или норвежского вождя по имени Гаути, который вместе с соотечественником, встреченным в Кельне, потерялся в пустыне и умер от жажды в том месте, где Моисей открыл евреям проход через Красное море.

Очень задолго до проповедей Урбана II князья и епископы подавали пример другим, беря под покровительство паломников, слишком бедных и безоружных, неспособных защититься и прокормиться. В то же время или немногим позже безопасней стали дороги. Обратившись в христианство, король Стефан Венгерский (997–1038) проложил широкую Дунайскую дорогу, вдоль которой построил несколько монастырей и приютов, велел оказывать хороший прием паломникам; он принимал их и сам в своем городе Буде, а его епископы и вассалы направились в пограничные области, где учредили настоящую дорожную стражу, преследовавшую разбойников и снабжавшую путников всем необходимым по разумным ценам.

В 1026 г., примерно за три четверти века до призыва Урбана II, состоялось, как пишет один хронист, большое паломничество с участием семисот человек, по преимуществу рыцарей и служителей церкви, которое возглавили граф Ангулемский, аббат Сен-Рикье и аббат Сен-Ванна в Вердене. Присоединив к себе по пути груп-

пу из Трира, они прошли через Баварию, а потом через Венгрию, где их принял, ободрил и снабдил припасами король Стефан, а потом, после нескончаемого перехода в разгар зимы, наконец достигли берегов Черного моря и Константинополя, где почтили священные реликвии во дворце, восстановили силы и в сопровождении группы чиновников императорского двора во главе с одним сановником прибыли в Антиохию. В Иерусалиме они были в марте 1027 г. и через три недели двинулись обратно тем же путем, каким пришли.

В 1064 г. несколько тысяч человек (некоторые говорят о семи тысячах), князей и графов, богатых и бедных незнатных людей, прежде всего из долины Рейна, собрались под руководством архиепископа Зигфрида Майнцского, епископа Вильгельма Утрехтского, Альтмана — декана ахенского капитула и капеллана вдовы императора Генриха III Агнессы, епископа Гюнтера Бамбергского, Оттона Регенсбургского и каноников из Ахена и Пассау. Они пошли вместе, неся широко развернутые знамена, хоругви и драпировки, демонстрируя повсюду, где проходили, священные сосуды и реликварии из своих церквей, а на телегах с провизией — богатую столовую посуду под охраной слуг и оруженосцев. Они без особых помех, страдая только от жары, прошли Германию, потом Венгрию и по более трудным дорогам, ведущим на восток, достигли Константинополя, где император гарантировал им проход и пропитание до земель, занятых турками. В большинстве эти паломники были безоружными. 25 марта недалеко от места назначения, под Рамлой, они попали в засаду: «В Великую пятницу, во втором часу дня, на них набросились арабы, как голодные волки на давно ожидаемую

добычу. Поначалу наши люди пытались сопротивляться, но им пришлось искать убежища в деревне. После их бегства никто бы не мог сказать, сколько было там убито. Епископ Утрехтский, тяжело раненный и лишенный одежд, был вместе со многими другими оставлен на земле, обреченный на жалкую смерть»¹. Под предлогом переговоров об отступлении вождей заманили в ловушку, чтобы вернее перебить. Выжившие, оказавшиеся на пределе сил, спасением были обязаны отряду одного эмира, который взял с них пятьсот золотых, чтобы сопроводить до Рамлы, где придирки властей и торг задержали их более чем на две недели, прежде чем они выступили в Иерусалим, правитель которого дал им всего десять дней на то, чтобы помолиться в церкви Гроба Господня, не слишком от нее удаляясь. Собравшись обратно, они, опасаясь вновь попасть во власть бедуинов, договорились о переправе на нескольких судах из Неаполя и Амальфи, которые доставили их в Лаодикею, город, принадлежавший грекам. В Германию вернулось не более двух тысяч человек, в плачевном состоянии, потерявших все.

Зная, что на паломников могли в любой момент напасть разбойники с большой дороги, чтобы их ограбить и убить, понимаешь, что путешествия в Иерусалим становились все опасней. В Клермоне папа говорил об этом всего через пять дней после открытия заседаний собора, но эмоционально (один из очевидцев пишет о «слезах папы»), чтобы внушить собравшейся толпе христиан жалость к бедным паломникам, которые под-

¹ *Annales Altahenses Maiores*, 8, a. 1065, MGH, SS. XX. 815–817 (translation) // *Brundage J.* The crusades: A documentary history. Milwaukee, WI: Marquette University Press, 1962.

вергаются всевозможным опасностям, на которых нападают и которых унижают в тех самых местах, где жил и страдал Сын Божий. Он долго говорил о жестокостях язычников, которые оскверняют и разрушают церкви и «закалывают христиан, как агнцев». Тотчас последовал призыв к оружию, требовавший от сеньоров поддерживать меж собой прочный мир — тот «Божий мир», который папа месяцами объявлял и отстаивал в каждой проповеди и соблюдения которого добивался каждый собор, — чтобы, как сказал Урбан, они могли «проявить свою честь» в боях с неверными. Он предписал им начертать на плече крест в знак того, что они теперь члены воинства под покровительством церкви, а не злобные вояки — участники корыстных свар между соседями из-за нескольких жалких клочков земли или голов скота. На этих мирных собраниях в основном и набирали рыцарей Христа. Речь шла о священной войне — в некотором смысле призыв к оружию был — вне всякого сомнения, но не было стремления уничтожить другого, нехристианина.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТАВКИ

Те, кто старается объяснять всё экономикой и поиском прибыли, уверяют, что великие морские государства Италии — Генуя, Венеция и Пиза — пошли на Восток оказывать поддержку латинянам с единственной целью — завоевать там новые рынки. Так говорить — значит ничего не знать или все забыть: итальянские «купцы» уже занимали прочные позиции в Леванте, в Каире и на бесконечно более активном рынке Константинополя, где продавались и товары из мусульманского мира. Иерусалим, живший в основном за

счет притока паломников, не мог предложить им большего. Они там так и не обосновались, и в течение всего срока оккупации франками Святой земли их фактории на побережье, от Акры до Яффы, в коммерческом отношении были всего лишь очень скромными портами захода. Они приезжали туда не как деловые люди, а как воины под предводительством военачальников и пре-латов и в конечном счете, бесспорно, потеряли много людей и круглые суммы денег, получив лишь скромную добычу и ценные реликвии. В мае 1098 г. генуэзцы привезли к себе мощи святого Иоанна Крестителя; в Цезарее, в храме Августа, они нашли красивый сосуд и заявили, что это чаша Тайной вечери.

БЕДНЯКИ И БАРОНЫ

Те, кто не говорит о священной войне, стараются все-таки различать «крестовый поход бедноты» и крестовый поход «баронов». Эти слова используют все авторы, и ни в учебниках вплоть до университетских, ни во всевозможных публикациях для всевозможной публики никто не пишет по-другому. Но опять-таки выбор слов, рассчитанный на создание ложного представления, небезобиден. Из него следует, что в 1096 г. было всего два похода, тогда как мы можем их насчитать самое меньшее шесть-семь. И, кроме того, это противопоставление «крестового похода», где участвовали только бедняки, отправившиеся в путь исключительно затем, чтобы помолиться, другому походу — сеньоров, воинов, одержимых страстным желанием завоевывать земли. Эти слова, которые, как и многие другие, были придуманы или усвоены педагогами, стали настолько общепринятыми, что ни один автор, заводя речь о «Первом

крестовом походе», не может без них обойтись. Однако если четыре отряда «баронов» вели князья или крупные феодалы, то и «бедняки» не были предоставлены самим себе, безоружны, лишены опытных вождей или воинов, которые бы их сопровождали или, скорей, ехали верхом впереди. Конечно, многие крестьяне среди участников похода никогда не ходили нигде, кроме как по своим полям, и отправлялись в путь без малейшего представления о том, сколько предстоит пройти, и об опасностях, которые их подстерегали. Они брали с собой семьи, подковывали волов и запрягали их в двухколесные повозки, нагруженные зерном и живностью из птичника. Наивные, как дети, они, завидев вдалеке замок или бург, спрашивали, не это ли Святой город. Но задолго до 1096 г. движение паломников взяли в свои руки люди, назначаемые приходскими священниками или паломническими братствами. Ни одна группа не выступала в путь без этих проводников, которые за несколько лет до того побывали на Востоке и хорошо знали дорогу, нравы разных стран и ловушки, которых можно было опасаться. Эти люди умели говорить с греками, а потом с чиновниками эмиров и со стражниками святыни.

Слово «барон» тоже внушает совершенно ложные представления, потому что очень много «бедняков» участвовало и в тех предприятиях, которые мы определяем как «крестовые походы баронов». В Клермоне и во время своего долгого объезда страны папа обращался прежде всего к знати, к рыцарям и воинам всех рангов, заведомо способным взять на себя тяжелые расходы на долгое путешествие. Непосредственно к беднякам он не адресовался, и, судя по всему, ничто не говорилось

для того, чтобы побудить к выступлению их. Но «вскоре бедняков охватил столь ярый пыл, что ни одного не остановило осознание своих скромных доходов и сомнение, вправе ли он покинуть свой дом, виноградники и поля». Как можно было запретить им последовать за рыцарями и отправиться в путь? Принимать их, кормить, защищать от врагов и помогать до последнего момента участвовать в паломничестве считалось делом милосердия. Каждый вечер в лагере или на биваке священники или монахи из свиты князей и сеньоров — такие, как Раймунд Ажилский, капеллан Раймунда IV Тулузского, Одон, епископ Байё, Гильберт д'Эврё, приближенный Роберта II Нормандского, Петр, епископ Ананьи, сопровождавший Бозмунда Тарентского, Адемар Монтейский, епископ Ле-Пюи, которого папа назначил легатом, — проповедовали, что помогать слабым — это долг: «Никто из вас не может быть спасен, если не будет почитать и утешать бедных; они без вас умрут, а вы без них не обретете спасения. Они молят за ваши грехи Бога, которого вы столь часто оскорбляете». Под Антиохией вечером после победоносного боя, в период, когда продукты питания становились все более редкими и дорогими, было решено отдать простым людям часть добычи. Чтобы кормить и поддерживать своих вассалов и крестьян, держателей своих владений, Раймунд IV Тулузский и Готфрид Бульонский взяли с собой крупные суммы в золотой монете.

Очевидцы и историки того времени, стараясь понравиться своим читателям и удивить их, говорили о десятках и сотнях тысяч мужчин, женщин и детей. Как отнестись к этим цифрам, мы не знаем, настолько авторы расходились во мнениях и, похоже, сознательно

шли на сильные преувеличения. Хронисты, конечно, не могли сделать точных подсчетов. Но мы можем прислушаться к ним, когда они говорят, что в этих толпах, походных колоннах, воины всегда были сравнительно малочисленными и ни у кого не было лошади или кольчуги. И поверить Анне Комниной, которая, вместо того чтобы приводить очень большие цифры, говорит о растерянности константинопольских греков при вести о приходе франков: «Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты. [...] Приходу этого множества народов предшествовало появление саранчи, которая [...] страшно опустошила виноградники»¹. Фердинанд Лот, считающийся одним из лучших специалистов по оценке численности армий того времени, гиперкритичный и склонный скорее убирать нули, чем преувеличивать, пишет, что 12 августа 1099 г. в сражении при Аскалоне войска франков следует оценивать приблизительно в 1200 всадников и 9000 пехотинцев².

Бремя таких масс замедляло движение, совершенно исключало захват противника врасплох с помощью засады и вынуждало каждый вечер разбивать огромный лагерь, привлекая большое количество воинов. В июне 1097 г., чтобы выйти к городу Никее и осадить

¹ Цит. по: Анна Комнина. *Алексиада* / пер. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965. С. 276.

² Lot F. *L'art militaire et les armées au Moyen Âge en Europe et dans le Proche Orient*. Paris: Payot, 1946. T. I. P. 49.

ее, франкам пришлось расчищать путь по крутым дорогам топорами, и бедняки двигались так медленно, что последние группы пришли через три недели после первых. Весь период боев суда константинопольского императора днем и ночью причаливали в ближайшем порту, чтобы выгружать в больших количествах продовольствие для раздачи самым обездоленным.

К тому же по дороге постоянно убывала численность воинов. Вожди подсчитывали умерших и «малодушных», которые, чрезмерно устав, заболев, осознав грозящие опасности, покидали лагерь, бросаясь в позорное бегство.

Выйти в море, чтобы пересечь Адриатику, было делом очень рискованным. Люди Роберта II Нормандского, Стефана Блуаского и Роберта Фландрского, прибывшие в начале ноября 1096 г. в Бриндизи, там разделились. Погода была плохой. Фламандские сеньоры переправили своих людей, но остальные отказались отплывать и остались на месте на долгие месяцы, до самого апреля 1097 г. Многие не дождались этого времени и повернули обратно, причем после того, как судно, взявшее на борт более двухсот паломников, затонуло, такие дезертирства участились.

НЕВЕДЕНИЕ ОБ ИСЛАМЕ

Читая тексты того времени, когда западноевропейцы готовились к вторжению ради освобождения Иерусалима, мы хорошо видим: история захвата арабами Святой земли и эффектные успехи христианской реконкисты, устроенной греками, которые были отмечены большими триумфами в Константинополе и огромным количеством эпических песен по всей Восточной империи,

латинянам и даже Риму остались почти неизвестны. К моменту, когда «крестоносцы» собирались выступить в путь, эти события и, в частности, войны между арабами и греками в коллективной памяти отсутствовали. Ни один хронист не задерживается на их описании, а большинство их не упоминает. Об этом свидетельствуют слова, какие они использовали, чтобы называть тех, с кем собирались встретиться. Из подвигов войны на Западе, кампании Карла Великого против эмира Сарагосы в 778 г., кампаний христиан, освободивших в 785 г. Жерону, в 801 г. Барселону и в 811 г. Тортосу, грамотеи тысячных годов вынесли только слово «сарацины». То же слово применяли генуэзцы и пизанцы к магрибинским пиратам, грабившим побережья Италии, разорившим Рим и Геную, похищавшим женщин и детей, обрекая их на рабство. О происхождении этого слова нет единого мнения. Одни говорят, что так называли людей с темным цветом кожи, другие — что их считали потомками племени, жившего в Сирии близ одноименного города. Чаще всего в них видели сынов Сары, супруги Авраама. Во всяком случае, это слово было в ходу задолго до появления ислама, а в христианском мире его применяли также к слабо христианизированным народам, жившим в Аквитании и на Пиренеях. Для других авторов жители Африки были «исмаилянами», потомками сына Авраама, или «агарянами», происходившими от Агари, рабыни Авраама. Третьи говорят о «публиканах» или «азимитах», в отношении которых Гвиберт Ножанский утверждает, что они не боятся ни стрел, ни мечей, потому что, как и их кони, целиком покрыты железом.

Как можно отстаивать представление о «священной войне», если не было известно, что противник исповеду-

ет другую религию? Григорий VII говорил не о мусульманах, а о «народе язычников». Об освобождении Иерусалима в 1099 г. рассказали четыре свидетеля, прошедших весь поход. По прочтении сотен страниц становится очевидным, что эти люди, хорошо образованные, легко писавшие по-латыни, служители церкви, старавшиеся получать информацию в любой момент, мало или даже ничего не знали о народах, которые они встретят по дороге после Константинополя. Они писали о «неверных», «язычниках» или «безбожниках» вообще, а для лучшего их различения явно не имели других ориентиров, чем книги по истории Древнего Рима, в частности рассказы о походах Помпея или Марка Антония. Они называли этих людей персами или парфянами, вавилонянами или эфиопами. О существовании турок они узнали только во время долгого пребывания в Константинополе и осады Никеи. Тогда же они переняли у греков, искажив до неузнаваемости, некоторые слова, означавшие командиров императорских армий и платных наемников. Они могли говорить о халифе, эмире такого-то или такого-то города или государства и даже иногда — признак, что они вступали во всевозможные контакты с вождями для переговоров о проходе или о заключении мира после боя, — пытались с грехом пополам записывать их имена. Но в целом среди всех этих слов ни разу не попадают «мусульмане», «ислам» или «Мухаммед». Они никогда не задерживались на описании мечети и ни слова не сказали о религии. В конце мая 1098 г., когда латиняне уже больше года находились на исламской земле и больше шести месяцев стояли под Антиохией, где не раз говорили с посланниками эмиров, Фульхерий Шартрский, участвовавший во всем походе с начала до конца, приводит

имена двадцати восьми вражеских вождей, худо-бедно транскрибируя их на французский. Получаются Маладук-как, Солиман, Мараон, Котелозеньер... но ни разу он не называет их мусульманами и даже неверными, а просто «язычниками без веры и закона»¹.

Это неведение сохранялось очень долго. Некоторые историки обратили особое внимание на то, как франки второго поколения, которых они называют «пулены», завязывали хорошие отношения с египтянами или с эмирами Алеппо и Дамаска. Они часто встречались, вместе пировали, и эти «пулены», иногда женившиеся на местных девушках², якобы перенимали у соседей обычаи, манеру одеваться и трапезничать; они никак не могли не знать об исламе. Это надо проверить, и следует добавить, что в 1246 г. Андрей из Лонжюмо, отправленный на Восток Людовиком Святым с миссией, привез ему письмо от Симеона Раббан-аты, несторианина из сирийской церкви, молившего короля избавить христиан от врагов, которых он называл «отвратительными варварами» и более никак. Еще позже анонимный хронист, автор «*Estoire*» о разрушении Акры, города, взятого в 1291 г. мамлюками, писал о «великом множестве нечестивцев, и всех людей, и всех языков, живших в пустынях Востока»; об их религии он не говорит ничего.

ЗАВОЕВАНИЯ МУСУЛЬМАН

Создавать совершенно ложное представление о том, как мусульмане присвоили эти римские территории, на-

¹ *Foucher de Chartres*. Op. cit. P. 57.

² Это, несомненно, так, но забывают добавить, что эти девушки были либо армянками, либо иерусалимскими христианками.

селенные христианами, представляя «арабов» освободителями угнетенных народов, — значит не считаться с исторической истиной. Якобы эти прекрасные и богатые римские провинции на Востоке упали, как зрелые плоды: «Ислам мог явиться. Завоеватель, который избавил бы Сирию от византийского ига, мог быть уверен, что его встретят как благодетеля», и, разумеется, «у арабов были все шансы, что старинные провинции семитского мира Сирии и Палестины примут их как освободителей»¹.

Все было совсем наоборот². Не простое принятие под свою власть угнетенных масс, которые, ведя открытую борьбу с греками, только и ждали возможности открыть ворота своих городов более щедрым господам, а череда войн, упорных сражений, долгих осад и тысячи убитых с той и другой стороны. Первая завоевательная война велась с племенами бедуинов, не признававшими ислам, а потом, в 627 г., с Бану Курайза, евреями, которые были все перебиты. От греков

¹ *Lombard M. L'Islam dans sa première grandeur: VIIIe–XIe siècle. Paris: Flammarion, 1971. P. 9.*

² Эти долгие завоевательные войны и упорное сопротивление греков и их христианских союзников или подданных стали хорошо известными лишь не так давно — благодаря книге Луи Шаньона «Начало арабо-мусульманских завоеваний» (*Chagnon L. Les débuts des conquêtes arabo-musulmanes: mythes et réalité. Paris: Godefroy de Bouillon, 2006*). Автор, преподаватель истории, получил в 2004 г. выговор и был отстранен от должности министром национального просвещения за то, что говорил на уроках о Мухаммеде и экспансии ислама, используя «упрощенческие формулировки». Выговор был «отменен» в 2008 г. административным судом Парижа, но представление о легком завоевании и о населении, принимающем захватчиков с распростертыми объятиями и криками радости, по-прежнему навязывается в том, что мы называем СМИ, и еще более — в коллежах на лекциях об исламе.

мусульмане потерпели тяжелое поражение в 629 г., но одержали сокрушительную победу при Ярмуке в 636 г. Это была отнюдь не просто стычка и не капитуляция отряда, готового сдаться: ат-Табари, персидский хронист, говорит о 120 тыс. убитых, немалую часть которых составили арабы-христиане, союзники греков¹. Шла ожесточенная борьба, включившая и другие крупные сражения — при Дасине (Тадуне) с армией стратига Сергия, которого замучили и убили, а потом при Аджнадайне. Греки укрывались в городах, защищенных стенами, но в 635 г. после месячной осады был взят Дамаск; из сорока церквей города христианам оставили четырнадцать. В 637 г. пала Газа, а ее гарнизон перебили за отказ сдаться, Иерусалим сопротивлялся более двух лет, а Кесария, которую обороняли тысячи наемников на жалованье у императора, самаритяне и евреи, держалась три года (638–641).

У этого завоевания были свои громкие успехи и свои пределы. Персидскую империю стерли с географической карты, парфянам пришлось перенимать язык и религию победителей, но обширные провинции христианской Восточной империи держались долго. Еще в Сирии мусульмане столкнулись с маронитами, которые, закрепившись в своих горах, организовав сильные военные поселения, преградили им путь. Северной, за Алеппо, горцы Тавра могли разве что задержать продвижение захватчиков, но, когда флот халифа с 674 по 678 г. осадил Константинополь, арабы обнаружили, что город окружен внушительной стеной, усиленной

¹ *Tabari, Muhammad ibn Yarir al-. La Chronique: histoire des prophètes et des rois / trad. par H. Zotenberg. Arles: Actes Sud; Paris: Sindbad, 2001. 2 vol.*

высокими башнями, а его защитники вооружены огнеметами (греческим огнем). Осаждавшим пришлось отступить, а в 717–718 г. флот, как утверждают, численностью более тысячи кораблей, тоже был вынужден после упорных боев снять осаду. В 789 г. император Лев III нанес мусульманам тяжелое поражение в горах Фригии, а через несколько лет их флот был уничтожен в одном-единственном столкновении, и противникам пришлось оставить грекам Кипр. Еще одно наступление захлебнулось в 823 г., и с тех пор греки и мусульмане багдадского халифа сталкивались только в Анатолии в набегах за добычей по ту и другую стороны границы, охраняемой укрепленными лагерями — убежищами для населения, вынужденного покидать некогда процветавшие города.

ХРИСТИАНЕ ПРОТИВ МУСУЛЬМАН

В этом большом предприятии по освобождению Иерусалима и возвращению христианам потерянных территорий нет ничего исключительного, если вписать его в обширное движение — христианскую реконкисту западного средиземноморского мира — и признать, что как минимум в двух направлениях его первыми участниками тоже были паломники. Норманны из Нормандии, приезжавшие небольшими вооруженными отрядами помолиться святому Михаилу в святилище на горе Гаргано, поначалу поступали на службу к лангобардским князьям для борьбы с мусульманами, владевшими частью Южной Италии. Эта реконкиста, проводившаяся в то же время, что и реконкиста на Пиренейском полуострове, но другими средствами и без обращения к чужестранцам в проповедях епископов, открыла хри-

стианам новые морские пути. Именно вооруженные отряды норманнов через несколько лет принялись выдвигаться сюда мусульман с юга Италии. В 1030 г. герцог Неаполитанский дал одному из их вождей, рыцарю удачи, немедленно принявшему титул графа, в жены свою сестру, а в приданое ей — лен Аверса в Кампании, между Неаполем и Капуей. Другие обосновались дальше от берега, как Вильгельм Готвильский — в Мельфи, в сердце Абруцци. Его младший брат Роберт Гвискард, будущий герцог Апулии, Калабрии и Сицилии, засевший в укрепленном лагере в Арджентано, нападал на города и порты Калабрии. Через недолгое время его брат Рожер I, граф Сицилии, во главе сильной армии лангобардских, норманнских, тосканских и лигурийских рыцарей почти без боя захватил Палермо, а потом в результате упорных ежегодных кампаний, продлившихся более десяти лет, занял всю Сицилию.

На Пиренейском полуострове в начале IX в. скромное святилище в Кампо-де-Эстрелья [Компостела], самая простая церковь и баптистерий, стало привлекать огромное количество паломников, дав новый импульс наступлению христиан, которое замедлилось со времен победы Пелайо, легендарного героя, при Ковадонге в 722 г. В походе 1063 г., который проповедовал и подготовил папа Александр II, вместе с итальянцами, возглавляемыми папским гонфалоньером, приняли участие ватаги норманнских авантюристов под началом Роберта Криспина и многочисленные рыцари из Франции во главе с Гильомом VIII де Пуатье. В 1087 г. Раймунд IV, граф Тулузский, и Эд Бургундский перевели через Пиренеи новые войска. Подрядчиком строительства собора в Сантьяго-де-Компостела был француз, а на капителях собора Св. Исидора в Леоне,

в апсиде собора в Хаке и в церкви замка Лоарре у подножия гор можно узнать иконографию и стилистику скульптур из Сен-Сернена в Тулузе и из Муассака. С интервалом менее чем в десять лет Раймунд IV Тулузский водил паломников за Пиренеи и в Святую землю, и ничто не позволяет утверждать, что одна из этих акций была «реконкистой», а другая — «крестовым походом».

ХРИСТИАНСКАЯ РЕКОНКИСТА, КОТОРУЮ ВЕЛИ ГРЕКИ

Те, кто отрицает сопротивление христиан, представляют также дело так, будто константинопольские императоры более четырехсот лет были заняты только дворцовыми дрызгами, заговорами и убийствами и так часто находились в большой опасности, ведя войны с болгарами или русскими, что ничего не предпринимали для возвращения утраченных провинций и городов. То есть вмешательство франков, охваченных нездоровым рвением в виде «крестовых походов», якобы принесло раздор на Восток, где подданные халифа и императора до этих пор жили в мире меж собой. Тем самым замалчиваются освободительные операции греков, которые, захватив господство в Эгейском море, повели свои войска отбивать Антиохию и дошли почти до Иерусалима, несколько раз вынудив эмира Алеппо присягать им на верность.

Прежде чем потерпеть поражение и погибнуть, Восточная империя более четырех веков не прекращала войну с мусульманами, сначала — чтобы защитить себя, обеспечить безопасность своих границ на юге и на востоке, потом — чтобы вернуть потерянные земли. Сохранение пограничных гарнизонов и вылазки, длившиеся по

несколько дней, должны были дать противнику понять, что империя не побеждена, а с начала X в. эти укрепленные посты и крепости послужили базами сосредоточения сильных армий, которые в ходе нескольких кампаний отогнали «разбойников» далеко на юг, до самых гор Тавра. После того как сухопутные дороги были освобождены, греки атаковали островных пиратов. Архистратиг императора Романа II Никифор Фока, будущий Никифор II, после восьмимесячной осады взял крепость Кандию на Крите. В ходе еще трех наступательных операций завоеван и оккупирован был весь остров. Немного позже, в разгар зимы, Никифор перевел свои войска через горы и 20 сентября 962 г. вступил победителем в Алеппо. Население Константинополя встретило его большим триумфом и в 963 г. сделало императором. Без тяжелых боев были заняты все крепости Северной Сирии, и 1 ноября 969 г. племянник императора Петр Фока взял Антиохию. Благодаря грозным демонстрациям силы Иоанн I Цимисхий, император с 969 по 976 г., добился, чтобы эмир Дамаска принял его опеку в качестве вассала, а в 972 г. новое наступление позволило ему взять Бейрут и Джебейл, хоть их и обороняли гарнизоны из Египта. Но город Триполи долго сопротивлялся, и император, сильно отдалившийся от своих опорных баз, после дезертирства многих наемников снял осаду, в результате чего и Иерусалим остался в руках мусульман.

Что касается Антиохии, то мусульмане отбили ее только в 1084 г. То есть греки занимали ее чуть более века, и к 1097 г., когда ее осадили франки, город управлялся мусульманином всего тринадцать лет.

В рассказах той эпохи, позже воспроизводимых всеми историками, князья и магнаты, послушав страстные

проповеди папы и епископов, отправляются в путь, не имея возможности представить себе, какие опасности таит эта авантюра. На самом деле следует скорее задаться вопросом, не отвечали ли эти призывы римской церкви уже сформировавшимся ожиданиям. Отцы и многие близкие родственники вождей похода 1096 г. уже побывали в Иерусалиме и показали свою храбрость в освобождении стран, оккупированных мусульманами. Роберт I Нормандский, прозванный Щедрым или Великодушным, дед Роберта II, умер в Анатолии, возвращаясь из паломничества в Святую землю. Роберт Фриз, отец Роберта Фландрского, водил вассалов сражаться с мусульманами в Галисию, а в 1087–1089 гг. поехал молиться в Иерусалим; в Константинополе он обещал греческому императору Алексею I Комнину прислать ему корпус в пятьсот рыцарей для войны с турками и печенегам; действительно, в 1090 г. в осаде греками Никомедии участвовал большой отряд фламандцев. Крупные отряды лангедокцев и провансальцев под командованием вассалов Раймунда IV Тулузского сражались с маврами на стороне кастильцев в первый период иберийской реконкисты, в частности в 1067 г., во время осады Барбастро, великого деяния, которое через два века воспоят в героических песнях. Это были не новички и не юные младшие сыновья в семье, жаждавшие набегов и добычи, а испытанные воины, которые желали отличиться в бою, показывая пример другим. Наконец, Раймунд IV Тулузский, в 1074 г. в Италии военачальник на папской службе, вместе с Эдом Бургундским командовал в 1087 г. армией, которая вместе с кастильцами участвовала в нелегкой кампании, дойдя до подступов к Туделе.

ФРАНКИ ПРОТИВ ГРЕКОВ:

ГЛУХАЯ ВРАЖДА

Хронисты и ученые люди времен паломничеств и реконкисты Востока пели славу Риму, плакали на его пепле, но не желали ничего знать о Константинополе, который, основанный Константином, императором, обратившимся в христианство, сверкал тогда всеми огнями, был культурным центром, не имевшим соперников в мире, и сумел более тысячи лет противостоять натиску степных народов и багдадских халифов. Еще и поныне мы говорим об империи Карла Великого и о «германской» империи Оттонов, которые обе были созданы силой и не могли причислять себя к наследникам Древнего Рима, а для наименования восточной части Римской империи, прямой, не опосредованной наследницы Рима, мы используем всего лишь слово «византийская», происходящее от названия какого-то поселения, маленькой греческой колонии, приткнувшейся на берегу Черного моря.

В ту эпоху никто не употреблял слово «византийский», и в течение всего Средневековья итальянцы применяли одно и то же название. Во всех договорах о морской торговле говорилось, что судно и купцы идут «к римлянам». Во времена первых латинских предприятий на Востоке, в 1100-х гг., Матфей Эдесский, армянский историк, не называл греков другим словом, кроме как «римляне» [ромеи].

Государи Запада никогда не хотели признавать Восточную империю блистательным продолжением Древнего Рима. Ни Карл Великий, коронованный императорской короной через четыреста лет после падения Рима, ни Оттоны, гораздо позже провозгласившие сами

себя «римско-германскими» императорами, не желали видеть в константинопольских императорах хранителей никогда не прерывавшейся традиции. В этом отношении наши историки, особенно те, кто навязал слово «византийский», выказали странную склонность цитировать работы наемных писателей, которые два-три века наперебой старались очернять образ этой Римской империи Востока, высмеивали ее власти, изображали Константинополь городом, пребывающим в упадке, хотя по богатству и культурному влиянию с ним ничто не могло сравниться.

Хроники и исторические труды, созданные в непосредственном окружении Оттонов в германских землях, говорят о Константинополе так, будто в Германии о восточных императорах ничего не знали. Для периода между смертью Константина и коронацией Карла Великого в 800 г. авторы упоминали их всего девять, тогда как их царствовало двадцать четыре, однозначно идентифицированных греками. Их изображали авантюристами, главарями шаяк, якобы захватывавшими город силой, а еще охотней — наместниками, которых туда для управления посылал Рим.

Значительно позже, в 1250-е гг., автор «Паломничества Карла Великого», героической песни, описывает важнейшие эпизоды путешествия, совершать которое императору никогда и в голову не приходило, и особо останавливается на его пребывании в Константинополе, где якобы царствовал король Гугон Сильный. Весь этот рассказ — лишь плод разнузданного воображения автора, который, воспевая заслуги франков, без колебаний прибегает к бурлеску и выдумкам в дурном вкусе. Рыцари — спутники Карла Великого — бросают

вызов королевским рыцарям, вступая в нелегкие бои, в которых одерживают верх: Оливье — сто раз за ночь занявшись любовью с дочерью Гугона, Гильом — обрушив стену, которую тридцать человек не могли свалить тараном: он метнул в нее большой золотой шар, Бернар — обратив вспять воды Босфора. В результате Гугон признает себя вассалом Карла.

ГЛАВА I. НА ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ (1096–1099)

Великие паломничества уже не имели ничего общего с паломничествами прошлого, когда люди, ходившие маленькими группами, могли останавливаться в приютах. Теперь нужно было каждый день и всю дорогу кормить тысячи ртов. И больше не рассчитывать на милосердие добрых душ, а платить за каждую буханку хлеба или каждый буасо зерна, вести многочисленные переговоры и даже требовать невозможного от городов или от служащих королей либо императора Востока, которые, всегда изумляясь таким массам, очень часто отвечали, что не могут удовлетворить эти требования. С первых дней похода и до самого Константинополя нехватка пищи вызывала у паломников недовольство, несправедливый гнев, приводила к столкновениям и резне.

СОБЫТИЯ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА, ТАК НАЗЫВАЕМОГО «НАРОДНОГО»

Худшие насилия (это единодушно пишут все) чинили бедняки, которым было нечем платить и которые часто находили на что сослаться, чтобы этого не делать. Почти все они происходили из Иль-де-Франса и имперских земель, где епископы, верные Урбану II, не могли выступать с проповедями. Они слушали другие проповеди, иначе построенные и вдохновленные другими идеями: проповеди отшельников, священников и монахов, многие из которых порвали с церковью. Жизнь в бедности

или в затворничестве, любовь к обездоленным людям побуждали этих проповедников скорей распалять слушателей, чем убеждать их. Речи духовных вождей этих толп бедняков придавали паломничеству особый колорит и создавали взвинченную психологическую атмосферу. Они говорили о Библии, о возвращении еврейского народа, который вышел из Египта, чтобы дойти до Святой земли. Они без конца вспоминали чудеса Иисуса и биографию Марии Магдалины, раскаявшейся грешницы, которая после смерти Христа избрала уединенный образ жизни. Их успехи вдохновляли других — мнимых монахов и самозванцев, которые не выражали никакого почтения к церкви и пользовались наивностью простецов. Папский легат, спешно посланный, чтобы остановить эту волну беспорядков, осудил таких проповедников, которые показывали публике знаки, доказывали, по их уверениям, что они посланники Бога, и вручали крест, призывая в паломничество всех бедняков, женщин, хромых, глухих и слепых. Многие тогда щеголяли крестами на всех частях тела, нанесенными красной или зеленой краской, «какой обычно женщины подводят глаза». Рядом с одной молодой женщиной шел гусь, и вскоре разнеслась молва, будто гуси посланы Богом, чтобы указать путь к Святой земле. В одной церкви в Камбре гусей подвели к алтарю, и остолбеневшие зеваки почтили их как святыню.

Обличители призывали массы быть свидетелями низостей отдельных клириков, и в атмосфере крайнего напряжения и нетерпимости эта проповедь в народе быстро приобрела мятежную окраску. Они все чаще вспоминали Апокалипсис Иоанна Богослова и победу Христа над злом, призывая к войне с теми, кто разрушил Гроб Господень, со всеми врагами веры и, может быть, еще в большей

степени — с богачами, особенно с городскими, которые, занимаясь ростовщичеством и нечестной торговлей, наживаются на тяжком труде обездоленных. Подобных призывов к воровству и резне не было в речах священников и духовников, которые сопровождали «баронов», — они гораздо больше говорили о молитве, о том, чтобы быть достойными службы Богу, а еще больше, очень много, — о милосердии к простому люду и к слабым.

Не все эти вожди были монахами, отшельниками и проповедниками-самоучками, неспособными сражаться. Что это не так, показывает такая фигура, как Петр Пустынник, который умел собирать толпы и даже внушать им фанатизм, вовлекая в эту рискованную авантюру. Он мог принимать командование и, пусть даже не сражался с мечом или копьем в руке, умел в трудные моменты найти для людей укрытие, внезапно отвести их назад и перегруппировать, чтобы проще было обороняться. Но другие служители церкви заставляли говорить о себе иначе — уже не как об обычных лидерах, а буквально как о главарях банд, и банд вооруженных. Фолькмар, священник, набрал несколько тысяч человек в Саксонии и Чехии и повел их убивать евреев в городе Регенсбурге. Другой священник, Готшалк, конечно, «воспламенил сердца людей разных народов», чтобы они следовали за ним в Иерусалим, но тоже собрал их вокруг себя — выходцев из Лотарингии, Восточной Франции, Баварии и Германии, более 15 тыс. человек «воинского сословия» и столько же пеших.

Наряду со служителями церкви в походе участвовали и военачальники. Если историки не говорили о них, то потому, что не обратили внимания на некоторые рассказы, сообщавшие, что бедняков сопровождали рыцари и настоящие сеньоры, а выходцев из Германии — даже графы

и князя. Противопоставляя этот крестовый поход, определяемый как «народный», другим, историки проигнорировали сеньоров Иль-де-Франса, которые, поскольку король был отлучен, проповедей папы не слышали, но сговорились, собрались и приняли крест. Это не были ни бедные младшие сыновья, ни маргиналы, отвергнутые семьей, — совсем напротив. Например, Готье Санс-Авуара¹, одного из самых видных людей в этих толпах, всегда изображают лишенным владений и наследства авантюристом, от которого отвернулось общество, тогда как на самом деле он принадлежал к знатному роду, был сеньором нескольких фьефов и обладал хорошими землями в области Пуасси. Санс-Авуар — так называлась одна из деревень, и его предки передавали эту фамилию от отца к сыну. Готье, сын Гуго Санс-Авуара, отправился в Иерусалим с восемью рыцарями — своими вассалами. Оба его брата, Гильом и Симон, сопровождали Боэмунда Тарентского, и все трое погибли на Востоке, на поле боя, от рук египтян². Сообщения о переходе и боях содержат имена и других сеньоров из Иль-де-Франса: Рено де Бри или де Бруа, сеньора Бофора и Питивье; Готье де Бретёйя; Годфруа Бюреля, сеньора Этампа, «командира и знаменосца отряда из двухсот пеших бойцов»; Тома де Марля, сеньора де Куси; Драгона де

¹ В русской литературе обычно именуется «Вальтер Голяк» или «Вальтер Неимуший» (*Прим. пер.*).

² Об участии сеньоров и рыцарей Иль-де-Франса в походе отнюдь не в ничтожном, а, возможно, даже в очень значительном числе, редко говорилось до появления работ Жана Лабро (Jean Labrot), опубликовавшего в журнале «Revue d'histoire et d'archéologie de l'Ile-de-France» длинную статью на эту тему, в которой он идентифицировал и охарактеризовал нескольких сеньоров, в частности Готье Санс-Авуара.

Неля; Кларамбо де Вандёйя и Гильома Плотника, виконта Мелёна и Гатине. Немецкие хронисты, до сих пор мало изученные во Франции, больше внимания уделяют крупным военачальникам, славным подвигами. К ним относился Эмихо Лейнингенский, «знатный и очень могущественный муж, который велел называть его графом и на Рейне, прежде всего в горах, имел в подчинении немалое число сеньоров, в большей или меньшей степени разбойников, следовавших за ним повсюду — правда, скорее чтобы грабить на большой дороге, чем чтобы помогать бедным». Относились к ним также очень знатные и прославленные особы — граф Гуго Тюбингенский, Фридрих, Конрад и Альбрехт фон Циммерны¹, Генрих фон Шварценберг, Ульрих и Рудольф фон Саарвердены, Альбрехт фон Штоффельн и Бертольд фон Нойфен².

Как бы то ни было, на первых порах такие «народные» крестовые походы были не более чем грабительскими предприятиями и даже в отдельных местах войнами на истребление тех, кто противился движению паломников или продавал хлеб по завышенным ценам, наживаясь на нехватке продовольствия и на отчаянии масс, оставленных на произвол судьбы. Рене Груссе говорит о «демагогии крестовых походов» и видит в них настоящие жакерии и анархические мятежи под религиозной маской, «поводы все крушить для врагов общественного порядка»³.

¹ Крепость Вильденштейн, резиденция Циммернов, находится на юге Швабской Юры.

² *Hagenmeyer H. Étude sur la chronique de Zimmern. Gênes: impr. de l'Institut royal des sourds-muets, 1882.*

³ *Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. Paris: Perrin, 1999. 3 vol. T. 1, p. 11.*

ЕВРЕИ И БОГАЧИ: КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ

Первыми жертвами, особенно в долине Рейна, стали евреи. О злосчастных и трагических эпизодах похода бедноты нам хорошо известно благодаря еврейским авторам того времени, в частности историку Соломону бар Симеону, сообщаящему о письмах, которые иудеи Французского королевства послали единоверцам Швабии и Рейнской области, предупреждая о движении этих ненасытных толп, идущих без или почти без съестных припасов, возбуждаемых странными мистическими порывами, которые никто не способен контролировать, и открыто выражающих мстительную нетерпимость. Подстрекатели заявляли, что евреи повсюду угнетают бедняков, а также, используя доводы из совсем другого ряда и более лживые, обвиняли иудеев Святой земли в сговоре с мусульманами против христиан. Говорили даже, будто евреи подожгли церковь Гроба Господня, чтобы ограбить ее и захватить священные сосуды. Другие легенды, неведомо как распространявшиеся, утверждали, что гонения, предпринятые каирским султаном аль-Хакимом, ему якобы посоветовал устроить беглый монах по имени Роберт, обманутый орлеанскими евреями: он предостерег султана, что, если тот не разрушит храм, христиане захватят его царство¹.

Однако по всем рассказам видно, что эти мятежники и массовые убийцы были готовы наброситься и на любого богача, в частности на финансистов, особенно

¹ *Canard M. La destruction de l'Église de la Résurrection par le calife Hâkim et l'histoire de la descente du feu sacré // Byzantion. 1965 (35). P. 16–43.*

на ростовщиков — как евреев, так и христиан¹. Они сообщают, что в немецких землях нищета и социальный протест были такими, что к паломникам, нападавшим на города, присоединялись сельские бедняки. Побойща иногда удавалось избежать, если стороны приходили к соглашению о продаже зерна и хлеба по приемлемым ценам и о выдаче немалых денежных сумм. Петр Пустынник в Трире передал евреям письмо из Франции, рекомендовавшее им продавать беднякам хлеб, не слишком взвинчивая цену.

Эту нетерпимость, какую проповедовали монахи и священники — маргиналы среди белых клириков, не разделяло белое духовенство городов в долине Рейна. При первых признаках опасности Иоанн, епископ Шпейерский, открыл иудейской общине ворота своего дворца и официально объявил, что грабителям и массовым убийцам будут отрубать руку. В Майнце евреи, преследуемые паломниками и бедными крестьянами, укрылись в жилище епископа Ротхарда, который собрал их на террасе, укрыв от глаз преследователей, и тщательно спрятал деньги, которые эти несчастные доверили ему, чтобы по наступлении мира вернуть (это было 18 или 20 мая 1096 г.). Но бешеная банда во главе с Эмихо Лейнингенским взломала замки, разорила покои, перебила всех, евреев и христиан, кто попался ей на пути, и скрылась, нагруженная добычей. Весть об этом дошла до Кельна, где евреи успели укрыться в домах сочувствующих христиан, а потом епископ поселил

¹ Теперь мы знаем, что в городах империи и Французского королевства ростовщиков-христиан, ссужавших деньги под залог и в других формах, было гораздо больше, чем ростовщиков-евреев.

их в безопасные места в некоторых из своих окрестных деревень.

Чем дальше продвигались бедняки, тем больше их было, тем большей редкостью оказывались деньги и съестное и тем более смелыми и дерзкими становились они сами, сознавая свою многочисленность. Они захватывали урожаи на полях или на ригах и штурмовали города, обнесенные стенами. В городе Мерзбурге, еще в Германии, люди Готшалка, встретив хороший прием, несколько дней жили мирно, набираясь сил, но маленькая группа «грубых, безрассудных, невоспитанных и необузданных людей», напившись и подбадривая друг друга громкими криками, начала слоняться по улицам, грабить что попадется под руку, даже забирать мясной скот и убивать тех, кто оказывал им сопротивление.

Миновав имперские земли, бедняки оказались в совсем чужих странах, языка которых они не знали, и их так называемое паломничество выродилось в войну за выживание. «Придя в Бугрию, они подошли к Белграду и нашли город совершенно пустым, потому что все бежали. Потом они за восемь долгих переходов дошли до Ниша и увидели, что этот город очень трудно осаждать: он хорошо защищен высокими башнями и крепкими стенами; внутри был весьма большой гарнизон, и немало добрых людей, и большое изобилие оружия и провизии. Петр Пустынник и его люди перешли мост над водным потоком перед городом. Потом, так как им не хватало пищи, Петр послал гонцов к правителю города и вполне смиренно попросил, чтобы он и его люди, паломники на службе Божьей, могли купить пищи по разумным ценам». Входить в город им запретили, они выдали заложников,

всю ночь пировали, а на следующий день заложники были им возвращены. «Но гляньте, как дьявол показывает хвост, вредя добрым делам: в этом походе участвовали Tuois¹, и были они весьма безрассудны и весьма злобны. У всего двоих из них накануне вечером случилась ссора с купцом. Tuois собрались в количестве до сотни и из местности захватили семь мельниц, стоявших близ городского моста, и немедленно их сожгли. Правитель Ниша сразу же поднял весь город и вывел наружу конных и пеших. Приблизившись к войску, они встретили злодеев Tuois, погнались за ними и всем отрубили головы. В арьергарде войска они нашли телеги и повозки, нагруженные больными, старухами и детьми, которые не могли быстро ехать; довольно многих из них они убили»².

К Константинополю крестоносцы подошли беспорядочной толпой и в плачевном состоянии. 1 августа 1096 г. Петр Пустынник был принят Алексеем I Комнином, но больше ни одному из вождей войти в город не разрешили. Эти люди так и не увидели в Константинополе ничего из его великолепия, церквей и священных реликвий. Их было так много, что они внушали страх. Им велели расположиться за городскими стенами, разделившись на две группы: одним — на берегу Черного моря, на самом севере, другим — на берегу Мраморного моря, далеко на юге. Поскольку греки, которые отваживались с ними торговать, унижали их и дурно с ними

¹ Tuois, Tiois или thiois — так в Германии называли высокомерных и наглых людей, которые, гордясь своей силой или численностью, тиранили население, иначе говоря, разбойников.

² *Guillaume de Tyr. Histoire des croisades*. Paris: J.-L.-J. Brière, 1824. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 16–18.]

обращались, а иногда снабжали их так же плохо, как в худшие моменты похода, они принялись грабить зерновые амбары, поля и фруктовые сады, сначала — чтобы прокормиться, а вскоре — и чтобы поживиться добычей в богатых домах и окрестных храмах. «Они вели себя до крайности дерзко, били по стенам дворцов кирками, всё поджигали, срывали свинец и медь с церковных кровель, чтобы перепродать грекам»¹.

Константинопольские императоры и греки раньше, особенно в течение XI в., уже видели группы паломников, которые проходили через страну, не провоцируя столкновений. Тех было меньше, и они, возглавляемые своими епископами, сеньорами или хорошими проводниками, не выглядели бедолагами, ищущими хлеба. Чиновники императора ограничивались тем, что сопровождали их, чтобы защищать; города не закрывали перед ними ворот, а купцы продавали им съестное по честным ценам. Но летом 1096 г. появление такой массы бедняков, изнуренных долгой дорогой и ничего не имеющих, быстро вывело греков из терпения. Командиры первых гарнизонов, сначала попытавшись договориться с паломниками и назначить им в сопровождение отряды наемников, куманов или печенегов, были вынуждены отступить и дожидаться подкреплений. Лишь потерпев поражение от армии греческого полководца Никиты, участники похода, прибывшие к Софии в самом плачевном состоянии, без продовольствия и без всякой надежды его достать, были вынуждены пойти на суровые условия, согласившись продолжить путь под неусыпным

¹ *Guibert de Nogent. Autobiographie / éd. et trad. par E.-R. Labande. Paris: Belles Lettres, 1981. P. 62.*

контролем императорских войск и не задерживаться ни перед одним городом больше трех дней.

7 августа греческие корабли высадили их на азиатском берегу, и их собрали в огромном импровизированном лагере, в Цивитоте (сегодня, несомненно, Херсек), куда им регулярно поставляли продукты — возможно, ожидая, пока к ним присоединятся армии баронов. Их вожди не могли найти общего языка и от безделья ссорились. Некоторые ватаги ходили к туркам, нападая на крепости и поселения. Группа людей, вооруженная вилами и двулезвийными топорами, дошла до стен Никеи, грабя сельскую местность, сея страх, насилюя женщин, убивая мужчин и детей. Но когда, нагруженные тяжелой добычей, они осадили один замок султана, то вскоре остались без пищи и еды и в окружении сильной армии; им пришлось сдаться, и их отправили в рабство в дальние провинции Центральной Азии.

Оставшиеся в лагере, изнемогая от долгого ожидания, рискнули двинуться в Иерусалим. В их рядах насчитывалось около сотни рыцарей с боевым опытом, но, не имея ни конвоя, ни проводников, они шли наугад, и первые же набегии турок становились для них неожиданностью, они гибли на месте или обращались в бегство. Анна Комнина, не преминув напомнить, что ее отец-император лишь неохотно отпустил их, пишет: мертвых, павших от меча арабов, было так много, что, когда собрали все трупы, лежавшие повсюду, из них сложили «не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали»¹.

¹ Цит. по: Анна Комнина. Алексиада / пер. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965. С. 278.

Турки взяли значительное число пленных, тоже обрекая их на участь оказаться на рынках рабов в Антиохии или Алеппо и даже в Персии — в Хорасане. «Взятых живыми делили, как овец: одни послужили мишенями лучникам, других продали, как скот»¹, кроме того, «они поражали мечом слабых и больных, пожилых женщин, грудных детей, оставляя в живых только девушек, черты и красота которых производили на них впечатление; уводили они и мальчиков, которые были еще безбородыми и имели красивые лица»².

Две-три тысячи выживших вернулись во временный лагерь, близ полуразрушенной крепости, где скоро стало недоставать пищи и воды: «Наши так страдали от жажды, что отворяли вены своим лошадям и ослам, чтобы пить их кровь. Другие бросали пояса и тряпки в отхожие ямы и выжимали из них жидкость себе в рот; некоторые мочились в горсть товарища и потом пили; иные копали землю, чтобы найти влажную почву, ложились и рассыпали эту землю у себя на груди»³.

В начале октября 1096 г. император, который несколько раз осведомлялся о них и пытался убедить их отказаться от их замыслов, прислал флот, разоружил их и поселил под Цивитотом, чтобы они дожидались баро-

¹ Это цитата из «Деяний франков и прочих иерусалимцев» (*Прим. пер.*).

² *Albert d'Aix. Histoire des faits et gestes dans les régions d'outre-mer, depuis l'année 1095 jusqu'à l'année 1120 de Jésus-Christ.* Paris: J. Brière, 1824. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 20–21.]

³ *Histoire anonyme de la première croisade* / éd. et trad. par L. Bréhier. Nogent-le-Rotrou: Impr. Daupeley-Gouverneur; Paris: Libr. ancienne Ed. Champion, 1924. P. 11.

нов. Первый отряд — Готфрида Бульонского — подошел только 23 декабря, через три месяца, то есть пять месяцев эти бедные люди оставались одни, никаких воинов при них не было.

ДОЛГИЙ ПЕРЕХОД БАРОНОВ

Первые бароны тронулись в путь только летом 1096 г. Слово «барон» в ту эпоху не имело точного значения, и почему выбрали его — неизвестно, но эти люди, бесспорно, не были ни изгоями в своих семьях, ни даже младшими сыновьями. Было собрано четыре армии, все командующие которыми принадлежали к владетельным князьям, из самых могущественных и богатых во Французском королевстве и в империи. Все они выступили в поход в сопровождении приближенных, а также множества крупных вассалов: Готфрид Бульонский — со своим братом Балдуином Булонским, кузеном Балдуином Бургским, Балдуином II де Эно, графом Рено Тульским, его братом и многочисленными сеньорами. Раймунд IV Тулузский — с виконтом Гастоном Беарнским, Жераром Руссильонским и Гильомом V де Монпелье, который дважды побывал в Иерусалиме как паломник. Роберт II Нормандский, чтобы получить возможность отправиться в поход вместе с шурином Стефаном Блуаским и многочисленными вассалами, за десять тысяч марок серебра уступил брату свои права на Нормандию сроком на пять лет. Добавим к ним Боэмунда Тарентского, графа Тарента и Бари, с племянником Танкредом Готвильским и знатными вельможами из Южной Италии во главе с Ричардом Салернским, Робертом из Потенцы и Готфридом из Россиньола.

Многие переплавили свою золотую и серебряную посуду. Готфриду Бульонскому это путешествие на Восток обошлось в целое состояние: он заложил свое графство Бульон за гигантскую сумму в триста марок золота и триста марок серебра, а за деньги, которые нигде не указаны, уступил права на несколько городов епископу Верденскому. Вассалы отдавали в заклад свои земли, часто достававшиеся ближайшим монастырям, где монахи давали им больше гарантий и взимали меньшие проценты, чем профессиональные ростовщики¹.

Готфрид Бульонский, Балдуин Булонский, их кузен Балдуин Бургский и Балдуин II де Эно покинули замок Бульон 10 августа 1096 г. в сопровождении нескольких крупных вассалов. Из городов на Рейне они за двадцать пять дней дошли до Венгрии, страны, где до сих пор паломникам оказывался хороший прием. Но у короля Кальмана Венгерского и его приближенных сохранились настолько плохие воспоминания о катастрофическом нашествии бедняков, что все гарнизоны усилили, ворота городов заперли, а рынки с их приближением пустели. Вожди и их люди потратили на переговоры более трех недель. В Тульне-на-Дунае Готфрид Бульонский был вынужден оставить в заложниках Балдуина

¹ В качестве примера упоминают сеньора одного фьефа под Пуасси, во Франш-Конте, который оставил в залог аббатству Ключи земли, виноградники и леса, а также две деревни с их мельницами, получив взамен четырех мулов и две тысячи су лионской монетой. Договор уточнял: если он решит поселиться в Святой земле, всё остается в неограниченной и полной собственности аббатства. Аббатство Сент-Этьен в Кане давало коня и четыре марки серебра любому рыцарю, который отправится в путь с женой и сыном; он мог через шесть лет вернуть свои земли, оставив в качестве процента всего по шесть акров из сорока, то есть получалось 2,5% в год.

Булонского, его жену и детей, которые будут освобождены позже. Потом он и его отряд в сопровождении византийских эмиссаров и с наемниками императора впереди беспрепятственно дошли до Константинополя 23 декабря 1096 г., после более чем четырехмесячного перехода.

Бозмунд, граф Тарента и Бари, узнал о выступлении лотарингцев, когда осаждал Амальфи. В большой спешке, словно желая их опередить, он собрал большой отряд воинов, взяв с собой племянника Танкреда Готвильского и нескольких графов с Сицилии. В октябре 1096 г. эти итальянские норманны, выйдя из Бари, за несколько переходов пересекли море и к Рождеству были уже у греков, в Кастории. После рискованной переправы за их продвижением пристально следили армии императора, и в Константинополь они прибыли только в начале апреля 1097 г., тоже через четыре месяца после выступления и на четыре месяца позже Готфрида Бульонского.

Раймунд IV Тулузский, которого двое хронистов называют вождем крестоносцев по назначению папы и который, если верить другим, взял с собой крупнейший контингент опытных воинов, собрал не только своих вассалов. За ним последовали многие лимузенцы, беарнцы, а потом и провансальцы. Через Прованс они вышли в Пьемонт, потом в Венецию, а далее, как рассказывает Раймунд Ажилский, его приближенный и мемуарист, пошли плохими дорогами Словении, «сорок дней не видя ни животных, ни птиц, постоянно двигаясь в таком плотном тумане, что могли при малейшем движении коснуться его и натолкнуться на него». Им не было с кем говорить на землях этих народов, «столь

грубых и диких, что они не желали ни иметь с нами никакого дела, ни предоставлять проводников; укрываясь в своих бургах и замках, они без конца беспокоили нас, устраивали нам ловушки в тесных проходах, подстерегали арьергарды и команды фуражиров. Они убивали ослабевших мужчин, старух и недужных, следовавших за армией на некотором отдалении»¹. Словно заблудившиеся, иногда теряя путь, они искали побережье и нашли его в Скутари, где граф Раймунд сделал «королю славян» столько прекрасных подарков, что ему разрешили купить всё, чего недоставало людям. Из Диррахия, первого большого города Восточной Римской империи, они двинулись прямо во Фракию по одной из самых красивых дорог на Балканах.

В свою очередь Роберт II Нормандский, его шурин Стефан Блуаский и Роберт Фландрский вместе дошли до Италии. Они совершили долгий переход до Пьяченцы, которая издавна принимала в хороших странноприимных домах паломников, шедших в Рим, Венецию или на гору Гаргано, а из Рима, куда пришли 26 октября 1096 г., по «старой римской дороге» они двинулись в Апулию, где их принял норманнский герцог Рожер Борса. Фламандцы кое-как переправились на другой берег Адриатического моря, но остальные зазимовали и отплыли только в первые дни апреля 1097 г. Из Диррахия по той же «Эгнатиевой дороге», какой уже шли сицилийцы и провансальцы, они медленно, не встречая ни препятствий, ни недоброжелательства, дошли до Салоник и через укрепленные города Родосто и Селимбрию наконец

¹ *Raymond d'Aguilers. Le «Liber» / publ. par J. Hugh et L. L. Hill. Paris: P. Geuthner, 1969. P. 228–229.*

достигли Константинополя 26 апреля 1097 г., через девять месяцев после того, как собрались в Блуа.

БАРОНЫ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ: ГРУЗ ПРОШЛОГО

Прибыв в империю первыми, люди Готфрида Бульонского были хорошо приняты, их хорошо снабжали, в некотором роде взяли на иждивение, но установили над ними строгий надзор. Император направил навстречу им эмиссаров, которые на каждом этапе, а именно в Белграде и Нише, требовали гарантий и высылали вперед отряды вспомогательных войск, эти отряды, конечно, организовывали снабжение, но также велели гарнизонам ремонтировать крепости. Однако в самом конце пути, на Мраморном море, франки, когда контроль над ними был несколько ослаблен, атаковали и разорили городок Селимбрию, оставив одни развалины и десятки убитых.

С сицилийскими норманнами все было намного хуже. У греков весть о разорении Селимбрии усилила враждебность, уже прочно усвоенную ими. Благодаря долгому пребыванию лотарингцев греки слишком хорошо познакомились с западными христианами, являвшимися скорей как завоеватели, чем как вассалы. О них говорили, что они высокомерны, хвастливы, дурно воспитаны, что это люди «непостоянного и переменчивого характера, всегда готовые отрицать договоренности и самые торжественные клятвы, всегда разевающие рот на богатство». В 1069 г. некий Кристин, главарь банды норманнов на службе у императора Романа IV Диогена, предпочел, вместо того чтобы подвергать себя опасности в Анатолии в сражениях с турками, повести своих людей опустошать Малую Армению. Через четыре года, в 1073 г., Руссель де Бай-

оль, другой рыцарь удачи из Сицилии, поднял мятеж против полководца Исаака Комнина и, нападая как на греков, так и на турок, выкроил себе в Галатии, вокруг Икония и Анкиры, обширное княжество, не подчинявшееся императору. Он нанес тяжелое поражение императорской армии, пришедшей из Константинополя, взял в плен полководца Иоанна Дуку, племянника императора, и привел свои войска на Босфор, в Скутари, город прямо напротив Константинополя. Там он попытался провозгласить императором своего пленника Иоанна, но наткнулся на такое неприятие со стороны населения столицы, что отказался от этой идеи. Однако его графство, родившееся благодаря низкой измене и сравнительно легкому завоеванию, отражало все атаки. Греки покончили с ним, только призвав на помощь турок. Сельджукский эмир пригласил Русселя де Байоля провести переговоры о разделе земель и выдал его агентам императора.

Это были не более чем затеи авантюристов, рисковавших жизнью вдалеке от своих стран. Но вскоре ситуация изменилась, и надолго: возить войска за море начали норманнские герцоги Италии и Сицилии, чтобы не просто захватывать добычу и устраивать обычные набеги, а завоевывать части империи и там селиться, как поступали их отцы в Италии. Роберт Гвискард взял город Авлону, без труда победил спешно присланную императорскую армию, захватил Диррахий после четырехмесячной осады в разгар зимы, провел свои войска через Македонию нелегкими горными дорогами до Кастории и уже подступил к Константинополю, но в это время из Италии пришли дурные вести. Его сын Боэмунд Тарентский возобно-

вил наступление, дважды нанес поражение наемным войскам, высланным против него, и уверенно дошел до Ларисы. Император обратился к Венеции, которая снарядила флот, и еще раз к туркам, предоставившим ему несколько тысяч воинов, но из-за сильной лихорадки турецкого командующего норманны ускользнули и ушли в море¹.

Тот самый Боэмунд, который двенадцать лет назад сокрушал армии Алексея I Комнина, в апреле 1097 г. пришел к нему с большим отрядом, опять же имея вид завоевателя². Норманны столько раз изменяли императору, бросали свои армии на Балканы, чтобы захватывать города или провинции, что греки теперь единодушно предпочли бы выпроводить их обратно.

Однажды на берегах реки Вардар сильная императорская армия, состоявшая из крупных контингентов наемников-болгар и печенегов, донских дикарей, напала на арьергард латинян. Под Касторией: «Мы нуждались в снабжении, но население отказывалось иметь с нами дело, так как они боялись нас и считали, что мы пришли разорять их земли. Спешно вернувшись более чем с тысячей людей, Танкред Готвильский без труда отразил их и взял в плен военачальников, которые заявили, что выполняли приказы императора. В конечном счете удалось договориться с высокопоставленным сановником Алексея Комнина, и после этого норманны продолжили путь, под

¹ Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: sceaux de Hervé et de Roussel de Bailleul // *Revue historique*. 16 (1881). P. 289–303. — Анна Комнина. Алексиада, цит. соч. С. 88–171.

² Анна Комнина. Алексиада, цит. соч. С. 289–292.

бдительным надзором, но хорошо снабжаемые продуктами питания»¹.

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ: ССОРЫ И РАЗРЫВ

По дороге к Константинополю Готфрид Бульонский был вынужден оставить своего брата Балдуина Булонского с женой и людьми из его окружения на несколько дней в заложниках. Для других прием был еще суровей, и франки нашли все ворота города закрытыми, так как император разрешил входить только вождям, и то не более чем десяти вместе. Франкам велели поставить палатки на другом берегу Золотого Рога, и греки снабжали их так недобросовестно, что они принялись грабить и жечь дома в красивых предместьях и опустошать сельскую местность в окружности до нескольких лье². Армия императора быстро вразумила их, и, униженные тем, что отступили и понесли столько потерь в борьбе с греками, о которых говорили, что «у них нет ни стойкости, ни храбрости для ведения войны, у мужчин твердости не больше, чем у женщин», Готфрид Бульонский и его спутники преклонили колени перед Алексеем.

Переговоры длились несколько недель; стороны постоянно не понимали или старались обмануть друг друга. Император, который пять месяцев покровительствовал беднякам и пытался спасти им жизнь, дал

¹ «Он приказал жителям поставлять нам провизию, но они так нас боялись, что не позволили бы никому из нас войти в город». *Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade (1094–1100). Paris: E. Leroux, 1902. P. 125–126.*

² «На рассвете толпа паломников поднялась и пошла по территории и королевству императора, и шесть дней ужасно опустошала ее, чтобы сбить с него спесь». *Albert d'Aix. Op. cit. P. 27.*

знать баронам, что обязуется являться со своими людьми, в сопровождении армии и флота, чтобы хорошо их снабжать, по суше и по морю, и чинить их флот, если он у них есть. Алексей также обещал не допускать никаких притеснений паломников по дороге к Гробу Господню. Но он потребовал, чтобы бароны принесли ему присягу, как поступали до них все иностранные военачальники, командиры наемных отрядов. Они должны были признать его верховным командующим над их людьми и, главное, обещать передавать ему все города и территории, завоеванные во время походов в Азии; они получали право селить там своих людей и даже строить там латинские церкви и управлять этими квазинезависимыми княжествами, только если примут обязательство верности и подчинения и изъявят готовность защищать новые границы от имени империи. Однако о судьбе Иерусалима разговора не было.

Готфрид Бульонский сначала отказался, ссылаясь на то, что уже присягал германскому императору. Это были явные отговорки: дело было двадцать лет назад, и тогда он был еще совсем молод, лет двадцати; если он хорошо послужил этому императору во время двух итальянских походов, в 1082 и 1084 г., то впоследствии выступил против него на стороне церкви. Его отказ и неуклюжие попытки некоторых других уклониться от присяги позволяют думать, что в тот день, а может быть, еще и до выступления в поход западные князья решили оставить завоеванные земли себе и поселиться там, даже не намереваясь возвращаться в свои страны. Во всяком случае, их поступки ясно выдают непонимание и даже враждебность и нетерпимость, какие латиняне испытывали по отношению к грекам.

Бозмунд уступил и в конечном счете охотно согласился принять дары от императора — монеты, золотые и серебряные сосуды, красивые шелковые туники, но, когда он пожелал, чтобы его признали командующим императорскими силами в Анатолии, начальником над стратигами и комендантами крепостей, император ограничился расплывчатыми обещаниями. Что касается Танкреда Готвильского, человека крайне надменного и, несомненно, склонного всю дорогу захватывать побольше добычи, он отверг все дары и, чтобы сильнее уязвить греков, потребовал большой шатер Алексея, «который с большим трудом могли переносить двадцать верблюдов и в который входили, как в город, через ворота, охраняемые башнями»; ему убедительно дали понять его дерзость, и ему пришлось переправить через пролив свои войска и перевезти багаж на вьючных лошадях, захваченных по соседству. Роберт II Нормандский и Стефан Блуаский тоже позволили себя подкупить, получив столько золотых монет, сколько попросили, и десятки лошадей для замены утраченных по дороге. Раймунд IV Тулузский, покинувший свое графство с большими денежными суммами, не нуждался в материальной помощи. Он наотрез отказался принимать обязательства, но, прибыв последним, когда остальные бароны были уже в Азии, согласился присягнуть; однако текст его присяги состоял из таких общих слов и был настолько двусмысленным, что любой мог толковать его по-своему.

Таким образом латиняне, вынужденные дать присягу или принешие ее из-за нехватки продуктов для продолжения пути и едва скрывавшие недобрые мысли, переправились в Азию, где с тех пор неизменно шли

и сражались отдельно от греков, думая лишь о том, как бы все заграбастать. Ссоры, конфликты из-за первенства, не приведя к настоящей и открытой войне, которой едва удалось избежать, быстро вызвали разрыв.

Сначала латиняне стали лагерем под Никомедией, последней крепостью, еще находившейся в руках греков, и по крутым горным склонам, где пехотинцы, прорубая дорогу топорами и кирками, без конца были вынуждены ждать бедняков, не поспевавших за ними, они проторили себе путь до стен Никеи. Первые контингенты поставили там свои палатки 6 марта 1097 г., основные силы подтянулись не ранее чем через месяц. Турок там было мало, и на вооруженные подкрепления они рассчитывать не могли, но, пребывая под защитой прочных стен и получая по озеру, находящемуся под самым городом, продовольствие, оружие, дерево и камень для ремонта укреплений, они без труда отбивали атаки франков, которые без осадных машин теряли много людей: «Душевную боль, исторгавшую слезы сострадания, вызывало зрелище, когда турки, если им удавалось ранить одного из наших, осмелившегося приблизиться к подножию стен, бросали сверху на несчастного, еще живого, железные крюки, подтягивали тело к себе, причем никто не мог отобрать у них эту добычу, а потом раздевали труп и бросали его нам обратно совсем нагим»¹.

Но одним утром турки с удивлением и горечью увидели, что телеги, запряженные быками, подвезли к озеру

¹ *Foucher de Chartres*. Op. cit. P. 26–27; Фульхерий Шартрский пишет также, что на глазах осажденных люди графа Тулузского смело отразили вылазку турок и перебросили через стену головы убитых, оставшихся на поле боя.

большие корабли. Поняв, что их окружили, они не замедлили вступить в переговоры, предпочтя сдаться грекам, которых давно знали, чем франкским рыцарям, о которых они не знали ничего и которых, как они видели, сопровождала огромная масса пешего люда, бедного, изголодавшегося, готового грабить и, несомненно, убивать. Действительно, Алексей Комнин запретил разорять город; он взял казну эмира себе, но разрешил ему свободно покинуть город и вместе с женой и детьми направиться под защиту ближайшего турецкого гарнизона.

Император одержал верх и, взяв Никею, для управления которой сразу же были назначены его чиновники, показал решимость вернуть себе все недавно потерянные города. Но франкские бароны считали себя обманутыми и желали снять с себя обязательства, забыв, что без помощи греков они никогда бы не смогли добраться до Никеи и что без продуктов, доставлявшихся нагруженными судами в порты Черного моря, их люди умерли бы с голоду. Были забыты и крупные суммы денег, розданные вождям, и мешки бронзовых монет, переданные простым людям.

С тех пор каждый был сам за себя. Греки крейсировали вдоль берегов Анатолии, один за другим занимали порты, высаживали там отдельные воинские части и, хорошо осведомленные о приближении франков, продвигались все дальше в глубь материка. Иоанн Дука и адмирал Каспак осенью 1097 г. напали на города Ионии. Смирна и Эфес были заняты без тяжелых боев, и вскоре там поселилось множество крестьян, ремесленников и купцов, сделав эти города, обладание которыми было столь важным в символическом смысле, плацдармами христианской реконкисты, распространившейся на-

много дальше. Сильная императорская армия взяла Филадельфию и в марте 1098 г. одна, без помощи латинян, давно исчезнувших из вида, выиграла две тяжелых битвы с турками и отодвинула границы империи на юг, до окрестностей Лаодикеи.

Тем временем латиняне шли все дальше, а турки освобождали пространство перед ними. Они не видели ничего, кроме высоких бесплодных плато, бесконечных горизонтов, опустевших деревень и пустых амбаров. Каждый день они искали воду очень далеко от лагеря и приносили ее в бурдюках, загрязненной от выпотов еще свежей кожи. «Как из-за суровости этих мест и узости проходов, так и вследствие бесчисленности последних и сильнейшего зноя как-то в субботу воды стало недоставать еще более, чем обычно, — до такой степени, что пятьсот человек обоего пола скончалось от мучительной жажды»¹. Лошади падали; многие рыцари становились пехотинцами или «садились на быков или коров либо на собак-овчарок, в этой стране необычайно огромных». Турки их тревожили, нападая на отстающих: «Бедные и богатые гибли ежедневно, как от голода, так и от рук врагов; однако немало было и таких, кто из-за нехватки хлеба уходил из отряда, чтобы искать хлеб в окрестных замках, но не возвращался, покидая нас навсегда»².

Дней через двадцать после выхода из Никеи они разделились в надежде легче прокормиться; на один из

¹ *Foucher de Chartres*. Op. cit. P. 40.

² *Robert le Moine*. Histoire de la première croisade. Paris: J.-L.-J. Brière, 1825. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 23.]

отрядов немедленно напали три тысячи турок, огласив воздух варварскими кличами, и этот отряд, укрывшись в подобии укрепленного лагеря, был спасен только благодаря своевременному подходу другого отряда, который вызвали гонцы. Оказавшись в тисках, враги, вскоре окруженные, попытались бежать, но, не найдя выхода, были полностью уничтожены, оставив на поле боя золото, серебро, лошадей, ослов, быков и овец. Было это при Дорилее 1 июля 1097 г.

Миновав город Иконий, жители которого его покинули, а потом отразив вылазку турок под Ираклией и не потеряв при этом ни одного человека, бароны снова разделились, выбрав пути, разведшие их далеко, словно они не собирались больше встречаться. Младшие, Танкред Готвильский и Балдуин Булонский, пошли кратчайшим путем — к южному побережью Анатолии. Остальные, намного более многочисленные, выбрали дорогу на северо-восток, к Кесарии, тем самым значительно отдалая момент, когда смогут достичь Иерусалима. Но вожди искали союзов с христианами Анатолии; одних дорога привела в Тарс, других — в Каппадокию, местность, где значительную часть населения составляли армяне, готовые принять тех, кто освободит их от турок. Готфрид Бульонский и его люди взяли Кесарию, назначив градоначальником армянина, благодаря быстрому переходу освободили крепость Коксон и после этого долгого обходного маневра наконец предприняли штурм Таврских гор, на узких тропках которых, поднимающихся до высоты в две тысячи метров, потеряли много как людей, так и лошадей: «Колотя себя по телу натруженными руками, изнуренные болью и скорбью, они задавались вопросом, что делать с самими собой

и со своим оружием. Они продавали свои щиты и красивые кольчуги со шлемами за три-пять денариев или за что угодно. Те, кто не мог их продать, бросали их и продолжали путь»¹. Наконец они вышли на равнину, к городу Мараш, где их хорошо приняли и кормили несколько дней, пока не подтянулись остальные.

В Киликии Танкреда Готвильского хорошо приняли армяне, которые открывали ему ворота своих городов и замков: «Люди ходили из лагеря в город и из города в лагерь, что-то покупали. Те из нас, кого на открытом месте мучила какая-нибудь болезнь или удручал зной, укрывались в тени городских стен [...] Когда мы проходили по враждебным и почти безлюдным горам мимо замков армян², дивно было видеть, как, заслышав, что мы пришли защищать их от турок, все смиренно спешили навстречу нам с крестами и развернутыми знаменами и целовали нам одежды и ноги». Из Тарса и Аданы турки бежали в горы и из своих убежищ «посылали ему [Танкреду] богатые дары на верблюдах и на мулах, золото и серебро, потом являлись к нему как друзья, чтобы умиротворить его и мирно пользоваться тем, что у них еще оставалось»³. Но, поскольку подошли императорские войска при поддержке флота с очень опытными экипажами, Танкред весьма скоро вынужден был уйти

¹ *Histoire anonyme de la première croisade*, op. cit. P. 65–68.

² Упоминаются Турбессель, Равендель, замки «Девушек» (или Каменных строений), «Пастухов» и «Юношей».

³ *Raoul de Caen. Faits et gestes du prince Tancrede pendant l'expédition de Jérusalem*. Paris: J.-L.-J. Brière, 1825. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 23.] P. 87. — *Foucher de Chartres*. Op. cit. P. 37. — *Guibert de Nogent. Autobiographie*. Op. cit. P. 56.

и не смог там поселиться, сознавая, что его мечта стать владельцем первого франкского графства на Востоке рушится.

Балдуин Булонский, сопровождавший его, пошел отдельной дорогой, попытавшись даже отобрать у него Тарс, и воспользовался пребыванием в Малой Армении, чтобы договориться с некоторыми из ее правителей. Более не интересуясь Иерусалимом, он один с отрядом «верных», дошел до Эдессы, поступил на службу к князю Торосу, добился, чтобы тот его усыновил, а потом при помощи народа организовал его свержение. Он женился на армянке, дочери одного из горных вождей, одного из родственников женил на Морфии, дочери князя Мелитены, купил за десять тысяч золотых монет город Самосату у охранявшего его турецкого эмира и захватил Сороргию (Сарудж), крепость, контролировавшую дорогу на Антиохию. Латинские рыцари его свиты женились на знатных девушках, их примеру следовали другие, все более многочисленные, покидая ряды армии. Основание Эдесского графства, весьма удаленного от дороги на Иерусалим, задержало поход, предпринятый с целью освободить последний и помочь паломникам мирно молиться в Святых местах, и существенно подрвало его военную мощь.

Никто ни тогда, ни позже особо не говорил об этом первом «отклонении от крестового похода», которое не стало, как можно было бы подумать, инициативой лишь одного сицилийского норманна, который шел по стопам отцов, отбирая у Восточной империи отдельные города и земли. Балдуин Булонский был братом Готфрида Бульонского, которого папа назначил командующим. Он рискнул первым и — несомненно — сделал

то, о чем мечтали многие. В армии — лучше скажем: в отрядах, куда многие вступили не совсем добровольно, — о завоевании земель и присвоении их говорили не меньше, чем о походе на Иерусалим. То, о чем не упоминалось ни в Клермоне, ни в проповедях, ни даже еще в Константинополе, теперь обсуждали в открытую. И, что вполне очевидно, уже ссорились, задумывая разделы земель.

АНТИОХИЯ: ОСАДА ПРОТЯЖЕННОСТЬЮ БОЛЕЕ ЧЕМ В ГОД

С первых дней осады Антиохии, начавшейся в конце октября 1097 г., посланцы багдадского халифа принялись давать гарантии: паломники смогут мирно ходить в Иерусалим, их не будут беспокоить и облагать необоснованными поборами. Но на это им говорили о бедняках, имевших при себе лишь посох и суму и шедших всего лишь помолиться: они страдали, их оскорбляли и унижали, а то и убивали. И напоминали, что эти земли не принадлежат тем людям, которые живут на них теперь. Они были отняты у христиан, и мусульмане не имеют на них никакого права: «Несомненно, тогда вы легко победили изнеженных греков, но меч франков заставит вас заплатить головами за эти победы»¹.

Неподалеку от франков встал лагерем воинский отряд императора. Алексей I Комнин дал его командиру Татикию приказ вернуть в подданство потерянные земли, вновь отбитые у турок. Последний заботился, чтобы греческие суда регулярно подвозили зерно, вино, олив-

¹ *Robert le Moine. Op. cit. P. 74–75.*

ковое масло, мясо, сыр и сотни коней. Но ему ясно дали понять, что Антиохия никогда не будет принадлежать грекам, и в начале февраля 1098 г. он приказал своим людям снять лагерь; с тех пор ни один греческий контингент не приходил на помощь латинянам, которые более семи месяцев потратили на то, чтобы взять город, потом их в свою очередь осадили, потом они начали нескончаемые ссоры о том, кто будет властителем города, потеряв еще шесть месяцев, прежде чем продолжили движение к Иерусалиму¹. Город, хорошо защищенный мощными стенами, которые усиливала неприступная цитадель, выдерживал все атаки. Франки встали тремя лагерями, которые не соединялись меж собой, что не позволяло им окружить город. Турки насильно выселили большое количество христиан, чтобы не кормить их; они регулярно получали продовольствие, выходили из города и входили в него, когда им заблагорассудится.

Франки познали суровость страшной зимы, холод и проливные дожди: «Палатки, обветшавшие, промокшие от потоков воды, защищали их недостаточно. У многих из наших не было иного крова, кроме неба». После того как греки ушли, в поисках продовольствия франки стали выезжать в гавань Святого Симеона, покупая у моряков и купцов все, что находили, и до конца дня возвращались в лагерь, где за золото продавали сушеное мясо, зерно и сыр. Небольшие порции вина или оливкового масла они обменивали на изрядные денежные суммы. Как-то утром турки, увидевшие, как они выходят, пришли в гавань убивать матросов и жечь

¹ Лагеря были разбиты 25 [21] октября 1097 г., город взят 3 июня 1098 г., а в путь все выступили 13 января 1099 г.

суда. Особенно сильно страдали бедняки: «Количество пшеницы, какое мог везти один осел, стоило восемь золотых греческих монет, то есть сто двадцать су в нашей монете. В лагере больше не было ни хлеба, ни говядины или свинины. Люди ели всевозможную траву, даже без соли, или головки чертополоха, которые из-за нехватки дерева нельзя было достаточно проварить, чтобы они не кололи язык. Несчастные пожирали шкуры животных, а также мышей и зерно, которое находили среди мусора... Богатые питались дикими животными, а бедные — падалью и листьями деревьев»¹. Нужда стала столь большой, что Боэмунд Тарентский и Роберт Фландрский повели отряд в несколько тысяч человек далеко на юг, чтобы только добыть зерна. На них внезапно напала армия дамасского эмира, разбившая лагерь у них на дороге, они ее победили и вернулись в Антиохию без больших потерь, но лишившись всей поклажи.

По прошествии зимы франки, чтобы усилить блокаду, построили три укрепления, перекрывавшие пути для подхода подкреплений. Трижды они отражали наступление войск, приходивших из Алеппо и Дамаска и везших большое количество провизии. Но без больших осадных машин попытки взять город приступом стоили им многочисленных убитых, и они уже отчаялись добиться от турок сдачи, когда Боэмунд, славный воинскими подвигами и умением договариваться с вражескими вождями, сообщил руководителям похода, что познакомился с человеком, который мог бы впустить их ночью в город. 3 июня 1098 г., среди ночи, этот человек сбросил с верха стены канаты для

¹ *Histoire anonyme de la première croisade*, op. cit. P. 79.

рыцарей, которые во главе с Боэмундом взобрались по стене, водрузили на ней свои знамена и через несколько мгновений открыли ближайшие ворота¹. Сирийцы, христиане или мусульмане, и армяне помогали латинянам преследовать и убивать своих господ, обратившихся в бегство: «Они показывали нам места, где было больше людей или где хранились сокровища; они сами весьма охотно убивали турок, дабы наказать их за обиды, какие те прежде чинили им». Преследование продлилось весь день, а к вечеру «улицы были устланы мертвыми и зловонными телами; и, поскольку не было возможности быстро убрать столь многочисленные трупы, уже не опасались ходить среди них»². Уцелели только те, кто укрылся в цитадели, и те, кто обратился в бегство в первые же минуты. Эмир со своими людьми и небольшим количеством приближенных спасся, но небольшая группа армян встретила его по дороге, измученного, раненого и едва сидевшего в седле; они его убили и принесли его голову Боэмунду, который заплатил им шестьдесят золотых за его меч и пояс.

На следующий день турки напали на франков, охранявших мост через Оронт, и перебили всех до одного, но через несколько дней Боэмунд и граф Фландрский одержали победу над огромным войском, которым командовали эмир Дамаска и еще один эмир, спешно прибыв-

¹ Разные хронисты, более или менее снисходительные, трактуют эту историю по-разному, но все сходятся в том, что этот человек по имени Фируз был армянином, обращенным в ислам, который хотел отомстить правителю города, конфисковавшему у него запасы зерна, а также, возможно, отобравшему жену.

² *Guillaume de Tyr. Op. cit. P. 96. — Guibert de Nogent. Autobiographie. Op. cit. P. 164.*

ший из Палестины: «Сто тысяч турок с женами и детьми, с их серебряными и золотыми тиарами, одеяниями из драгоценного шелка, конями, быками, козлами, овцами и верблюдами»¹. Однако они по-прежнему находились в положении осажденных в городе, не в состоянии взять цитадель и прорвать окружение. В Антиохии они нашли лишь скудные запасы, слишком маленькие для того, чтобы прокормить такую толпу людей, уже попавшую в затруднительное положение. «Враги держали нас в столь плотной осаде, что многие умерли от голода. Люди собирали листья смоковницы, чертополоха и винограда, чтобы варить отвары. Они ели все травы, какие могли найти, но некоторые обманывались, плохо зная страну, и, чтобы выжить, употребляли в пищу вредные растения, такие как цикута, морозник, плевел или овсюг, которые убивают. За греческую золотую монету давали только маленький хлебец. Цыпленок стоил пятнадцать франкских су, яйцо — два су, а орех — один денье. В отсутствие другого мяса многие довольствовались ослиатиной, которую покупали на рынках, очень далеко оттуда, или сушили кожи, которые резали на ремни и варили».

Самые слабые души охватывали страх, тревога, а прежде всего ощущение безнадежности, и они, не видя конца этому предприятию, все более воспринимали его как безумное и по ночам тайно бежали окольными тропами. «Те, кто не принадлежал к роду, которому обещано спасение, охваченные трепетом и ужасным страхом, позорно спускались в зараженные сточные канавы, чтобы бежать оттуда»². Покинули лагерь даже некоторые вож-

¹ *Foucher de Chartres*. Op. cit. P. 51.

² *Histoire anonyme de la première croisade*, op. cit. P. 177.

ди — рыцарь по имени Гильом, могущественный сеньор из Иль-де-Франса, женившийся на сестре Боэмунда Тарентского, норманн знатного рода, и его брат Альберих, который сделался клириком, а потом совершил отступничество, чтобы стать рыцарем. Танкреду Готвильскому было поручено нагнать их и вернуть силой Гильома Плотника, виконта Мелёнского, и Петра Пустынника, для которого эта попытка бежать была не первой. Стефан Блуаский, оставшийся из-за лихорадки в Александrette, отказался идти в Антиохию и, чтобы оправдать свое бегство, изложил морякам в порту ужасающий рассказ о могуществе турок и страданиях латинян.

28 июня 1098 г., наконец выйдя из города через одни ворота, франки предприняли мощную конную атаку и прорвали ряды вражеского войска, намного превосходившего их по численности. Некоторые военачальники турок сдались после первого же натиска, другие бежали во все стороны, их до вечера преследовали, и их жизнь оказалась во власти жителей селений, армян и сирийцев, которые грабили их и убивали. В Антиохию доставили огромную добычу: «Великое богатство и великое изобилие золота и серебра, посуду прекрасной формы, и ковры, и шелковые ткани». А также быков, баранов и продовольствие в столь большом количестве, что принести все было невозможно. Комендант цитадели наконец сдался и вместе со своими людьми уехал в Алеппо. Христианскому войску больше было не за чем опасаться врагов, которые при каждой попытке остановить ее движение оставляли на поле боя много убитых и теряли много золота и серебра. Эмиры Алеппо и Дамаска заранее знали, что обречены на поражение в стране, чьи жители, в большинстве своем

христиане, испытывали к ним враждебность. Из Багдада более чем за год не пришло никакой помощи. Однако это великое паломничество в Иерусалим возобновилось только через семь месяцев, 13 января 1099 г. Все очевидцы, а позже историки долго осуждали это длительное ожидание и рассказывали о гневе бедняков, которые желали идти дальше и приходили в отчаяние, обвиняя вождей в том, что те их обманывают и забывают о служении Богу.

Вожди же никак не могли договориться, кто будет править Антиохией. Боэмунд Тарентский подчеркивал, что он неоднократно первым выходил на бой с врагом, один со своими людьми совершал долгие вылазки за провизией и что это он нашел человека, который смог сдать им город. Впервые после выступления в поход созвали нечто вроде общего совета и согласились передать ему мосты и укрепления вне городской стены. Но Раймунд IV Тулузский отказался уступать ему то, что удерживал сам.

Тем временем то одни, то другие шли воевать на собственный страх и риск. Простой рыцарь по имени Раймунд Пеле собрал большой отряд и повел его на войну в сарацинские земли. Они захватили два замка, но из-за отсутствия осадных машин потерпели неудачу под Маарратом, крепостью приблизительно в сорока лье от Антиохии. Они победили слабую армию, подоспевшую из Алеппо, но им ничего не оставалось, кроме как отступить, поскольку они были изнурены жарой и в том убежище, откуда «вели большую войну в стране сарацин», не имели надежд найти воду. Раймунд IV Тулузский направился в сторону Иерусалима; он захватил Аль-Бару, куда назначил латинского епископа Петра Нарбоннского, впервые выказав стремление франков насадить

в Сирии и Палестине духовенство, подчиненное Риму и служащее по римскому обряду, — в городе, где определено жили христиане греческого обряда. Когда он захотел расширить это «провансальское княжество» и в свою очередь осадил Мааррат, после трех упорных и бесплодных приступов к нему присоединился Боэмунд, тогда же ведший кампанию в Киликии, добиваясь, чтобы государем Антиохии его признали гарнизоны, оставленные его племянником Танкредом Готвильским. Оттуда он пришел в Эдессу на помощь Балдуину II де Эно и, вернувшись в Антиохию, вступил в союз с Омаром, правителем города Аазаз, против турок Алеппо. Когда те отступили, Омар стал вассалом франкского вождя, принеся присягу на верность, во всем подобную тем клятвам, какие давали в Европе. Так за несколько месяцев до приближения к Иерусалиму латиняне прочно обосновались в Северной Сирии, недалеко от столичных городов Алеппо и Дамаска, в двух сильных княжествах — Антиохийском и Эдесском графствах.

Однако в Мааррате, как и в Антиохии, от лестниц, прислоненных к городским стенам, и от таранов, бивших сильными ударами по воротам, никакого толку не было. Город взяли только 12 декабря 1098 г. благодаря высокой деревянной башне, которую провансальцы построили и подкатили к стене. Когда 13 января 1099 г. они покинули город, им оставалось до Иерусалима каких-то триста лье, но, чтобы дойти до него, им понадобилось пять месяцев, притом что ничто не препятствовало быстрому переходу, обеспеченному хорошим снабжением. Они не встретили ни одной армии, не дали ни одного боя, находя на пути только арабских эмиров, неспособных собрать воинский отряд. Как только франки по-

дошли к Шейзару, красивому городу на Оронте, и встали лагерем под стенами, его правитель в ближайшие дни прислал к ним послов. Он пообещал, если они пойдут дальше, отвести их в место, где они в изобилии найдут продовольствие. И после долгого, часто мучительного пути проводники привели их... к другому вождю, в цветущую долину, богатую всевозможным добром, откуда они угнали несколько тысяч голов скота. Они провели там пять дней и набрали столько добычи, что им пришлось покупать вьючных или тягловых животных, чтобы переправить всё в Хомс. В дальнейшем такие же соглашения заключались повсюду: снятие осады и уход на открытую местность в обмен на проводников, продовольствие и лошадей. И всякий раз — два, три или пять дней отдыха и изобилия. Владетели крепостей сами являлись предложить договор, а часто и присягу на верность. Подойдя к Рафанее (Кефалии, Рафании), франки удивились, когда разбили палатки и никто не вышел им навстречу. Разведчики обнаружили ворота открытыми, а город — пустым: жители бежали далеко, оставив полные зерна амбары, виноградные прессы с вином и сундуки, наполненные орехами, сыром и мукой.

Однако Раймунд IV Тулузский, желая выкроить для себя одного сеньорию в районе Триполи, которым тогда владели арабские династии, осадил город Акра. Ему оказал помощь Готфрид Бульонский, но быстро удался, и латиняне подписали мир с «королем Триполи», немедленно выдавшим триста паломников, которых он держал в своих тюрьмах, подарившим пятнадцать тысяч золотых монет и пятнадцать добрых боевых коней и пообещавшим франкам, что, если они победят, он сделается христианином и их союзником. Акра и Три-

поли задержали франков более чем на три месяца, но оттуда армия, которую вели проводники, по узкой дороге, шедшей по горному карнизу, без затруднений достигла Бейрута, правитель которого, уже осведомленный о приближении христиан, щедро заплатил за их уход и предоставил им хорошее снабжение, заявив, что тоже станет вассалом победителей.

Крестоносцы поняли, как извлекать выгоду из конфликтов между арабами и турками и как, утверждая себя в качестве сюзеренов, добиваться, чтобы за услуги или просто за покровительство им платили. Обнаружив, что враги так же разобщены, как и они сами, если не больше, они этим часто пользовались; не худшие дипломаты, чем воины, способные пройти свой путь до Святых мест без особо активных боев, они быстрее, чем когда-либо, через Сидон, Тир и Акру добрались до Кесарии, под стенами которой оставались всего два дня — их снабдили провизией как жители, к тому же щедро заплатившие им за то, чтобы те шли своей дорогой, так и генуэзцы и пизанцы, которые после взятия Тортосы одним провансальским сеньором в обилии поставляли им зерно, оливковое масло, вино и мясо из Италии.

Оттуда они наконец пошли к Иерусалиму. Под Рамлой, в Лидде, в церкви Святого Георгия, недавно снесенной мусульманами, они назначили первого латинского епископа Палестины — Роберта Руанского, отдав ему десятую часть того, что имели, а также лошадей и рабочих скот для него и домочадцев. Также они оставили «людей, чтобы возделывать земли и собирать урожай с полей и виноградников».

Крупный отряд рыцарей во главе с Балдуином Бургским и Танкредом Готвильским посреди ночи спешно прибыл

в Вифлеем. На заре навстречу им вышла толпа христиан, которые несли кресты и священные книги и хором пели, славя прибытие тех, кого они так долго ждали и «о ком знали, что те избраны, чтобы восстановить древнюю славу христианской веры, каковую веками попирали злые люди». Гастон Беарнский указал путь в Иерусалим, и «на седьмой день июньских ид, по традиционному расчету, когда уже семь дней июньское солнце сияло всеми огнями, франки окружили Святой город и осадили его»¹.

ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА

Антиохия сопротивлялась более года и десяти месяцев, Иерусалим не продержался и пяти недель. Весной 1098 г. египетские Фатимиды, начав завоевание Палестины, отобрали у турок Тир, а 20 августа с победой вступили в Иерусалим после жестоких боев, в которых днем и ночью действовали десятки тяжелых машин, сносивших целые участки городской стены. Турок перебили на месте или выслали в Дамаск и Багдад. Стену и башни восстановили, жители не испытывали недостатка ни в продовольствии, ни в воде благодаря цистернам, не получившим повреждений, но город еще оставался словно обескровленным, полупустым, а подкрепления из Египта могли подходить только по долгой дороге через пустыню. Однако франки снова, похоже, оказались в затруднительном положении. С первых же дней стало недоставать хлеба и воды: «Люди, отправлявшиеся ее искать в этой ужасной стране, где не было ни одного ручья, попадали в засады язычников, отрезавших им головы. Те, кто возвращался, приносили в сшитых бычьих или буйволовых кожах лишь грязную

¹ *Foucher de Chartres. Op. cit. P. 66–67.*

воду, за право черпать которую первым шла борьба; эта вода еще и изобиловала пиявками — разновидностью червей, падавшими в руки. За глоток этой застоявшейся и гнилой воды, иногда взятой в зловонных болотах или в полуразрушенных старинных цистернах за шесть-семь миль оттуда, давали по две серебряных монеты»¹. Если бы не подошло шесть итальянских кораблей — генуэзских, пизанских и венецианских, — которые выгрузили в Яффе большие партии продовольствия, воды и вина, оружия и осадных материалов, город мог бы держаться месяцы.

В большом лесу за четыре мили от лагерей, «в горах аравийской земли, трудились пехотинцы, валя высокие деревья и грузя стволы на спины верблюдов. Корабельным плотникам понадобилось всего три недели, чтобы сделать огромные тараны и воздвигнуть машины для метания камней и высокие башни, поставленные на колеса. Мальчики, женщины и старики пошли в долину близ Вифлеема за ветками, чтобы сплести решетки, которые обтягивали кожей и которые должны были защищать машины и людей, идущих на штурм».

Штурм продолжался две ночи и два дня. 15 июля Готфрид Бульонский подкатил одну башню к стене. К полудню он вместе с братом Евстахием Булонским ступил на укрепления, а вскоре за ним последовали толпы соратников, ринувшихся открывать ворота. Еще держались только защитники Сионских ворот, но и они скоро сдались, видя, что весь город попал во власть латинян. Комендант Ифтикар («слава царства») сдался Раймунду IV Тулузскому, который за крупный выкуп велел отвести его и всех его людей к своим, в Аскалон.

¹ Albert d'Aix. Op. cit. P. 323–325.

В знак овладения городом вожди — Готфрид Бульонский, Танкред Готвильский и Раймунд IV Тулузский — велели водрузить на улицах, которые хотели сохранить за собой, свои знамена и очень скоро вступили с купцами и видными людьми города в переговоры о сумме выкупа. Но через несколько часов весь город заполнили толпы франкских простолюдинов с намерением грабить и убивать. «Резня, какую невозможно описать», — пишут хронисты, последовавшие туда за Готфридом Бульонским. Авторы, уделяющие сегодня особое внимание этой трагической развязке и представляющие ее следствием религиозной ненависти, сознательно не учитывают, что это смертоносное безумие обрушилось на всех жителей — христиан, мусульман и иудеев — и что иерусалимское побоище не было ни более ужасным, ни более «несправедливым», чем многие другие, когда после долгой осады победители, раздраженные ожиданием и лишениями, вымещали свои страдания и постыдным образом утоляли жажду мести. Те, кто говорит о «политической ошибке», не хотят ничего знать о приказах, отдававшихся вождями, которые хотели спасти жизнь горожан, хорошо понимая, что многие из них — христиане, а за других можно получить большой выкуп.

Осадная война не была сражением одинаковым оружием, где победу приносят храбрость и мужество. В те времена рыцари сшибались на копьях, лицом к лицу и открыто. Бой длился самое большее несколько часов, и вечером победители могли воздать должное убитым, позволить противнику похоронить своих и обеспечить пленным достойное обращение. А вот чтобы осадить и взять крепость, люди должны были биться неделями или месяцами, они обменивались оскорблениями

и вызывающими жестами — осажденные выставляли на внешних стенах изуродованные тела или головы врагов, убитых во время вылазок; это была война на истощение, не имевшая никакого отношения к смелости и чести, но лишь разжигавшая злобу. Рыцари не могли захватить город, обнесенный высокими стенами. Очень часто для решительного штурма набирали пеших воинов, бедняков из бургов и сельской местности, не участвовавших в переходах отряда, знающих, что никакого жалования они не получают, и рассчитывавших только на возможность пограбить; чтобы подавить всякое сопротивление, они сеяли страх, жгли и убивали.

Количество бедняков по мере продвижения войск постоянно росло — искателей удачи и бездомных, которые не признавали над собой господ, объединялись в шайки и не хотели знать иного закона, кроме своего. Многие уже не имели ничего общего с паломниками и не смешивались с прочими, шли босиком и были вооружены только пращами, дубинками и ножами. Эти люди, которых хронисты называли «бродягами» (*truands*), «цыганами» или «тафурами»¹, оказывали услуги, несли поклажу, как вьючные животные, но, поскольку командующие армией их не кормили, грабили больше, чем другие, и захватывали добычу, не дожидаясь приказов.

В июле 1099 г. под Иерусалимом бароны, столь немногочисленные по сравнению с ними, были совершенно неспособны их сдержать. Много ли они нашли добычи?

¹ Слово армянского происхождения, означавшее «царь»; на самом деле они выбирали себе вождя, который заботился о них, командовал ими и принимал к себе в отряд только тех, кого выбирал сам.

Достаточно для каждого? Через двадцать лет один историк писал, что никто из паломников не остался бедным. В этом можно усомниться: их насчитывалось несколько тысяч, а Иерусалим не был очень богатым городом. Несомненно, лучше поверить Раулю Канскому, очевидцу и внимательному наблюдателю, который не говорит о сокровищах, но пишет, что «тот, кто голоден, найдя очаг, не стремится искать оружия или прочих прекрасных вещей, кто жаждет и найдет воду, не ищет ни золота, ни железа, ни скота, раненый же ищет хороший дом, чтобы обрести там отдых, а гуляка всюду ищет чаши с вином»¹.

ГОТФРИД БУЛЬОНСКИЙ, КОРОЛЬ ИЕРУСАЛИМА

22 июля 1099 г., всего через неделю после взятия города, «выборщики» — нам неизвестно ни их число, ни положение, ни способ, каким они производили выбор, — назначили иерусалимским королем Готфрида Бульонского. Он одержал верх над Раймундом IV Тулузским, хоть последний привел больше рыцарей, взял с собой более весомую военную казну в золотых монетах и сделался покровителем бедняков, проявив себя в вылазках за продовольствием далеко от лагеря. Некоторые полагают, что против него проголосовали его спутники, желая вернуться домой. Другие утверждают, что Готфрид больше всех проявлял высокие добродетели и выказал образцовое христианское благочестие, снискав уважение и восхищение многих участников похода, вплоть до самых смиренных клириков: «В каждой церкви он надолго задерживался после службы, прося

¹ *Raoul de Caen. Op. cit. P. 237.*

священников объяснять ему изваянные образы и сцены, одну за другой, что вынуждало его соратников, собравшихся за столом в другом месте, весьма страдать, ибо кушанья, приготовляемые почти всегда заранее, не подавались вовремя и это слишком долгое и непредвиденное ожидание делало их невкусными». Папа назначил его главой экспедиции; он выступил в путь первым, и за ним следовало множество монахов, «набожных людей, весьма почитаемых за святые дела: эти монахи в течение всего пути днем и ночью в канонические часы возносили за него молитвы»¹.

Главное, Готфрид, герцог Нижней Лотарингии, был выходцем из империи, вассалом германского императора, главой партии тех, кто в Константинополе решительно противился притязаниям Алексея I Комнина, тогда как Раймунд IV Тулузский в Антиохии предлагал, чтобы уладить ссоры, обратиться к императору греков, тем самым признав его право вмешиваться в дела латинян и даже требовать передачи ему завоеванных земель.

Как только Готфрида избрали, он отказался от золотой короны и якобы заявил, что не желает быть королем там, где свои Страсти претерпел Христос. И он будет только защитником Гроба Господня. Все авторы того времени видят в этом проявление смирения — возможно, выраженного с целью верней добиться признания со стороны тех, кто голосовал не за него. Именно это внушают сегодня наши учебники, тогда как это было выполнением политического решения, несомненно, принятого перед выступлением в поход, по согласованию с папой, три

¹ *Guillaume de Tyr. Op. cit. P. 366 и 376.*

года назад. Защитник (*advocatus*) в то время был «светской дланью» церкви, хранителем церковного владения, и выбор этого слова ясно показывает, что Иерусалим и зависимые от него города и земли, некогда входившие в состав константинопольской империи, становились вотчиной латинской церкви, зависимой от Рима, как папские владения в Италии. Латинский патриарх Иерусалима должен был подчиняться папе так же, как все архиепископы и епископы Западной Европы.

Первые шаги в этом направлении были сделаны, но очень скоро от этой идеи пришлось отказаться. Греческий патриарх Симеон уже бежал из города, чтобы не стать жертвой гонений и убийств, совершавшихся по приказу Фатимидов, но клирики франкской армии, пусть даже очень многочисленные и громогласные, после смерти Адемара Монтейского, папского легата, не могли выдвинуть кандидата, который бы имел какие-либо шансы на всеобщее признание. Они выбрали представителя «партии» — Арнульфа Маликорна, духовника Роберта II Нормандского, который принял крест как участник свиты Одона, епископа Байё, умершего по дороге. Избранный 1 августа, через две недели после Готфрида Бульонского, он повел себя так дурно, конфисковав имущество всех церквей, кроме латинских, и присвоив его значительную часть, что священников, которых назначили франки, во всем городе принялись обвинять в худших преступлениях. Уже подумывали, как бы обойтись без него, когда в начале сентября в Антиохию прибыл флот из Пизы, которым командовал архиепископ этого города Даимберт и который, взяв на борт Боэмунда Тарентского и Балдуина Булонского, направился в Иерусалим, где его с большой помпой встретил Готфрид — за четыре дня до Рождества.

Даимберт утверждал, что имеет полномочия от папы, и сместил Маликорна, заявив, что тот даже не рукоположен в священники. 31 декабря, после того как его избрали патриархом, он торжественно благословил Боэмунда и Готфрида, которые, преклонив колени, получили инвеституру на свои княжества. Через несколько дней Готфрид передал ему город Иерусалим, цитадель, большую башню Давида и четверть территории Яффы. А на Пасху уступил весь Святой город, получив право охранять его, пока не будут захвачены два других города, — то есть ему предстояло управлять королевством, но Иерусалимским королевством оно уже не было.

Когда 18 июля 1100 г. Готфрид умер, Даимберт потребовал выполнения воли покойного, но лотарингцы, укрепившись в башне Давида, отказались ее отдавать патриарху и выступили за Балдуина Булонского, который, незамедлительно получив весть о смерти брата, форсированным маршем прибыл в Иерусалим, где его встретили радостными шествиями как латиняне, так и другие христиане — армяне, греки и яковиты, которые вместе со своими священниками с первых дней заключили союз против этого латинского патриарха, не церемонившегося с ними. Даимберт, поначалу укрывшийся на горе Сион, пошел на примирение и сам короновал иерусалимской короной Балдуина Булонского, отныне безраздельного властителя.

Однако, хоть партия клириков и была вынуждена отказать от создания в Палестине папского государства, завоевание сопровождалось расселением латинского духовенства, которое на всех захваченных территориях силой занимало церковные посты. На кафедры Вифлеема и Назарета возвели епископов, пришедших из

Европы с армией. В Иерусалиме целый квартал, больше половины огороженного города, с церковью Гроба Господня и тремя выдающимися церквями — Святого Иоанна, Святой Марии Латинской и Святой Марии Великой, — стал церковной сеньорией, находившейся под властью и юрисдикцией лично патриарха. Каноникам Гроба Господня, исключительно латинским монахам, Готфрид Бульонский подарил тридцать деревень, расположенных в окрестностях и конфискованных у греческой церкви. В Иерусалиме три монастыря, полностью разрушенные мусульманами или покинутые греками, — на горе Сион, на Масличной горе и монастырь Святой Марии в долине Иосафата, где находилась могила Богоматери, — были отстроены заново в европейском духе. Танкред Готвильский подарил монахам, которых поселил здесь он, несколько деревень и земельных угодий.

Это латинское духовенство, навязанное силой, вело себя как на чужой земле. Оно быстро оттолкнуло от себя остальных христиан, утверждавших, что страдают от изъятий имущества и несправедливостей. Матфей Эдесский, армянин, не находит достаточно резких слов, чтобы заклеить «этих пастырей святой римской церкви, которые погрязали в разврате с неугасающим пылом и изгоняли из монастырей армян, ромеев [греков] и сирийцев»¹. Дело зашло так далеко, что папа, хорошо осведомленный о потребностях этих клириков,

¹ *Matthieu d'Edesse. Détails historiques de la première expédition des chrétiens dans la Palestine, sous l'empereur Zimiscès* // trad. par F. Martin. Paris: Lemarchand, 1811. P. 54. — *Richard J. Quelques textes sur les premiers temps de l'Église latine de Jérusalem* // *Recueil de travaux offerts à M. Clovis Brunel par ses amis, collègues et élèves*. Paris: Société de l'École des chartes, 1955. 2 vol. T. II. P. 426–430.

которых он не выбирал и которых мог даже подозревать в самозванстве или дурном образе жизни, в конечном счете перестал поддерживать эту церковь, организованную столь спешно вдалеке от Рима. Так же поступили и латинские государи, стараясь снискать поддержку всех христиан, сохранить мир и заботясь об укреплении своей власти на тех землях, которые миновали по дороге в Иерусалим.

ГЛАВА II. ВОДВОРЕНИЕ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ (1100–1150)

ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВЛАДЕНИЕ

Мелкие группы рыцарей, не более десяти-двадцати человек, укрепившись в уже подчиненных городах или в замках, служивших также казармами и амбарами, наудачу совершали вылазки на местность, которой совсем не знали, продвигаясь все дальше к востоку или северу. Они проводили разведку, разговаривая с жителями и пытаясь обратить их в христианство или добиться поддержки с их стороны, а также вели войну с разбойниками, добираясь до их логовищ в горных долинах, и с кочевниками-бедуинами, грабителями, державшими купцов в вечном страхе. Позже, наконец взяв под надзор дороги и мосты, они стали насаждать свою власть с помощью больших набегов, демонстраций силы, добиваясь, чтобы арабские эмиры пообещали им поддержку и вассальную верность и платили дань.

Всего за три месяца после своего избрания Готфрид Бульонский предпринял несколько походов под самый Святой город, против разбойников-«головорезов», которые, укрываясь в пещерах, обирали бедных паломников на Яффской дороге. «Он затворил их в норах, как лисиц, и перебил сотню». В поисках пищи, вняв сове-

там «некоторых сарацин, рожденных и вскормленных в этой стране, но недавно обратившихся в христианскую веру и знавших, что находится вдалеке и со всех сторон от возделанных и неводеланных земель, его люди за год нашли все места, о каких упоминает Библия, могилы патриархов, преступные города Содом и Гоморру, долину, где Моисей дважды ударил посохом о скалу и из нее хлынула вода, которой хватило, чтобы напоить народ Израйля и его вьючных животных»¹. Одновременно шли и поиски добычи в надежде найти съестное или лошадей. Местные христиане предупреждали латинян о прохождении купеческих караванов на Дамаск; в 1107 г. шестьдесят рыцарей, устроив засаду на реке Иордан, отняли одиннадцать верблюдов, груженных сахаром, и еще четырех, которые везли ценные благовония, а также семнадцать, груженных медом и оливковым маслом; они доставили всё в Иерусалим, «и страна, занятая паломниками, обогатилась обильными трофеями»².

Вскоре пришло время завоеваний. Танкред, королевский наместник, казна которого наполнилась за счет захваченной добычи и выкупов, взял на жалованье всего сотню рыцарей и вместе с Евстахием Булонским, еще одним братом Готфрида Бульонского, обосновался в Тивериаде, которую менее чем за три недели обнес высокими стенами, усиленными башнями. Оттуда он выезжал на охоту за бедуинами и, контролируя дороги и рынки, насадил жестокий террор, чтобы принудить враждебно настроенных жителей капитулировать.

¹ Foucher de Chartres. Op. cit. P. 100.

² Albert d'Aix. Op. cit. P. 125.

В мае 1100 г. они вместе с Готфридом Бульонским разорили города и деревни на западном побережье Тивериадского озера и, на этот раз возглавив армию в пятьсот-шестьсот рыцарей, перенесли военные действия к самым стенам Дамаска, правитель которого, признав себя их вассалом, пообещал платить дань золотыми монетами и шелками. Это Тивериадское княжество («*princée*»), называвшееся еще «Галилейским», третье норманнское княжество после Антиохии и Эдессы, хорошо защищенное сильными крепостями и богатое плодородными землями, было первой территорией, полностью покоренной латинянами, которую заселяли и осваивали на основе новых экономических принципов.

Раймунд IV Тулузский не приобрел ничего, но не делал тайны из своего желания остаться на Святой земле. В 1103 г., возобновив наступление на Триполи, он перекрыл дороги, ведущие к городу, и угрожал жителям бургов и сельской местности, пока они не согласились признать его господином и платить ему дань. Так же поступили, после того как стойко держались несколько лет, и горожане Триполи. Раймунд умер 28 февраля 1105 г., а его племянник Гильом Иордан смог вступить в город как властитель только через четыре года.

Менее чем за десять лет после освобождения Иерусалима в 1099 г. франки создали — при помощи оружия, но чаще за счет мирных соглашений — не одно большое королевство, а пять латинских государств по образцу европейских: два (Иерусалим и Эдесса) под властью семейства Готфрида Бульонского, два (Антиохия и Галилея) под властью итальянских норманнов и Триполи — под властью «провансальцев», на самом деле лангедокцев, Раймунда IV Тулузского. Эти князья, занимавшие на

Западе высокое положение и владевшие богатыми угодьями, выбрали Восток, оставив другим свое наследие и заботу о своих династиях.

Таким образом, говорить о латинском государстве того времени, как часто делают, — значит предельно упрощать события или предвосхищать их и не видеть, что этот политический раздел отразил амбиции вождей, неспособных договориться, и наглядно показал, что баронские армии, которые шли разными дорогами, часто по отдельности и занимали во время осад разные секторы, не могли координировать свои действия и собирались вместе только ради больших битв, всего на несколько часов. Не было единого «крестового похода» всего христианского мира, каждый из четырех-пяти «народов» выступал от своего имени, а единство действий поддерживалось лишь постольку-поскольку.

Авторы современных книг очень часто ограничиваются главным и, покорно следуя за хронистами или историками того времени, больше говорят о великих сражениях в Анатолии или об осадах Антиохии, чем о воинских подвигах, столь же славных и еще более удивительных, которые за несколько лет после падения Иерусалима дали возможность создать и сохранить эти латинские княжества. В то самое время, когда франкские рыцари и их «верные» вступали во владение своими латинскими княжествами и воевали, защищая их, на них со всех сторон нападали бесконечно более многочисленные воинства, ежегодно отходившие в безопасные места, чтобы восстанавливать силы.

Бедные паломники в огромном множестве возвращались домой, и, так или иначе, никакой помощи от них

не было. Отъезд нескольких вождей оставил в обороне зияющие бреши. Все жаловались и считали себя обреченными. Говорили, что у Готфрида Бульонского осталось не более тридцати рыцарей, а Танкред Готвильский для защиты своего Тивериадского княжества едва смог найти триста конных и две тысячи пеших бойцов. Эти цифры вышли из-под пера очевидцев, которые все сожалели о тысячах воинов, севших на отходящие корабли. Лошади становились всё большей редкостью, и многие рыцари ходили пешком. Поскольку недоставало и денег, нанимать вспомогательные войска в первое время не могли.

СПОРАДИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

Ни Дамаск, ни Багдад не направили больших сил в помощь осажденной Антиохии, и позже ни одна армия не была брошена в погоню за франками, которые, пусть медленно и постоянно уменьшаясь в числе, продолжали двигаться на юг. Однако египетские Фатимиды делали всё, чтобы отобрать у латинян Иерусалим. Для этого у каирского султана были значительные резервы, и его люди, укрепившиеся в крепости Аскалон, находились всего километрах в пятидесяти от Иерусалима. Что касается египетского флота, то он контролировал все побережье до Бейрута. Осенью 1100 г. Балдуин Булонский смог дойти до Иерусалима, чтобы его там провозгласили королем, только выдержав опасности рискованной экспедиции. С ним было всего 160 рыцарей и 400 пехотинцев, которые, миновав Лаодикею, на дороге по горному карнизу попали в засаду: «Одни атаковали нас снизу с моря посредством кораблей, другие следовали по пятам той дорогой, какой прошли мы; третьи же, как

всадники, так и пехотинцы, теснили нас перед собой через горы и холмы, как баранов, которых гонят в овчарню, чтобы, когда мы перейдем узкую долину, внезапно напасть на нас на выходе из ущелья и всех истребить».

28 апреля 1100 г. папа Пасхалий II (Урбан II умер в предыдущем году) написал в Иерусалим, умоляя всех латинян, которые там находились к тому времени, там и оставаться. Патриарх Даимберт направил несколько писем немецким епископам, напоминая им, что до сих пор они ничего не сделали для освобождения Иерусалима; он просил их собрать и послать денег, которые позволили бы заплатить жалованье рыцарям и пехотинцам, иначе те вернутся по домам или разбредутся. Предприятие уже обошлось дорого, и не один барон, подобно бедным паломникам, отправился обратно. В 1100 г. Роберт Фландрский и Роберт II Нормандский, а с ними и все их люди, рыцари и пехотинцы, погрузились в Яффе на корабли, поднявшие якорь, чтобы отплыть в Италию.

Всего за несколько лет — в 1099, 1101, 1102 и 1105 гг. — египтяне предприняли четыре больших наступления на территории, занятые латинянами. Очень часто хронисты, хоть они и были очевидцами, ненадолго задерживаются на описании боев, ограничиваясь несколькими словами, неизменно одними и теми же, говоря о победоносных конных атаках франкских рыцарей. Но от этих четырех кампаний нам все-таки остались подробные рассказы Фульхерия Шартрского, остававшегося при Балдуине Булонском до 1107 г.

Летом 1099 г., 4 августа, всего через три недели после взятия Иерусалима, в Аскалоне высадился фатимидский визирь Аль-Афдаль с большим войском. Среди

этого множества людей франки впервые увидели нубийских вспомогательных воинов и наемников из верховий Нила и из Судана, «племя публиканов и чернокожее племя, обитателей эфиопской земли, в просторечии именуемых азопартами, а также все варварские народы, составляющие Вавилонское королевство».

В 1099 и 1101 г. франки одержали победы, но в 1102 г. они пошли в атаку, не собрав всех пехотинцев, и численное превосходство противника сказалось самым роковым образом — их окружили и перебили на месте. Некоторые укрылись в Рамле, а Балдуин Булонский был обязан жизнью только продолжительному ночному бегству, во время которого один арабский эмир, верный союзник, провел его через фатимидский лагерь. После выхода оттуда ему понадобилось три дня пути по крутым дорогам, чтобы оторваться от всадников, посланных в погоню за ним, прежде чем достичь городка Арсуф на побережье.

Египтяне возобновили наступление только через три года, их войска усилила тысяча всадников, выставленных эмиром Дамаска, но 27 августа 1105 г. франки взяли верх, вечером их пехотинцы разграбили лагерь противника, а рыцари взяли в плен трех эмиров, получив возможность потребовать крупные выкупы.

Три победы в четырех кампаниях, которые всего несколько сот рыцарей одержали над куда более многочисленными армиями, прочно удерживавшими сухопутные и морские пути, сразу же упрочили власть франков, улучшили их репутацию и, главное, существенно увеличили их силы и богатства. Всякий раз они захватывали десятки, а то и до целой сотни боевых коней и вьючных животных; «они входили в палатки,

находили там сокровища — золото, серебро, плащи, одеяния и драгоценные камни, известные под такими нежными названиями, как яшма, сапфир, халцедон, изумруд, сардоникс, хризолит, топаз, берилл и аметист, а также золоченые шлемы, очень дорогие перстни, превосходные мечи, зерно, муку [...], ложа со всей постелью, сундуки, полные украшений, и славные трофеи, позволявшие им громко возгласить о своих победах на службе Богу». Роберт II Нормандский подарил церкви Гроба Господня знамя визиря, купленное за двадцать марок серебра при распродаже добычи, а меч последнего, оставшийся на земле, был продан на публичных торгах за шестьдесят золотых монет¹.

Эти успехи и подвиги, каким очень удивляешься, если представишь себе эти горстки воинов, едва поселившихся в своих крошечных королевствах и сталкивавшихся с огромными армиями египетского султана, внимания историков по-настоящему не привлекли. Правда, хронисты тех времен о них не умалчивали, но говорить, как они, только о храбрости франков и их манере боя недостаточно. В стране, которую слабо контролировали арабские эмиры, неспособные договориться между собой, особая сила латинян заключалась в том, что они построили профессиональную армию и сравнительно частую сеть укреплений.

Военные ордены, тамплиеры и госпитальеры, учрежденные для приема и защиты паломников, через несколько лет стали настоящим войском, которое состояло из людей с боевым опытом, подчиненных строгой

¹ Robert le Moine. Op. cit. P. 472. — *Histoire anonyme de la première croisade*, op. cit. P. 215–217.

дисциплине. Они давали пожизненный обет и обеспечивали военное присутствие в любой момент и в течение всего года. Они не испытывали недостатка ни в людях, ни в деньгах. Первые магистры сразу же обратились к знатым семействам Европы, и многие младшие сыновья приехали, чтобы вступить в зарождающиеся ордены. Потекли дары, и эта военная казна позволяла нанимать и оплачивать вспомогательные войска, туркополов (турецких наемников), которые в бою всегда следовали за рыцарями. Появилось выражение «воины-монахи», а мусульмане сравнивали их с обитателями «рибатов», пограничных замков или укреплений, куда верующие поступали служить на несколько месяцев.

ЗАМКИ И КРЕПОСТИ

Первые замки были простыми башнями, спешно возведенными во время осад, чтобы сосредоточить гарнизоны у крепостных стен. В Антиохии франки были обязаны успехом только трем большим укреплениям напротив городских ворот: укреплению Боэмунда Тарентского на севере, башне Раймунда IV Тулузского под названием Маонери, охранявшей мост через Оронт, и крепости Танкреда Готвильского на южной дороге. Через пять лет, в 1103 г., чтобы плотней блокировать город Триполи, граф Тулузский воздвиг к юго-востоку от него мощную крепость Мон-Пелерен (мусульмане называли ее Калаат Санджиль), которая, будучи заселена воинами и ремесленниками, стала плацдармом для атак на городские стены. Триполи был взят только в 1109 г., но за шесть лет Мон-Пелерен стал франкским «новым Триполи». Город Тир, последнюю морскую крепость, еще оставшуюся в руках мусульман, окружили тремя замками,

которых оказалось достаточно, чтобы перекрыть снабжение, — это были Кастель-Нёф, Казаль-Эмбер и Тибнин. Аскалон, откуда выступили четыре экспедиции египтян, пал лишь очень поздно, в 1153 г., благодаря блокаде, возможность для которой дали три специально построенных замка. Хронисты и историки того времени объясняют, что это была умело согласованная стратегия, и несколько раз упоминают советы баронов, обсуждавшие, как надежней окружить крепость. Рыцари обеспечивали охрану временных лагерей и защищали обозы; паломники текущего года, поклонившись Гробу Господню, сразу шли помогать каменщикам. Каждую дорогу перекрывало какое-либо укрепление: Ибелен на севере, на берегу моря, Жибелен на востоке и Бланш-Гард на северо-востоке. Южней, на пустынной дороге в Египет, франки отстроили и укрепили стены старинного города Газы.

Впоследствии замки, которых становилось все больше, воздвигались не затем, чтобы защищать границы, слишком нечеткие, а чтобы охранять дороги. Прежде всего те дороги, по которым шли паломники. С января 1100 г. Готфрид Бульонский привлекал последних, так же как экипажи генуэзских и пизанских кораблей, к работам по укреплению Яффы. За несколько недель, работая в условиях почти постоянной угрозы со стороны противника, они сделали из Яффы крепость, способную выдерживать любое нападение с суши и с моря. Под защитой внешних стен построили склады, мастерскую по конопачению и ремонту судов и приют для паломников. Чтобы охранять их от турок или от разбойников, на северной дороге, называемой дорогой Монжуа, построили сначала простую укрепленную башню (Парва Маоме-

рия), потом замок Эрнан (Hernant), служивший приютом, и, наконец, укрепленный собор в Лидде. На южной дороге находились два замка, отстоявшие недалеко друг от друга (Бельвуар и Бельмон), а также монастырь, обнесенный высокими стенами (Аквабелла), и Торон-де-Шевалье на месте бывшей крепости Латрун¹.

Пограничные укрепления в 1100–1130-е гг. возвели только государи Антиохии, за недолгое время создавшие три линии замков: на востоке, на границах с землями эмира Алеппо, их образовали Сере (Ceret), Сардон (Sardone) и Харим; вдоль Оронта, на правом берегу, — Арцикан (Arcican) и крупный укрепленный город Апа-мея. На другом берегу дальние подступы к княжеству охраняли три меньших укрепления и, еще южнее, внушительный Саон.

В Иерусалиме как таковой колонизации, управление и контроль за жителями обеспечивали крупные укрепленные бурги, хорошо защищенные монастыри и замки, каждый из которых был важным центром заселения, а в некоторых округах и единственным местом, которым христиане по-настоящему владели. В 1100 г. король совершил рискованный поход за Мертвое море, и, чтобы сделать эти области мирными, христиане воздвигли сначала два солидных замка: Монреаль в 1115 г. и Крак (именуется также Крак-де-Моав), а потом еще пять, выстроившихся вдоль караванной тропы, в том числе Тафилею, Хурмуз и Во-Муаз.

¹ Однако в Рамле, первом центре колонизации, работы, начатые слишком поздно, завершились недостаточно быстро: 17 мая 1102 г., когда рыцари, преследуемые египтянами, искали здесь убежища, они нашли только одну недостроенную башню; всех бойцов убили на месте или продали в рабство в дальние края.

Многие крепости из числа наиболее впечатляющих были построены рыцарскими орденами или позже приобретены ими. Крак-де-Шевалье, курдский замок, завоеванный в 1110 г. Танкредом Готвильским, позже стал держанием вассала графа Триполитанского, а в 1142 г. его передали госпитальерам. Замок Маркаб, менее известный, но не менее важный, сначала был владением знатного семейства из Антиохии — Мансёров, а потом тоже отошел ордену госпитальеров. Тамплиеры держали замок Сафед к северу от Тивериадского озера, столь же внушительный. Эти замки, по существу укрепленные монастыри, были также административными центрами, резиденциями органов управления и прежде всего местами расположения войск. Гарнизон Крака-де-Шевалье нередко насчитывал две тысячи человек, а Сафед — 2200.

Хронисты обычно очень скупо говорят о сторонней помощи, которая, из года в год увеличиваясь, позволяла этим людям, по ходу своих завоеваний словно угодившим в ловушку, стойко держаться против двух вражеских империй, отныне упорно копавших яму сами себе. Жители, по преимуществу христиане, и их эмиры-арабы с трудом терпели турок, которые, не умея установить мир на рынках, погрузили Южную Сирию и Палестину едва ли не в анархию. Попасть под власть египтян, мусульман, но шиитов, значило бы потерять всякое подобие независимости и стать не более чем бедной провинцией большой империи. Еще на всем пути франков правители городов предпочитали не запереть ворота и выдерживать долгую осаду, а платить за уход франкской армии сравнительно скромную дань и заверять военачальников, не столь опасных, потому что пришедших издалека, что станут их союзниками,

если те обоснуются в Иерусалиме как победители. Первые успехи принесли и новых сторонников. В 1099 г. благодаря большой победе при Аскалоне люди Готфрида Бульонского, которых взятие Иерусалима, наполовину обескровленного городка, далекого от больших караванных путей, обогатило мало, взяли большую военную казну. «Они предали огню огромное количество палаток, копий, разбросанных на полях, луков и стрел, которых не могли доставить в Святой город, и радостно вернулись в Иерусалим, который язычники надменно грозились разрушить»¹. Теперь они могли меньше требовать от своих вассалов и, вместо того чтобы рыскать в поисках добычи и обирать города и деревни, предпочитали сохранять мир, помогали восстанавливать разрушенное и брали на свой кошт многочисленных воинов.

Историю первой колонизации и заселения Святой земли не написал никто, потому что источников слишком мало. Хронисты и историки даже утверждают, что сотни или десятки тысяч бедных паломников, сопровождавших баронских рыцарей и пехотинцев, почтив святыни, сразу вернулись на родину. По земле или по морю и за какие деньги? Можно ли представить, чтобы для таких толп нашлось место даже на больших судах — во времена, когда морского сообщения еще почти не было? И не все бедняки бросались в новые авантюры: многие рассеялись по окрестностям, оседая на земле, чтобы возделывать ее, развивать источники, внедрять новые сельскохозяйственные культуры. Другие нанялись участвовать в перевозках или в оборонительных работах.

¹ *Guillaume de Tyr. Op. cit. P. 32.*

Нередко ряды этих первопроходцев росли, когда приходили суда, из года в год привозившие новых пионеров.

НОВАЯ ВОЛНА И ПЕРВЫЕ ПОРАЖЕНИЯ

На соборе, созванном в Ансе, в области Лиона, папа произнес долгую речь, призвав к новым походам. То же он сделал в Бордо, а потом в Пуатье и пригрозил отлучением тем, кто в 1096–1097 гг. принял крест, но остался дома. Священники бичевали с амвона уклонистов и дезертиров, покинувших своих вождей в Италии или Северной Сирии. Знатные дамы, которых начинали стонать и на которых соседки показывали пальцем, изводили мужей, добиваясь, чтобы те вернулись в Святую землю. Так случилось со Стефаном Блуаским, который покинул осаждавших Антиохию, позорно ударившись в бегство. В свою очередь пришлось идти и Гильому IX Аквитанскому, который в 1096 г. не откликнулся на призыв папы.

В начале сентября 1101 г. множество сеньоров во главе с графом Гвибертом Пармским, Уго ди Монтебелло, Альберто да Бьяндрате и архиепископом Миланским торжественно приняли обеты; к этим баронам и их свите быстро присоединилась бесчисленная масса бедняков. Их переход через Австрию и Греческую империю был не более славным, чем поход бедняков Петра Пустытника и главарей немецких разбойников, о котором мы уже знаем. Плохой прием со стороны населения, которому тогда пришлось нелегко и которое это помнило, и нехватка провизии заставили их всю дорогу грабить зерно на ригах; они попытались силой ворваться в Константинополь, император же переправил их в Азию и добился, чтобы они разбили лагерь под Никомедией.

Туда с ними поехал Раймунд IV Тулузский, прибывший в Константинополь просить помощи и добившийся от императора выделения отряда в пятьсот всадников-туркополов. К ним там присоединилась большая армия, в состав которой, помимо Стефана Блуаского, искупавшего измену 1097 г., входили Эд Бургундский, епископы Парижа, Суассона и Лана, несколько знатных сеньоров и сотни рыцарей. Их тоже сопровождало множество бедняков — мужчин, женщин, детей, и проповедники-визионеры. Последние утверждали, что прежде всего надо освободить Боэмунда Тарентского, которого каппадокийские турки держали в плену на самом востоке Анатолии, в высоких горах недалеко от Трапезунда. Они настояли на своем, и обе армии двинулись на восток, все более отдаляясь от дороги на Иерусалим. 23 июня 1101 г. они взяли крепость Анкиру и, непонятно почему свернув северней, под Кастамоном столкнулись с турками, которые ждали их, выстроившись в правильном порядке, и перебили на месте тысячи пеших. Выжившие не попытались добраться до побережья, где их могли бы подобрать греческие корабли: растерявшись, двигаясь наугад, они по-прежнему пошли на восток; турки их постоянно тревожили, не принимая ближнего боя, а под Амасьей атаковали, рассеяли и перебили либо захватили в плен, обрекая на рабство. Некоторые обвиняли ломбардцев в том, что те якобы уклонились от боя, но, похоже, Раймунд IV Тулузский, укрывшийся в долине, защищенной каменным завалом, первым подал сигнал к бегству. По пути в Иерусалим, в порту Святого Симеона под Антиохией, Раймунд был схвачен одним из приближенных — Бернаром Иноземцем, сеньором фьефа Лонгинаш в Киликии, и выдан Танкреду Готвильскому.

Он стал узником замка Сервантикар к юго-западу от Аназарба, и освободили его только благодаря ходатайству латинского патриарха Антиохии.

Всего через несколько недель та же участь постигла еще две армии. С Гильомом II, графом Неверским, шли одни только воины, но они тоже направились на восток и после Анкиры, свернув наконец на юг, на дорогу к Иерусалиму, так страдали от зноя и жажды в районе соленого озера, что подошли к Иконию совершенно измотанными. В конце августа 1101 г. под Ираклией они были окружены турками: после бойни уцелели очень немногие: кого не убили, тот бежал, многих поймали и обратили в рабство. Гильом IX Аквитанский, Гуго де Вермандуа, Гуго де Лузиньян и Жоффруа, виконт Туара, к которым в Германии присоединились Вельф IV Баварский и Ида, графиня Австрийская, более пяти недель оставались под стенами Константинополя (июнь 1101 г.). Атакованные 5 сентября под Ираклией, они тоже были окружены и понесли большие потери. Только Гильом Аквитанский и Вельф Баварский были приняты в Антиохии Танкредом Готвильским, а через некоторое время, в феврале 1102 г., продолжили путь в Иерусалим, куда дошли к Пасхе.

Вести об этих поражениях, о первых проигранных боях на Востоке, вызвали на Западе много шума: и церковь, и монархи свою задачу выполнили, и их голоса были услышаны, но из тысяч людей, которые собрались в поход, до Иерусалима добралось только несколько десятков рыцарей, бежавших с поля боя. Говорили о ссорах между вождями, а прежде всего обвиняли императора Алексея I Комнина и его чиновников, якобы намеренно оставивших латинян без помощи и проводников или во-

обще выдавших их туркам. Гвиберт Ножанский, который не был на Востоке и начал писать только через три года, в 1104 г., целиком выдумал письмо императора эмиру с предупреждением о приближении франков: «К вам идут самые жирные овцы Французского королевства, которых ведет пастух, наделенный невеликой мудростью»¹. Матфей Эдесский, больше заслуживающий доверия, в своей хронике, начатой с 963 г., тоже обвиняет Алексея в том, что тот дал указание две недели вести войско Гильома Аквитанского по пустыням, где нет ни одного источника и взгляду не открывается ничего, кроме бесплодной земли и суровых горных склонов². Было ли это легендой в чистом виде или попыткой отвлечь внимание от того факта, что все три экспедиции отклонились от пути, намереваясь оказать помощь не Балдуину I, а норманнам Антиохии и Эдессы? Пойти снова по суше рискнули только почти через полвека — германский император Конрад III и французский король Людовик VII.

Латино-Иерусалимское королевство выжило только благодаря помощи, поступавшей по морю: тем, кто приезжал этим путем, не приходилось выдерживать испытания сухопутных дорог и принимать бой с турками или даже, на равных, с египтянами. Главное, что очень регулярно появлялись все новые паломники, прежде всего обеспечивая заселение территории; важное значение имели и вооруженные операции пиратов и северян, за счет которых в королевство поступали бойцы, охранялись морские границы и существенно ослаблялись силы

¹ *Guibert de Nogent. Autobiographie. Op. cit. P. 294.*

² Он якобы также советовал примешивать к хлебу известь... *Matthieu d'Edesse. Op. cit. P. 59.*

противников. И, наконец, помощь оказывали итальянцы, тоже сражавшиеся на стороне франков и прочно обосновавшиеся в прибрежных городах, обеспечивая регулярные перевозки и основывая колонии — зародыши будущих колониальных империй.

Еще в сентябре 1097 г. Балдуин Булонский, заодно пытаясь помешать Танкреду Готвильскому завоевывать города и замки в области Тарса, пригласил флот паломников из Фландрии, Гелдерна и Фризии под командованием Гинемера Булонского, «господина и предводителя пиратов», который восемь лет как покинул Фландрию и с тех пор грабил и обирал побережья Испании, Северной Африки и Греции. Тот дал ему триста человек для обороны Тарса. Вскоре Гинемер захватил Лаодикею, которую защищал греческий стратиг, губернатор Кипра Евмафий Филокал, и принес оммаж Раймунду IV Тулузскому. Императорский флот под командованием двух пиратов, Эдгара Этелинга и Роберта Годвинсона, при содействии варягов из гарнизона Баффы (Пафоса) рассеял корабли Гинемера, а последний был взят в плен. Боэмунд добился его освобождения и направился к побережью Палестины с грузом продовольствия для христиан, взятым на Кипре, тогда как английские корсары повели своих людей осаждать Бейрут.

Прибывавшие из северных стран пираты, корсары или знатные воины, которые командовали эскадрами из нескольких кораблей, начиная с 1097–1097 гг. годами оказывали большую помощь латинянам. Их экспедиции, в которых не участвовал ни один княжеский приближенный или духовник, упоминаются в хрониках лишь бегло; греки жаловались на набеги и грабежи тех, кого они называли «норманнскими» пиратами. Но известно, что

в августе 1098 г. суда, пришедшие из «земель на Рейне», бросили якоря и высадили воинов для помощи франкам в осаде Антиохии. Через несколько лет одна бременская хроника сообщает о кораблях, поднявших якорь, чтобы идти за добычей к побережьям Греции и Сирии¹.

Альберт Ахенский, описывая второй поход египтян из Аскалона в 1101 г., с восторгом сообщает о флоте в две-сти кораблей, бросившем якорь под Яффой. Он опознает прибывших плохо и, несомненно, не может этого сделать, но все-таки называет имена четырех вождей: Бернар Витраж из земель Галисии, англичанин Хардин, Отон и Хадеверк, «один из самых могущественных среди вестфальцев». Приблизившись на всех парусах и на веслах, при помощи попутного ветра, они без труда оттеснили корабли египтян, а «их люди, немедленно высадившись, отправились на равнину, чтобы поставить шатры напротив вражеских»². Тот же свидетель пишет о другом флоте, который в 1106 г., накануне последней большой атаки Фатимидов, якобы доставил несколько тысяч вооруженных паломников — англичан и жителей Фландрии³.

Эрик Добрый, король Дании, приехал как паломник в Иерусалим в 1098 г., когда франки стояли под Антиохией. В 1102 г. он вернулся уже в обществе королевы Ботильды, многочисленных приближенных и доброй сотни воинов. Путем, каким издавна ходили варяги, Эрик и его люди достигли Константинополя, где импе-

¹ Анна Комнина. Алексиада, цит. соч. — *Guillaume de Tyr. Op. cit.* P. 130.

² *Albert d'Aix. Op. cit.* P. 49.

³ *Ibid.* P. 100–101.

ратор принял их как союзников и подарил им крупную сумму в золотых монетах, достаточную, чтобы оснастить на императорских верфях Вуколеона четырнадцать больших судов для коней и войска. Король умер от лихорадки в июле 1103 г. на острове Кипр, в Баффе, где был варяжский гарнизон, но его люди продолжили путь, высадились в Яффе и четыре года сражались вместе с франками¹. Король Сигурду Норвежскому понадобилось почти четыре года, чтобы оснастить огромный флот. Королевский флот силой в шестьдесят больших кораблей, везший десять тысяч конных и пеших воинов, если верить сагам, покинул Берген осенью 1107 г. и зимовал в Лондоне, а потом в Галисии. Оттуда в апреле 1109 г. король и его воины прибыли на помощь христианам Португалии, с ходу захватили крепость Алгарви, потом совершили набег на владения пиратов Балеарских островов, оставив только руины от арсеналов и портов Ибицы, Минорки и Майорки. Хорошо принятые в Неаполе и Амальфи, они надолго задержались там, чтобы восстановить силы. Подойдя наконец в августе 1110 г. к берегам Палестины, норвежцы при помощи других кораблей, пришедших из Антверпена и Фризии, нанесли тяжелое поражение египетскому флоту, который осаждал Бейрут, блокировал порт Акру и грозил захватить суда паломников².

Первый норвежский флот вел не король. Построенный и оснащенный одним из самых могущественных

¹ Королева, скончавшаяся в Иерусалиме, была похоронена в церкви Богоматери в долине Иосафата.

² *Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Paris: impr. de A. Lainé et J. Havard, 1865. P. 160.*

кланов знати, Арнунгене из Йиске, зимой 1102–1103 г., он насчитывал пять больших кораблей и взял на борт всех вассалов и «верных» рода. Отчалив в августе 1102 г., они перезимовали во Фландрии, летом 1103 г. бросили якоря в Остии, несколько недель провели в Риме как паломники и в конце сентября высадились в Яффе. Неизвестно, большую ли помощь оказали они королю Балдуину Булонскому: некоторые нанялись в Константинополе в императорскую армию, но большинство воинов отправилось на тех же судах обратно в Норвегию, куда они, не мешкая в пути, прибыли в первые дни долгой зимы.

ИТАЛЬЯНЦЫ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Когда генуэзцы высадились в порту Антиохии, чтобы оказать помощь франкам, они лишь продолжили давнюю борьбу, какую более века вели с мусульманами, сначала обороняясь от пиратов, а потом в качестве поборников христианства отвоевывая острова и побережье Средиземного моря. Еще в 934 г. флот из двухсот кораблей, снаряженный на Сицилии, привез к Генуе сарацин, которые ворвались в город, захватили всё, что могли унести, и взяли более тысячи пленных. В следующем году, а также в 936 г. они совершили новые набеги и на этот раз брали только женщин и мальчиков, убивая мужчин. После этого город окружил себя мощными стенами — не затем, чтобы отражать набеги варваров из-за Альп, как ранее делали другие итальянские города, а чтобы защищаться от африканских пиратов. Жители этого города, прежде занимавшиеся лишь скромным каботажом вдоль лигурийского побережья, учились дальнему плаванию и морской войне на опыте сражений с мусульманскими

флотами и нападений на мусульманские базы — Махдию в Африке в 1087 г., Валенсию в 1092 г. и Тортосу в 1093 г. Город очень быстро и сознательно принял сторону Урбана II против антипапы Климента III, которого назначил император. Проповеди епископа Ариальдо Гураки и его клириков призывали генуэзцев выступать против неверных с оружием в руках. Первый флот численностью всего в двенадцать больших галер был оснащен несколькими знатными нобилями города, собравшими вассалов и клиентов, исключительно «весьма храбрых воинов»; он поднял якоря в июле 1098 г., развернув флаги этих военачальников¹.

В 1099 г. эти знатные генуэзцы, которым грозила эскадра тяжелых египетских кораблей, разобрали свои суда и полученную таким образом древесину доставили в Иерусалим, где велели своим плотникам построить осадные машины, нанешие ущерб городским стенам. Там покрыли себя славой три брата Эмбриако, самыми первыми в армии получившие лен от Готфрида Бульонского. Они стали сеньорами Джебайла, портового города, и оставались таковыми в течение нескольких поколений. В следующем году из Генуи пришло еще

¹ Об этом походе рассказал Каффаро, автор «Генуэзских анналов» [*Annales lanuenses*], начатых им в 1099 г., который позже шесть раз был консулом города, а также послом на Латеранском соборе и при Фридрихе Барбароссе. В августе 1100 г. он находился на корабле генуэзского флота, участвовавшего в осаде Кесарии, а в Геную вернулся только в октябре 1101 г., после четырнадцати месяцев отлучки. Он был также автором «Книги об освобождении городов Востока» [*Liber de liberatione civitatum orientis*], написанной только в 1140 г., и историографом христианской реконкисты в Тирренском море. См. *Caffaro. Liber de liberatione... // Atti della Società Ligure di Storia Patria*. I (1859). P. 102.

два флота: один вез паломников, и на нем прибыл папский легат Маврикий, епископ Порто, второй состоял из восьми галер, которые под командованием нобилей захватили Тортосу. Без этих военно-морских сил «провансальцы» не смогли бы взять Триполи: хоть в апреле 1104 г. огромный генуэзский флот из сорока боевых галер потерпел поражение, но в следующем году Бертран, старший сын Раймунда IV Тулузского, во главе группы рыцарей отправился в Константинополь на переговоры об оснащении еще шестидесяти галер¹.

Эти итальянцы, знатные воины, очень помогли франкам в осадах крепостей, потому что привозили с собой мастеров-плотников, умевших за недолгое время возводить большие осадные машины, которые под Антиохией и Иерусалимом не только наносили удары по стенам, валя целые куртины, но и бросали вовнутрь огромные каменные глыбы, чтобы устрашать жителей. Так было под Антиохией, Кесарией и Джебайлом, тем более под Акрой, где эти машины обеспечили христианам господство над морем и отогнали египетский флот, «когда прежде всего был освобожден морской путь, на коем наши люди получили лучший порт, какой был на этом берегу, а их враги были изгнаны с этого места»².

Но в Акре, став хозяевами города, они начали всю грабить и убивать, к великой ярости короля Балдуи-

¹ Ibid. P. 22.

² *Guillaume de Tyr. L'Estoire de Eracles, empereur, et la conquete de la terre d'Outre-mer*. Paris: Impr. royale, 1844. P. 443. — *Richard J. Les bases maritimes des Fatimides, leurs corsaires et l'occupation franque en Syrie // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras* / U. Vermeulen and D. De Smet, eds. Leuven: Uitgeverij Peeters, 1995–1998. 2 vol. Vol. 2. 1998. P. 115–130.

на I Иерусалимского и его рыцарей, которые при всех завоеваниях старались привлекать население на свою сторону и защищать его. Они едва не напали на лагерь итальянцев. По существу, итальянцы, которые были скорей авантюристами и купцами, ищущими барышей, понастоящему не способствовали колонизации и не оказали ей большой поддержки, быстро поняв, что Святая земля с рыночной точки зрения мало что им даст. Некоторые семейства, в Джебайле — генуэзские, в Тире — венецианские, поселились там по-хозяйски, а колония Св. Иоанна Акрского образовала, конечно, внутри Акры свой отдельный городок. Но в основном итальянцы уже устремились в другие места, где и развернули активную деятельность: теперь они закладывали первые фабрики, которым предстояло служить портами захода, первыми базами их колониальной империи, на островах и побережье Пелопоннеса. И вместо того чтобы помогать латинянам консолидировать завоеванные территории и укреплять власть, генуэзцы, венецианцы и пизанцы воевали меж собой: в марте 1100 г. венецианский флот из тридцати кораблей, возвращаясь с Родоса, вступил в бой с пизанцами, которые потеряли два десятка судов, много людей убитыми и несколько тысяч — пленными. Венецианский командующий отказался выдавать их императору Алексею I Комнину, затребовавшему их, чтобы поступить с ними как с мятежниками, но по возвращении в Италию взял за них большие выкупы.

ВТОРОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Всё менее многочисленные суда высаживали в Яффе лишь немногих паломников, не привлекавших внимание хронистов. С другой стороны, очень похоже, что по-

сле невзгод, какие претерпели экспедиции 1096–1097 гг., из Европы в Иерусалим по суше ходили лишь маленькие группы, умевшие вести себя незаметно, скромно, не проявляя ни малейшего высокомерия, с туго набитыми кошельками, обеспечивавшими им беспрепятственное снабжение на всем пути. Поход, предпринятый в 1147 г. императором Конрадом III и французским королем Людовиком VII, мы называем «вторым крестовым походом», как будто двадцать пять лет не происходило ничего и франки Святой земли жили в другом мире, оставаясь совершенно чуждыми для западных христиан. На самом деле эту акцию нельзя считать ни продолжением, ни повторением акции 1096–1097 гг., но название «крестовый поход», применяемое к той и другой, заставляет забывать, что объявленные цели были неодинаковыми, что готовился «второй крестовый поход» долго и с самого начала без энтузиазма и что в конечном счете эта операция полностью провалилась.

1 декабря 1145 г., через несколько месяцев после своего избрания, папа Евгений III призвал европейцев взяться за оружие, чтобы прийти на помощь латинянам Востока, — не как Урбан II в Клермоне, во время собора, перед огромной толпой, а в тексте буллы, которая, похоже, получила очень слабый отклик. Он не поехал проповедовать из города в город или из аббатства в аббатство, а оставался в Италии, чаще всего в Витербо, вдали от римского народа, который поддерживал антипапу, а его бы наверняка прогнал. Избранный в Пизе, когда еще не был кардиналом, он не мог добиться от западной церкви, чтобы она считала его бесспорным главой церкви, и это из-за его шаткого положения, если вдуматься, «крестовый поход» священники проповедова-

ли лишь в отдельных местах, как, впрочем, и в 1095 г. Главное: он не говорил ни о Иерусалиме, ни о Гробе Господнем, ни о защите паломников, а лишь о том, чтобы вернуть Эдесское графство, которое в 1144 г. захватил Зенги, атабек Алеппо. Это значило ввязаться в авантюру, опасности которой мог оценить каждый: речь шла не о том, чтобы оказать помощь латинскому государству на Святой земле, а о том, чтобы спасти «норманнское» княжество, задействовав все силы латинского Иерусалимского королевства с риском ослабить и погубить его.

Людовик VII, сидевший на троне с 1137 г., откликнулся одним из первых — говорили, что он хочет замолить в Иерусалиме свои грехи, прежде всего сожжение трех сотен человек, искавших в церкви Витри убежища от штурмовавших город воинов короля. Но когда он очень скоро, на Рождество, пригласил своих вассалов в Бурж, довольно многие не прибыли на его зов, а те, кто явился, не выказали особого энтузиазма. Все разошлись, но не была назначена ни дата сбора, ни военачальники, чтобы сопровождать короля. Во всем королевстве князья и сеньоры, от Нормандии до графства Тулузского, помнили о злоключениях 1100-х гг., когда три больших похода закончились провалом — до Иерусалима и близко не дошли и потеряли тысячи человек.

В Германской империи император Конрад III, свояк Мануила I Комнина¹, мог рассчитывать на своих швабских вассалов, верных его династии, но графы и рыцари северных областей, прежде всего Саксонии, ясно дали

¹ Он был женат вторым браком на Гертруде фон Зульцбах, сестра которой Берта была женой Мануила Комнина.

ему понять, что охотней сразятся с язычниками на восточных границах. Они собрались во Франкфурте в марте 1147 г., их замысел был одобрен папой, который через месяц в тексте почти такой же буллы, как булла 1145 г., заявил: те, кто возьмет крест для борьбы с вендами, тоже будут рыцарями Христа, а их близкие и имущество будут взяты под охрану церкви. К ним присоединилось много датчан и поляков. Все эти рыцари и воины в походе на Ближний Восток участия не приняли.

Если верить рассказам того времени, а тем паче истории, которую написали позже и преподают поныне, «второй крестовый поход», несомненно, остался бы благим намерением, если бы не рвение и упорство Бернарда Клервоского, который в марте 1146 г. в Везеле, а в конце того же года в Шпейере сумел убедить соответственно короля и императора. Это, как всегда, сильное упрощение, но нельзя отрицать, что проповеди белого духовенства были куда более редкими и хуже согласованными, чем проповеди монахов. В империи, особенно в долине Рейна, появились, как и в 1095–1096 г., самозванные проповедники, возбуждавшие толпы выступить против всех, кого они объявляли врагами Христа. Они обвиняли еврейских ростовщиков и добрых купцов в том, что те эксплуатируют людей, принимающих крест, и даже в том, что не дают денег на поход в Святую землю. В хронике описан некий Рудольф, называвший себя священником или монахом, а на деле, скорей всего, самозванец, который призывал убивать «нечистых» людей. Фактически снова, несмотря на все старания архиепископов Кёльнского и Майнцского смирить страсти и защитить тех, кого они могли защитить, толпы черни начали грабежи и убийства в городах.

Немцы пошли дорогой, проторенной Готфридом Бульонским. У французов вопрос выбора дороги вызвал бурные споры, а впоследствии — упреки и раздор. Некоторые хотели отправиться морем, уверяя, что так встретят меньше препятствий, подвергнутся меньшим опасностям и — что, возможно, было важно для некоторых, — при этом за ними заведомо не смогут последовать толпы бедняков. Никто из них не предложил обратиться к северным итальянцам, которые могли бы построить и оснастить достаточное количество больших судов.

Иметь дело хотели только с сицилийцами. В этом выборе, если отвлечься от соображений политики и поиска союзов, не было никакого смысла. Предстояло идти далеко на юг, пересечь Альпы с отрядом, отягощенным тяжелым обозом, следовать дальше до Апулии и выдержать опасности долгого морского перехода до киликийских берегов. Это стоило дороже и, если вдуматься, влекло больше риска. Но те, кто отстаивал этот план, громогласно утверждали: его преимущество состоит в том, что не придется иметь никаких дел с греками. Не надо будет идти ни по какой из их дорог. Не потребуются идти в Константинополь, чтобы унижаться перед греческим императором, и армия не попадет в зависимость от проводников, которые в Анатолии изменят и выдадут бойцов противнику. Рожер II, коронованный в качестве короля Сицилии на Рождество 1130 г. антипапой Анаклетом, в 1139 г. добился признания от Иннокентия II и за несколько лет укрепил за собой репутацию поборника христианства в Средиземноморье. Его знатные воины ежегодно устраивали набеги на базы мусульманских пиратов на побережье Африки — Махдию, Джербу

и Джиджелли (близ Бужи). В 1145 г. его адмирал Георгий Антиохийский взял Триполи¹ и оставил там гарнизон, следивший за выплатой дани. Итальянские норманны, достигшие вершины могущества и новой славы, достойные наследники главарей ватаг времен Роберта Гвискарда, переправились через Адриатическое море, захватили остров Корфу и сеяли ужас на всех побережьях Греческой империи.

На самом деле некоторые из приближенных короля, хорошо зная соотношение сил, понимали, что в схватках за возвращение и сохранение Антиохийского и Эдесского графств армии придется столкнуться с греками, стратеги которых будут готовы к бою. Несколько лет назад, в 1142 г., Иоанн II Комнин добивался от Раймунда де Пуатье и Жослена II, графа Эдессы, передачи ему Антиохии, и только смерть императора в апреле 1143 г. положила конец его посягательствам на город. На каждом собрании, какое проводил французский король, присланный армиями епископ Тарса и многие советники Людовика VII во главе с Жоффруа де ла Рош-Ванно, епископом Лангрским, возвышали голос, напоминая, что Иоанн Комнин изгнал франков из крепости Мамистра, из многих замков и с обширных территорий на морском побережье, а также удалил католических епископов, заменив их еретиками. Вместо того чтобы побуждать христиан изгнать язычников подальше, он вступил в союз с последними ради истребления франков. Бог, справедливый мститель, пожелал, чтобы Иоанн Комнин сам ранил себя отравленной стрелой и тем самым завершил свою

¹ Имеется в виду Триполи в Северной Африке, а не в Ливане (Прим. пер.).

недостойную жизнь. Но его преемник Мануил I Комнин оказался не лучше и везде, где может, поддерживает своего патриарха и священников против священников римских. Самые решительные считали, что поход на Восток должен быть в той же мере войной с греками, как и с язычниками. Это должен быть тот самый бой с ересью, какой в совсем недавнем прошлом, всего за несколько лет до призыва папы идти на Восток, проповедовали Бернард Клервоский и цистерцианцы, яростно обличая манихеев, которыми они называли также богомилов, павликиан или катаров. Не сбавляя темпа, Бернард в 1140 г. на соборе в Сансе добился обвинения в ереси Абеяра и Арнольда Брешианского, а через пять лет, весной 1145 г., отправился читать проповеди против еретиков в Лангедок.

Все видели в греках людей, чуждых римской церкви, столь же преступных, как и другие иноверцы, и ничто не мешало их обвинять: «Мы узнали, что они совершают преступление, достойное смертной казни, а именно: вступая в брак с кем-либо из наших, они крестят заново того, кто был окрещен по римскому обряду. Знали мы и о других их ересьях, связанных со служением мессы, и об их мнении о том, от кого исходит Святой Дух»¹.

Король, который, конечно же, предупредил императора Мануила Комнина о своем намерении идти на Восток сражаться с неверными, отправил посольство также к королю Сицилии, который, не заставив себя упрашивать, пообещал ему корабли и провизию для перепра-

¹ *Odon de Deuil. La Croisade de Louis VII roi de France / publ. par H. Waquet. Paris: P. Geuthner, 1949. P. 60.*

вы через Адриатическое море и, более того, заверил, что и его сын будет сопровождать Людовика в дороге по Балканам. Но в Этампе, где Людовик VII созвал тех, кто должен был следовать за ним и присутствовать на советах, обвинители греков в коварстве не смогли его убедить, и было решено идти исключительно по суше, через Германию и Венгрию. Однако с первых же дней, после переправы через Рейн, продукты стали настолько дорогими из-за многочисленности покупателей, что многие паломники отделились от общей массы, чтобы направиться на Юг и пересечь Альпы.

Армии короля и германского императора выступили в путь только в 1147 г., через два года после призыва папы. Войска этих монархов были, возможно, менее многочисленными, чем те, какие в 1096 г. собрали бароны, но их выставленные напоказ оружие, украшения и богатства производили более сильное впечатление. Вместе с Конрадом отправились его племянник Фридрих (будущий Барбаросса) и единоутробный брат епископ Оттон Фрейзингенский, папский легат, герцоги Австрийский и Швабский, маркграф Баденский, несколько епископов и один из итальянских крупных вассалов, маркграф Вильгельм Монферратский. У французов свиту короля, которого сопровождали также брат Роберт де Дрё и молодая жена Алиенора Аквитанская, составляли граф Генрих Шампанский, Альфонс-Иордан Тулузский — сын Раймунда IV, граф Тьерри Фландрский, Гуго де Лузиньян и Амедей Савойский. Это была не просто большая армия — это был королевский двор на марше: за монархами следовали приближенные, жены, дети и племянники, вассалы, советники и дворня. Один из тех писавших намного поз-

же историков, которые не побоялись несколько отстраниться от событий и выразить неодобрение, приводит список знатных дам и показывает, сколь большое значение они придавали своему багажу и туалетам, причем многие из них, и Алиенора первая, взяли с собой своих трубадуров. Об этом сообщили папе, он попытался отреагировать, и по нескольким его запретам и предостережениям видно, как мало в подготовке к этому походу проявлялось энтузиазма и религиозного порыва, характерных для времен Готфрида Бульонского и Раймунда IV Тулузского: рыцарям запретили брать в поход собак и соколов, а главное — был составлен очень подробный список оружия и одежды, которые должен взять каждый. В самом деле, время баронов Первого крестового похода, которых обязательно сопровождали духовные лица, духовники, проповедовавшие по вечерам в лагере и оставившие рассказы, где служение Богу и освобождение Иерусалима трактовались как выполнение торжественных обетов, — ушло в прошлое. От авантюры 1147 г., обреченной на провал, остался рассказ одного-единственного очевидца, Одона (или Эда) Дейльского¹, близкого к Сугерию, аббату Сен-Дени, и в течение всего похода выполнявшего обязанности королевского духовника. Он взялся за перо в июне 1148 г., перед штурмом Дамаска. Его адресованный Сугерию текст «О странствовании Людовика VII на Восток» [*De profectione Ludovici VII in Orientem*], который в XIX в. почему-то называли «Историей крестового похода Людовика VII», — не более чем составная часть

¹ Одон Дейльский, монах в Сен-Дени, родился в Дёйе, в долине Монморанси.

«Жизнеописания Людовика VII», подготовленного монахами Сен-Дени. Одон нечасто задерживается на описаниях страданий и боев, но, не слишком желая этого сам, показывает, как неохотно этот странствующий королевский двор уступал требованиям, которым должен был соответствовать настоящий военный отряд. На восточном берегу Рейна бедняки во время драки устроили в лагере пожар, что, — пишет наш хронист, — «было гибельным для некоторых из наших, а именно для богатых купцов и менял». И далее: чтобы попасть в Азию, «мы переплыли море, а близко за нами следовали суда с продуктами питания и менялами, которые на берегу разложили свои сокровища; их столы блестели от золота и были украшены серебряными сосудами, которые они купили у наших». В Константинополе он удивляется хорошему снабжению рынков, но ничего не пишет о ценах на зерно и вино: «Мы покупали рубашку менее чем за два денье, а тридцать рубашек за три су»¹.

Королевская армия, отягощенная обозом, из-за постоянной сутолоки приобретала жалкий вид: «Поскольку очень многие повозки были запряжены четырьмя лошадьми, то, если одна наталкивалась на препятствие, останавливались и все остальные; если же перед ними было несколько путей, они иногда таким же образом закупоривали их все, и тогда погонщикам, чтобы выйти из затруднения, очень часто приходилось подвергать себя большой опасности. Поэтому много лошадей пало, а многие люди жаловались на медлительность продвижения».

¹ Рубашки явно его очень занимали: несколькими строками ниже он горько жалуется, что в трех днях пути от города «рубашка стоила пять или шесть денье».

Однако этот поход на Восток вместе с тем был большим народным паломничеством; как и в 1096 г., князья и сеньоры принимали, защищали и по возможности кормили великое множество простых людей, неспособных сражаться. Чаще всего хронисты довольствуются словами «масса» или «толпа», а если осмеливаются приводить цифры, всегда считают на сотни тысяч; очевидно, что доверять этому не стоит¹. Но Одон Дейльский — конечно, очень часто оставляющий современного историка недовольным, — записал подсчет, сделанный греками, когда немцы пересекали Босфор; подобного указания нигде в другом месте и применительно к другим «крестовым походам» не найдено. Немецких паломников было ровно 9566, но с учетом того, что многих пеших они по пути потеряли, вышло в поход их гораздо больше. Поиск продуктов питания за приемлемое время и приемлемую цену не раз приводил к беспорядкам с тяжкими последствиями: «В Вормсе всё поступало к нам в изобилии по реке, но именно там мы впервые ощутили безрассудность своих людей: недовольные паломники бросили в реку лодочника, а потом подожгли дома». Всю дорогу паломники снабжали себя сами: «Немало людей шло сзади, и они добывали пищу либо на рынках, когда могли платить, либо путем грабежа, к которому прибегали охотней». В Греческой империи жители городов не открывали ворот и спускали то, что хотели продать, на веревках со стен: «Это занимало слишком много времени и не могло удовлетворить наших многочисленных паломников, которые, страдая от великой нужды среди

¹ Один анонимный автор дошел до 395 000, а Бар Эбрей (1226–1286), арабский и христианский врач и философ, и греки приводят цифры от 90 000 до 50 000.

изобилия, воровали и грабили, чтобы обеспечить себя необходимым». В Константинополе император вышел навстречу королю, и «все, кто там присутствовал, могли утверждать, что он питал к нему [королю] сильную любовь. Нельзя упрекать греков за то, что они запирали ворота перед толпой, ведь безумцы сожгли много их домов и оливковых рощ — либо из потребности в дровах, либо из безрассудства или в опьянении. Король велел отрубать виновным руки, ноги и уши, но этого было недостаточно, чтобы обуздать их яростное исступление, так что нужно было либо применить воинскую силу и убить тысячи человек, либо терпеть столь дурные поступки».

Еще хуже было то, что во время боев эта толпа паломников становилась тяжким бременем, губившим всю армию. Одон Дейльский, говоря по преимуществу о немцах, пишет, как в некоторые моменты масса простых людей, слабых и безоружных, часто плетущихся в хвосте, становилась роковой обузой для армии; так, в горах Тавра движение рыцарей, отступавших в правильном порядке, чтобы избежать засады и массовой гибели, дополнительно замедляли те, кто шел со всех сторон в поисках пищи и кого все больше ослабляли усталость и голод. Командующий, граф Каринтийский, постоянно поджидал уставших людей, поддерживал слабых; когда настала ночь, он сам остался в арьергарде. Позже, на дороге в Дамаск, христиане, хоть и были предельно бдительны, попали в засаду: «Рыцари, смело бросившись в атаку и врубившись в самую гущу турецких отрядов, мечами пробивали проход. Отягощенные панцирями, шлемами и щитами, они могли продвигаться лишь медленно, и их постоянно окружали враги, дополнительно затрудняя движение. Они бы легко отбились от врагов, но были вынуждены

медлить, чтобы не отрываться от пеших воинов, не допуская, чтобы ряды прорвали и чтобы враги получили возможность нарушить их строй. Они сострадали друг другу, христианский народ сплотила любовь, и казалось, что он действует как один человек. Рыцари проявляли величайшую заботу о пеших отрядах». Позже об этом писал историк, Вильгельм Тирский, но еще Одон Дейльский, внимательный очевидец, горько на это жаловался и видел в этом причину всех бед: «Когда Святой Отец запретил [рыцарям] везти с собой собак и соколов, он распорядился очень мудро. Дай Бог, чтобы он отдал подобные приказы и пешцам и чтобы, удерживая слабых, он дал сильным мужам вместо котомки меч, а лук вместо посоха! Ибо слабые и безоружные — всегда бремя для своих и легкая добыча для врагов».

Император Конрад III собрал своих людей в Регенсбурге, где приказал построить или оснастить большое количество тяжелых судов, и выступил в поход воистину по-императорски: на кораблях его сопровождало много рыцарей, а на суше — много коней и людей¹. В Греческой империи, где немцы, чтобы обезопасить себя от греков, всегда беспокойных и недоверчивых, шли вперед, как завоеватели, дерзко и не проявляя никакой осторожности, их пехотинцы, остававшиеся позади и часто пьяные, становились легкой добычей наемников-кочевников, болгар и печенегов, которые убили их столько, что трупы, остававшиеся непогребенными, наполнили смрадом всю

¹ Немцы высадились на берег реки в одном венгерском городке и дальше все шли по суше. Когда армия Людовика VII готовилась переправиться через Дунай, его люди увидели, что немцы оставили на берегах так много судов, что местные жители разбирали их для строительства домов и на дрова.

страну. Задолго до Адрианополя чиновники императора Мануила Комнина не хотели пускать их ближе к Константинополю, требуя, чтобы они прошли в Азию другой дорогой и через пролив Святого Георгия Сестосского: они говорили, что он ближе, более узкий и находится среди земель, где они найдут в изобилии съестные продукты¹. Конрад отказался и повел своих людей прямо под стены Константинополя, туда, где императоры построили несколько красивых дворцов, чтобы проводить лето. Немцы «грубо вторглись в эти райские места, разрушив почти все, что там было, и прямо на глазах у греков хватая все, что приглянулось. Так что оба императора, один — не желая выходить из своего города, другой — отказываясь входить в него, вели себя как враги, так и не встретившись, пока Конрад, получив-таки греческих проводников, не переправился через Босфор, после чего без боев и потерь достиг Никеи».

В октябре Конрад, уже испытывавший трудности с прокормом бедняков, с основной частью войск пошел к Иконию, а его брат Оттон Фрейзингенский — к Лаодикее. Об этой двойной азиатской кампании, в результате которой две больших императорских армии без настоящего боя были наголову разбиты и почти уничтожены, более чем сдержанно пишет сам Конрад² в письме абба-

¹ Пролив Святого Георгия Сестосского, ныне Дарданеллы, получил название по древнему городку Сестосу, располагавшемуся на европейском берегу напротив Абидоса. Там построили церковь, посвященную Св. Георгию.

² Письма воспроизведены [в английском переводе] на интернет-сайте deremilitari.org по изданию: *Translations and reprints from the original sources of European history*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1894–1955. Т. 1. 1894.

ту Корвейского монастыря. Он говорит только о бедняках как о столь тяжком бремени, что рыцарям, чтобы защитить их и по возможности спасти, пришлось оставить территорию и отступить с боем. Они спешно покинули Никею, направляясь к Иконию и следуя за проводниками, которые знали дорогу. Но через десять дней пищи начало не хватать, особенно для коней. Турки непрерывно нападали на толпу пеших воинов, не успевавших за армией. «Страдания этих людей, умиравших от голода и вражеских стрел, внушали нам такую жалость, что, посоветовавшись с нашими князьями и баронами, мы решили отдать приказ об отступлении к морю, чтобы восстановить наши силы, предпочитая сберечь то, что у нас оставалось, чем победить этих лучников в кровавых боях»¹. Вильгельм Тирский решительно обвиняет немцев в легкомыслии за то, что пошли наугад, не зная дороги, а еще более клеймит императора Мануила, якобы приказавшего проводникам завести их в глубь пустыни и отдать на милость туркам. Эта измена греков, уже упоминавшаяся в описаниях вспомогательного похода 1100 г., особо подчеркивается во всех рассказах. Проводники взяли провизии только на восемь дней, уверяя, что к тому времени будут в Иконии. Но на восьмой день никаких стен красивого города на горизонте не показалось, и люди по-прежнему шли по враждебной, почти необитаемой местности. Их еще три дня умышленно вели на север, а утром четвертого дня проводники исчезли, и все окрестные горы оказались покрыты бесчисленным множеством турок, воющих, как волки на добычу. «Тюрки же, встречая разрозненные силы осла-

¹ Ibid. Он нигде не говорит об измене греческих проводников.

бленных [франков], бродивших в поисках съестного, уничтожали их в большом количестве. Тюркские владения были до того полны франкским добром и серебром, что в Мелитене цена серебра и свинца была одинакова. [Тюркская] добыча доходила до Персии»¹. Отступление к Никее обошлось дороже, чем проигранное сражение. Турки, все более многочисленные, нападали со всех сторон: «Тевтонские рыцари, кони которых были изнурены голодом, а оружие стало для них слишком тяжелым, не могли атаковать. Каждый час дня и ночи тысячи людей падали, сраженные стрелами. В самого императора попало два дротика, и окружавшие его люди никак не могли его защитить. Те, кто больше не мог идти, бросали оружие и ждали мученической кончины» (Ж.-Ф. Мишо). И, продолжает Конрад в том же письме, «когда мы подошли к морю [на самом деле к Никейскому озеру] и разбили палатки, уже ни на что не надеясь, — к нашему великому облегчению, к нам пришел король Франции, которого мы не ждали. Он увидел нашу беду, и он, его князья и бароны сжалились над нашим несчастьем и дали нам всё продовольствие, какое могли, и крупные суммы денег».

Однако отряд короля Людовика шел быстро. Хронист, как и другие до него, не заботился о том, чтобы датировать каждый этап похода, но от Вормса до Регенсбурга и далее, до последних городов Венгрии, указывал, сколько дней занял переход от одного города к друго-

¹ Михаил Сириец, по изданию: *Yousif, Ephrem-Isa. Les Syriacques racontent les croisades*. Paris, Budapest, Torino: L'Harmattan, 2006. P. 149. [Цит. по изданию: Из хроники Михаила Сирийца (статья третья) // *Письменные памятники Востока*. 1982. С. 22.]

му¹. Этого достаточно, чтобы заметить, что ни заторы, создаваемые телегами, составлявшими обоз двора, ни бедняки, многие из которых по-прежнему тащились сзади, по-настоящему не замедляли движение рыцарей. «Наш король получил большое преимущество благодаря тому, что впереди него шел император, потому что мог переходить все реки этих стран, многочисленные, по совсем новым мостам, не испытывая необходимости работать и не производя никаких затрат». Они без труда переправились через Дунай в Венгрии, в городке, который называли *Брундузий*, где нашли много судов, оставленных немцами. Но «с момента, когда мы вошли в Болгарию, на греческую землю, нашему мужеству пришлось выдержать немало испытаний, а наши тела отяжелели от усталости. [...] Едва мы вошли к грекам, как они запятнали себя клятвопреступлением, отказав нам в предоставлении съестного вволю и по низкой цене». Они охраняли свои города, запирали их ворота и спускали зерно и мясо на веревках со стен. Эти операции были настолько долгими и осуществлялись так дотошно, что бедняки, страдая от сильного нетерпения и от нужды, воровали и грабили сверх необходимого. Позже дука Софии, родственник императора, ни покидал короля на марше ни на день и следил за достаточно щедрым распределением провизии как среди богатых, так и среди бедных, оставляя самому себе лишь очень мало, но, поскольку многие отставали, они доставали

¹ «Это [было сделано], — пишет он, — чтобы познакомить путников с дорогой, названиями местностей и городов, ибо всегда будет достаточно людей, которые направятся к Гробу Господню, и они станут осмотрительней, зная, что случилось с нами». *Odon de Deuil. Op. cit. Livre 2.*

провизию сами — либо на рынках, когда могли, либо за счет грабежа, к которому прибегали охотней.

В Адрианополе приближенные короля посоветовали ему отказаться от красивой идеи сражаться за франков Святой земли, а вместо этого захватить города и замки там, где он находится, и написать Рожеру II Сицилийскому (который тогда «очень рьяно вел войну с императором»), пообещав дождаться, пока он не прибудет с флотом, чтобы осадить город Константинополь¹. Но, «на наше несчастье, эти советы не убедили короля, и мы снова пустились в дорогу». Прием у императора, его любезность не обезоружили тех, кто изначально был ему враждебен и нашептывал королю, что «никто не может знать греков, кроме тех, кто испытал их сам либо наделен даром предвидения». Епископ Лангрский «презирал их раболепную услужливость» и советовал захватить город: стены не очень прочны, народ труслив, и можно было бы без труда перекрыть каналы, лишив город пресной воды. Другие города не преминули бы изъять покорность тому, кто овладеет столицей.

На общую беду, стоянка франков затянулась. Хотя император каждый день предлагал переправить армию в Азию, король постоянно откладывал выступление. Сначала — чтобы дождаться отставших, потом — чтобы почтить реликвии в городских церквях, восстановить силы и, наконец, увидеть прибытие тех, кто направился через Апулию. Император хотел, чтобы

¹ Одон Дейльский не говорит, как король узнал о походах сицилийских норманнов и кому следовало адресовать эти письма. Как бы то ни было, идея такого союза и совместного наступления была близка некоторым представителям королевской свиты.

все франки находились под пристальным надзором, в одном-единственном лагере и на четко обозначенной дороге, которая вела бы их далеко от Константинополя. Как и в отношении немцев, его военачальники делали все возможное, чтобы убедить короля переправиться в Азию через пролив Святого Георгия. Получив его отказ, они не подали виду, что недовольны, но отряды, посланные вперед, чтобы подготовить лагерь на берегу Босфора, натывались на всевозможные препоны, и многих из их участников убили в засадах или спровоцированных драках. Людовик VII потерял больше недели, дожидаясь тех, кто, как полагали, пошел через Апулию, чтобы переправиться через море из Бриндизи в Диррахий. Об этом переходе вместе с сицилийскими норманнами и под их защитой, о переправе через Адриатическое море на их судах мы уже ничего не знаем; историки того времени говорят только об армии короля, но очень похоже, что, несомненно, значительная часть крестоносцев 1147 г. предпочла примкнуть к открытым врагам греков.

КАТАСТРОФА

Немцы и французы должны были идти вместе до Антиохии. Неизвестно, когда обе армии, наконец объединившись после восьми-десяти месяцев опасного пути, возобновили движение, но скоро они расстались. Еще до выступления, в первом письме, Конрад писал, что многие его люди, больные или оставшиеся без гроша, неспособные идти дальше, покинули лагерь, чтобы искать крова и помощи у греков. Должно быть, они разбежались, и никто не озаботился сказать об этом хоть несколько слов. Людовик VII и остатки немецких войск пошли не

самой короткой дорогой, но, чтобы не терпеть мучений и опасностей пустыни и не подвергаться нападениям ту-роков, выбирали пути, шедшие вдоль берега в большем или меньшем отдалении от него. Тем самым они искали защиты или убежища у греков. Однако оба хрониста, Одон Дейльский и Оттон Фрейзингенский, а потом все, кто переписывал их тексты, единодушно осуждая предательство проводников и их коварство, не дали четкой оценки крайне непродуманному решению запросто идти к врагам, которых так часто хулили, в страну, о которой ничего не знали и были неспособны даже правильно называть города вдоль дороги. Через Пергам и Смирну латиняне к концу сентября наконец пришли в Эфес. Конрад не может привести название города, но пишет, что отметил Рождество близ могилы святого Иоанна. Он оставался там один со своими людьми три долгих дня, чтобы восстановить здоровье и силы. Однако немало рыцарей, слишком слабых и поэтому неспособных продолжать путь, просто-напросто вернулись лечиться в Константинополь в фургонах одного греческого отряда.

Армия Людовика VII углубилась внутрь материка. На берегах Меандра¹ большой авангард под командованием графа Генриха Шампанского и Тьерри Фландрского без больших потерь, даже среди паломников, помещенных для защиты в центр вместе с обозом, победил толпу турок, оставивших на поле боя много убитых. Через два дня пути они достигли городка Лаодикеи²,

¹ По-турецки Бююк Мендерес, прибрежная река, впадающая в Эгейское море на уровне острова Самос.

² Имеется в виду так называемая Лаодикея-на-Лике, а не Лаодикея Приморская (современная Латакия) (*Прим. пер.*).

господствующей над рекой крепости, которую нашли пустой, но где собрались и восстановили силы. 6 января 1148 г. они, разбившись на два отряда, двинулись на юг по плохой горной дороге, чтобы достичь порта, где могли бы погрузиться на суда. И именно там, похоже, в самый первый день, прекрасная армия едва не потеряла своего короля и была почти полностью уничтожена.

Вместо того чтобы следовать приказам короля и идти дальше, первый отряд (под командованием Жоффруа де Ранкона, сеньора Тайбура), уступив настояниям нескольких вельмож и прежде всего королевы Алиеноры и дяди короля, графа Морьена, соблазнился возможностью разбить свои большие шатры в глубокой долине, дав возможность туркам собраться на вершинах. Рыцари короля и большой арьергард, подойдя через несколько часов, обнаружили, что в этом лагере еще царит полный беспорядок, дорога загромождена тяжелыми телегами и бесчисленным обозом, а люди словно попали в ловушку, не в состоянии двинуться ни вперед, ни назад: «Гора была крутой и покрытой большими камнями, ее вершина, казалось нам, достигала небес, а поток, низвергавшийся на дно долины, как будто соседствовал с адом. Толпа людей скопилась в одном месте; люди напирали друг на друга, останавливались, устраивались как могли, не думая о рыцарях, оставшихся впереди, и были словно прикованы к месту, почти не двигаясь. Вьючные животные падали, увлекая в бездну тех, на кого натыкались. Сами камни, без конца осыпавшиеся, наносили большой ущерб, и те из нас, кто рассеялся во все стороны в поисках лучших путей, рисковали, что упадут сами или их сши-

бут другие»¹. Это была полнейшая катастрофа, где все в беспорядке бежали безо всякой команды, покинув короля; на какое-то время последнего окружили враги, и спасся он только потому, что вскочил на убегавшую лошадь, а к собиравшейся заново армии присоединился лишь намного позже, когда его гибель уже оплакивали². «Этой ночью никто не сомкнул глаз, потому что каждый ждал кого-то из своих, так никогда и не вернувшегося, или принимал тех, кто, совсем раздетый, догонял нас, и предавался радости, больше не думая об утраченном». Утром они отчитались перед королем о погибших и пропавших, а днем увидели вражескую армию с ее трофеями, взятыми у франков, в бесчисленном множестве заполнившую горы. Провизии стало не хватать, когда, чтобы дойти до побережья, им оставалось еще двенадцать дней перехода. Спасением они были обязаны только тамплиерам, которые во главе с великим магистром Эвваром де Баром установили в их рядах порядок и дисциплину: рыцари ехали на флангах собранного отряда, следя за его движением, а пешие шли в самом арьергарде, за толпой бедняков. Изнуренные лошади, умиравшие от голода, по дороге падали мертвыми, и люди ели их мясо.

В Сатталии, городе, недавно отбитом греками, губернатор немедленно потребовал от латинян поклясться в верности императору и дорого заплатить за провизию. Им стали внушать, что до Антиохии сорок дней

¹ *Odon de Deuil. Op. cit. Livre 6.*

² Об этой катастрофе написано немного, разве что историк Жозеф-Франсуа Мишо в своей «Истории крестовых походов» (*Michaud J.-F. Histoire des croisades. Paris: Furne, Jouvet et Cie, 1877. 2 vol. T. 2. P. 164*) худо-бедно реконструировал ход событий.

хода по местности, которую горные реки сделали непроходимой, тогда как по морю они доберутся туда за три дня, пройдя из порта в порт в полной безопасности. Ландульф, губернатор, предложил королю несколько кораблей небольшого водоизмещения, и тот разделил их между баронами и епископами. Другие суда были наняты «за немислимые деньги»; греки вздували цены, и королевский флот поднял якорь только через пять недель после прибытия в Сатталию, попал в шторм и пришел в порт Антиохии лишь после пятнадцати дней рискованного перехода. Бароны встретили там Конрада и его отряд, который, восстановив в Константинополе силы и получив помощь от императора, вышел в море на флоте, оснащенном греками, и достиг Сирии за несколько дней, не встретив ни одной опасности. Так что обе больших латинских армии, которые в Константинополе отказались присягать императору, были обязаны спасением лишь помощи той самой Восточной империи, которую какое-то время назад помышляли уничтожить.

Чаще всего наши авторы, вынужденные торопиться, говорят только об этом отряде сеньоров и рыцарей без коней, но обходят полным молчанием злосчастную судьбу основных сил армии, пехоты и бедняков. Людовик VII долго пытался обеспечить им защиту, договорившись с греками, чтобы последние, получив круглую сумму в пятьсот марок серебра, обязались их сопровождать, кормить и охранять на горных дорогах силами отдельного военного отряда, который бы довел их до Тарса. Он доверил заботу о них весьма прославленным рыцарям под командованием Аршамбо де Бурбона и графа Фландрского. На них немедленно

напали, окружили в лагере, и они уже считали себя погибшими; два отряда численностью в три-четыре тысячи попытались вырваться, но, лишившись сил, не в состоянии дать бой, эти несчастные в конце концов разбежались во все стороны, а по преимуществу примкнули к туркам, которые давали им хлеб и вербовали в свое войско¹.

Король потерял на всем пути, убитыми или оставленными без помощи, всех своих пехотинцев; у его рыцарей уже не было коней, им не хватало денег. Он уступил командование армией магистру тамплиеров. В этих катастрофах или небрежениях, каких не могла затмить бледная победа на Меандре, обвиняли и по-прежнему обвиняют греков, которые, не довольствуясь получением большой прибыли от торговли продуктами питания, заводили королевское войско в пустыни, а в Сатталиии отдали больных и безоружных людей на милость турок. Все это не следует понимать буквально, и хронист также пишет, что паломники в массе, измученные голодом и жаждой, не останавливались перед тем, чтобы убивать и грабить. Но никто — ни тогда, ни через весьма долгое время — не пожелал задуматься, насколько император и его прибли-

¹ Одон Дейльский уделяет судьбе этих несчастных всего несколько слов, а авторы, которые описывали ход событий после него, предпочитали ее игнорировать. Но похоже, что люди, оставшиеся в своих лагерях у подножия стен Сатталиии, в конечном счете были подобраны кораблями, которые тоже отвезли их в порт Антиохии. Мы знаем, что граф Фландрский и Аршамбо де Бурбон в том году не умерли. Тьерри, граф Фландрский, уже сражавшийся на Святой земле в 1139 г., присутствовал в Антиохии и Птолемаиде вместе с Людовиком VII. Он объявился на Востоке еще дважды, в частности, в 1164 г. у Амори, короля Иерусалима, при осаде Триполи.

женные были вправе осуждать этих латинян, которые присваивали все земли, отбиваемые у врага, и селились на них в качестве безраздельных властителей, насаждая там вместе со своими законами и римской церковью династии, родственные западноевропейским.

В Сирии и Палестине баронам и сеньорам короля больше не приходилось бороться с греками, но они были вынуждены искать пути и союзников в мире, который знали очень плохо. В 1097–1098 г. Готфрид Бульонский и итальянские норманны, Бозмунд Тарентский и Танкред Готвильский, встретили в Анатолии только плохо организованные банды турок и не видели настоящих армий. Во время осады Антиохии из Алеппо все время поступали лишь слабые подкрепления, а в Дамаске мало тревожились о судьбе мусульман, осажденных в городе. Позже, на пути в Иерусалим, провизию и право прохода франкам предоставляли арабы, охотно оказывавшие услуги новым господам, чтобы избавиться от ига турок. Этот первый крестовый поход ни разу не привел к мобилизации всех сил ислама. Но в 1148 г. латинянам Святой земли угрожали со всех сторон, так что Людовик VII и Конрад III с войсками, и без того сильно ослабшими из-за суровых невзгод, должны были бы, чтобы оказать им помощь, сражаться на двух фронтах: на севере вместе с Раймундом де Пуатье, графом Антиохийским, — с атабеком Алеппо и на юге вместе с юным иерусалимским королем Балдуином III — с египетскими Фатимидами, которые, изгнанные в 1099 г. из Иерусалима, держали сильный гарнизон в Аскалоне. Монархи долго не могли прийти к окончательному решению.

В Антиохии Людовика VII принял Раймунд де Пуатье, второй сын Гильома IX де Пуатье, герцога Аквитанского,

вступивший во владение княжеством в 1136 г. благодаря браку с юной Констанцией, наследницей Бозмунда II. Он постоянно воевал с императорами Иоанном II и Мануилом I Комнинами, заставлявшими его дать вассальную присягу, и с турками правителя Алеппо, атабека Зенги, то и дело нападавшего на его границы и некоторые крепости на берегах Оронта. В свое время папа призвал взяться за оружие и сразиться, чтобы отбить Эдессу. Теперь же Раймунд де Пуатье пытался убедить баронов идти на север и напасть на Алеппо. Молодая королева Алиенора Аквитанская, его племянница¹, поддержала его, открыто продемонстрировав разлад между собой и королем. Однако в июне 1148 г. король Людовик VII, император Конрад, король Балдуин III Иерусалимский и все командующие армиями собрались под Акрой, чтобы держать совет и решить, куда вести войска. Собрание происходило на открытом месте, и толпа паломников, простых людей, которые были раздражены столькими промедлениями и которым не терпелось идти в бой и захватить добычу, устроила такой гам, крича об измене, что навязала свой выбор вопреки мнению благо-разумных. Толпа кричала так громко, что об Алеппо уже не могло быть и речи. Она желала взять Дамаск, и Балдуин III, собиравшийся вовлечь европейских монархов в свою войну с египтянами, был громко освистан легко-

¹ Раймунд де Пуатье был вторым сыном Гильома VII Аквитанского, называемого также Гильомом IX де Пуатье. Алиенора, дочь Гильома VIII Аквитанского, старшего брата Раймунда, соответственно приходилась ему племянницей. Некоторые — не тогда, а через несколько лет, когда король и королева развелись, — уверяли и писали, что дядя и племянница были повинны в адюльтере.

мысленной чернью, шумно требовавшей, чтобы выступали немедленно, поскольку от захвата столь благородного города отказаться было невозможно.

Снялись с лагеря, и, после того как войска беспрепятственно прошли глубокую лощину, на широкой равнине враги впервые напали на группу плохо защищенных людей, «не сомневаясь, что поразят их железом и уведут в плен, как презренную толпу рабов. Тогда-то те, кто прежде взывал о продолжении кампании, должно быть, пожелали отказаться от этой мысли и вернуться восвояси». Однако атаки турок разбивались о конные звенья рыцарей, которые в плотном строю, хорошо вооруженные, защищенные панцирями, шлемами и щитами, не спеша продвигались вперед, прикрывая батальоны пехотинцев. Эта победа, быстро забытая хронистами, открыла дорогу на Дамаск. Армия в правильном порядке прошла Ливанские горы и на выходе на равнину, у деревни Дарайя, в последние дни мая разделилась на три части: первым шел король Иерусалима, в центре находился Людовик VII, Конрад замыкал походную колонну. Они подошли к Дамаску с запада по обширной равнине, где были разбиты сотни плодовых садов, орошаемых множеством каналов и обнесенных глинобитными стенами; в сады вела густая сеть узких тропинок, многие из которых кончались тупиками. Рыцари и их люди нашли там в изобилии воду и фрукты, но продвигались вперед лишь с большим трудом, без конца атакуемые людьми, которые прятались за стенками или кустами или поднялись на террасы высоких домов. Деревья образовали словно густой лес, в глубь которого не проникал взор; рыцари шли медленно, не цепочкой и не имея возможности собираться в группы,

теряя из виду знамена вождей. «Со всех сторон их подстерегали всевозможные опасности, и смерть грозила им в тысяче неожиданных обличей. За стенами находились также спрятанные люди, которые могли видеть наступавших через маленькие отверстия, нарочно проделанные в стенах, не видимые при этом сами, и они пронзали проходивших мимо копьями, поражая в бок. Говорят, в первый день много наших погибло без боя, приняв столь жалкую смерть»¹.

Пришлось слегка расширять дорогу, валя эти заборы один за другим, чтобы наконец пойти немного быстрее, и при этом было взято столько пленных, что враги, испугавшись, покинули эти ограды и укрылись в город, под защиту его высоких стен. Франки встретили сопротивление только на берегах реки, текущей совсем рядом с крепостными стенами, со стороны конных отрядов, вышедших из Дамаска на помощь своим бойцам. Люди короля Балдуина III и Людовика VII не могли переправиться, и тогда император, «охваченный гневом, бросился через ряды армии французского короля, спешил со всеми своими людьми (то есть так поступали тевтонцы, когда в бою оказывались в отчаянном положении), и все вместе, перейдя в рукопашную, захватили переправу через реку, а потом позвали два других корпуса армии, и все разбили палатки под самыми стенами».

В Дамаске жители уже думали только о том, чтобы бежать, спасая жизнь. Они паковали пожитки, когда некоторые из них, войдя в контакт с одним или несколькими вождями христиан, убедили последних — вне всякого сомнения, за крупную сумму денег — разбить лагерь

¹ *Guillaume de Tyr. Op. cit. Livre XVII.*

с другой стороны города, на востоке. Им сказали, что там стены, очень низкие и сложенные из кирпича, рухнут при первом натиске и не понадобится использовать осадные машины, которые пришлось бы везти издалека, с большим трудом и большими затратами средств, надолго приковав войска к месту. Христиане так и сделали... оказавшись на сухой местности, лишенной воды и фруктов, в которых до тех пор никогда не было нехватки. Все бедняки кричали об измене, но войско, очень спеша оказаться в более защищенном месте, видя, что враги укрепляют оборонительные сооружения, решило сняться с лагеря и отправиться в Иерусалим.

Этот перенос лагеря, притом что христианские армии шли завоевывать город, конечно, стал следствием переговоров одного из франкских вождей с осажденными. Можно полагать, что ни Раймунд де Пуатье (который с тех пор вернулся в Антиохию и отказался следовать за французским королем в Иерусалим), ни Балдуин III Иерусалимский не горели желанием подчиняться черни, которая с восторженными криками требовала идти и брать Дамаск. Неудача подтверждала их правоту. Королю Иерусалима дорого заплатили, — говорят некоторые, — чтобы он покинул союзников, пришедших издалека, которые сами ни на миг не помышляли помочь ему в борьбе с египтянами. «Жители города тайно отправили [посланца] к иерусалимскому королю и передали ему: “Не думай, что, утвердившись в Дамаске, этот великий царь оставит тебя в Иерусалиме. Мы же предпочитаем тебя. Возьми наше золото, а тех отправь назад морем с тем, чтобы уцелело твое царство”. Они пообещали ему двести тысяч динаров, а владельцу Тивериады — сто тысяч. И когда те полу-

чили золото и возвратились в Иерусалим, оказалось, что это — медь»¹.

Вильгельм Тирский, писавший позже, заявляя, что хочет быть беспристрастным, утверждает, что спрашивал об этом предмете «у мудрых людей, сохранивших очень верную память о событиях». Он видит здесь результат антагонизма между теми, кого называет «наши государи», монархами Антиохии и Иерусалима, и монархами Запада, «государями-паломниками». Некоторые полагали, что граф Фландрский просил государей Запада отдать город Дамаск ему, когда его завоюют. (Уверяют даже, что ему это обещали.) «Но некоторые из магнатов нашего королевства были об этом уведомлены и вознегодовали [...], ибо они надеялись, что всё взятое с помощью государей-паломников послужит расширению [Иерусалимского] королевства и к выгоде сеньоров, проживающих в нем. Негодование, испытанное ими, навело их на гнусную мысль: предпочесть, чтобы город остался в руках врагов, нежели видеть его под властью короля Франции, и это случилось потому, что им, проведшим всю жизнь в боях за королевство и вынесшим бесчисленные тяготы, казалось слишком горьким, чтобы плоды их трудов достались новым пришельцам, в то время как они сами, постоянно ощущая пренебрежение, отказались бы от надежды на вознаграждение, на какое давала им долгая служба [...]. Другие, наконец, утверждают, что все зло совершили те, кого просто подкупило золото врагов».

¹ *Yousif, Ephrem-Isa*. Op. cit. P. 157. [Цит. по изданию: Из хроники Михаила Сирийца (статья третья) // *Цит. соч.* С. 22.]

Ни один историк до наших дней не противопоставлял до такой степени «паломников», вождей и знать европейских армий, и сеньоров латинских государств, завоеванных полувеком раньше. Уже довольно долго мы говорим о «пуленах» — франках второго поколения, поселившихся на Святой земле, — и о том, что делало их иными, возможно, мало расположенными искать общий язык с теми, кто приходил им на помощь. Но мы почти не говорим об их образе жизни, разных культурах и прежде всего о том, как они сосуществовали с мусульманами, усваивали их обычаи и поддерживали с ними добрые отношения¹.

¹ При этом мы слишком охотно забываем о христианах Востока, сирийцах и греках, которые приняли «крестоносцев» как освободителей, радуясь, что избавились от власти турок и египтян, возвращая себе настоящую свободу, но были вынуждены терпеть латинскую церковь, которая на первых порах навязывала себя очень настойчиво, точно так же, как некоторое время назад в Южной Италии и на Сицилии.

ГЛАВА III.

ВРЕМЕНА

КОНСОЛИДАЦИИ

(1150–1192)

В годы, следовавшие за столь бесславным отъездом обоих монархов, не сумевших сделать ничего, чтобы помочь франкам Святой земли, последние потеряли много людей убитыми в боях или попавшими в тюрьмы Алеппо и Дамаска. В Иерусалиме несколько раз вспыхивала упорная борьба за власть, когда королю наследовали лишь маленький сын или одни дочери. В 1131 г. Балдуину III было всего несколько месяцев, когда умер его дед Балдуин II Иерусалимский. Корона перешла к его отцу Фульку Анжуйскому и матери Мелизинде Иерусалимской, дочери Балдуина II. Когда в 1143 г. умер его отец, мальчик в тринадцать лет был объявлен королем, а регентство доверили его матери. В 1152 г., с приближением совершеннолетия Балдуина III, Мелизинда, мало склонная уступать власть, потребовала, чтобы вместе с сыном короновали и ее, но согласия не добилась. Отношения между королем Иерусалима и регентшей были разорваны, и последняя отказалась возвращать ему свои владения. Чтобы захватить Иерусалим, ему пришлось объявить войну сторонникам матери и взять приступом башню Давида, где она укрепилась с горстью рыцарей. В 1163 г. ему наследовал брат Амори I Иерусалимский, царствовавший всего одиннадцать лет, его сменил Балдуин IV Прокаженный, также правивший одиннадцать

лет. После смерти последнего в 1185 г. бароны в отсутствие прямого наследника назначили королем внука Амори — Балдуина V, сына Сибиллы, который стал царствовать при регентстве Раймунда III, графа Триполитанского. В следующем году юный король умер, и вновь встала проблема наследования: притязания на престол предъявили Ги де Лузиньян, ссылавшийся на права наследования своей жены Сибиллы, и Раймунд III. Воспользовавшись отлучкой последнего, Сибилла добилась своей коронации, а потом короновала своего мужа Ги де Лузиньяна.

ЛАТИНСКИЕ ГОСУДАРСТВА ПОД УГРОЗОЙ

Такие наследования и захваты власти приводили к волнениям, крупные вассалы становились на сторону того или иного претендента и даже отказывались от оммажа и набирали войска сами для себя, в то время как в Северной Сирии, у мусульман, определился лидер. Нур ад-Дин, с 1146 г. эмир Алеппо, с сильной армией из турок и курдов в 1149 г., через несколько месяцев после отъезда Конрада и Людовика VII, осадил Антиохию; он не смог взять город, но нанес тяжелое поражение графу Раймунду де Пуатье, убитому на поле боя. В 1154 г. он добился признания как правитель Дамаска и с тех пор каждый или почти каждый год совершал походы на франков Триполи и Иерусалима, а потом на Египет, куда, чтобы изгнать Фатимидов, он послал одного из соратников, курда Ширкуха. Тот, победив, в 1169 г. сделался в Каире визирем. Когда он умер, его место занял его племянник Саладин, который через пять лет, в 1174 г., после смерти Нур ад-Дина, объявил себя эмиром Дамаска. Латинские государства оказались между двух огней.

Внимательные наблюдатели уже видели, что латинские государства Святой земли гибнут. «Короли и сеньоры Запада воспринимали все действия наших государей с неизменным подозрением. Они настороженно относились к сообщениям последних, будто там могли таиться ловушки, и уже не проявляли никакого интереса к делам королевства. Вернувшись на родину, они сохранили в памяти обиды, какие испытали, и ненавидели наших государей за злобность. Такие же настроения они внушали тем, кто не присутствовал при событиях. [...] С тех пор уже не столь много паломников отправлялось в путь, проявляя бывшее рвение; те же, кто прибывал или прибывает поныне, торопятся, не желая попасть в те же ловушки, как можно скорей вернуться домой»¹.

В самом деле, папы не призывали братья за оружие. Римская церковь тогда была не в состоянии придать единый импульс всему христианскому миру, послав христиан на Восток на помощь франкам. Избранный

¹ *Guillaume de Tyr*. Op. cit. Livre XVII. Вильгельм Тирский, родившийся в Иерусалиме в 1130 г., долго учился во Франции и в Италии и вернулся на Восток, где стал наставником Балдуина, сына иерусалимского короля Амори, и секретарем королевской канцелярии, а в 1175 г. — архиепископом Тирским. Он умер в 1186 г. Его книга, оригинальное название которой неизвестно, написанная на латыни, рассказывает об истории завоеваний на Востоке и управлении латинскими государствами с 1095 по 1184 г. Название «*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*» [История деяний в заморских землях] дал ей задним числом переписчик, оставшийся неизвестным. Около 1220 г. появился перевод на язык «ойль», а вскоре и длинные продолжения под разными названиями: «*Livre du conquest*» [Книга завоевания], «*Estoire de Eracles*» [История Ираклия; имелся в виду восточный император Иракий, 610–641]. Название «*Histoire des croisades*» [История крестовых походов] было дано в 1824 г. в издании Гизо.

в 1154 г. папа Адриан IV, англичанин, через недолгое время после тяжелых боев, больших денежных затрат и стольких погубленных человеческих жизней не мог вновь собрать много сеньоров и рыцарей для сражений за морем, как теперь знали — рискованных. Его преемнику, сиенцу, принявшему имя Александр III, один за другим противостояли четыре антипапы. Три первых были ставленниками Фридриха Барбароссы¹, прилагавшего все силы, чтобы удержать Северную Италию под своим контролем. Александр III непрерывно боролся с ним и сформировал лигу вольных городов, которые, победив при Леньяно, избавились от императорской опеки. Незадолго до смерти Александра III папа и император примирились и подписали мирный договор, но Луций III (1181–1185) и Урбан III (1185–1187), которых в Рим не пускали разъяренные толпы, несомненно, нанятые и оплаченные римскими князьями, постоянно жили и собирали своих кардиналов в Ферраре или в Витербо. Их призывы находили мало отклика во Франции и в Англии у королей, которые боролись за Нормандию и прежде всего должны были сохранять поддержку и согласие в своих королевствах, но посылали за море они большие денежные суммы, а также решительно одобряли и поощряли князей, которые выезжали туда сражаться, взяв сильные отряды приближенных и вассалов. Вильгельм Тирский, какими бы горькими ни были его мысли о судьбе латинских государств, прожил достаточно долго, чтобы не знать, что после отъезда Людовика VII и императора Конрада франки не прекратили

¹ Виктор IV (1159–1164), Пасхалий III (1164–1168), Каликст III (1168–1178). Имя Виктора IV носил еще один антипапа, назначенный или поддержанный германским императором в 1138 г.

помощь Востоку и не перестали заключать с ним союзы. В 1153 г. Балдуин III Иерусалимский включил в состав армии всех паломников, которые, прибыв морем на итальянских кораблях, пришли в Иерусалим молиться. Он назначил им жалованье, за свой счет оснастил корабли и повел их на соединение со своей армией осаждать Аскалон. Город был взят, и эти люди могли поклониться святыням в Иерусалиме и вернуться домой, даже не задержавшись. В феврале 1157 г. высадилась и присоединилась к силам Балдуина армия рыцарей и пехотинцев, которую хронисты не потрудились опознать. В том же году, в июле, фламандцы графа Тьерри¹ и отряд немцев прибыли в Бейрут и вместе с Балдуином III и Рено де Шатильоном осадили Шейзар, взяли нижний город приступом и продвинулись далеко к югу — до Харима и Путахи близ Тивериадского озера, двух городов-крепостей, занятых без тяжелых боев.

ПЕРИПЕТИИ НЕОЖИДАННОГО СОЮЗА ПРОТИВ САЛАДИНОВСКОГО ЕГИПТА

Союз с константинопольским императором полностью разладился из-за политики баронов Запада и латинских князей Востока, которые неизменно отказывались принимать какие-либо обязательства верности и подчинения и даже вступать в соглашения; чтобы стать единовластными хозяевами земель, отбитых у врагов, они обвиняли

¹ Некоторые авторы, в том числе Вильгельм Тирский и Одон Дейльский, утверждали, что граф Фландрский замыслил выкroить себе латинское государство на Святой земле, как франкские бароны в 1097–1099 гг. Действительно, в 1164 г. он снова приехал сражаться на Восток, в четвертый раз, но был вынужден отплыть обратно, не двинувшись в глубь материка.

греков в измене. Но император Мануил I Комнин вел себя как завоеватель, расширяя пределы империи. В 1149 г. греческий флот доставил более тысячи бойцов на остров Корфу, откуда они изгнали сицилийцев, взяв под контроль пути по Адриатическому морю. В 1155 г. полководцы Михаил Палеолог и Иоанн Дука с двумя армиями вторглись в Южную Италию, взяли несколько крепостей штурмом и заняли другие, подкупив комендантов или спровоцировав восстания. Сильный гарнизон разместили в Бари. Это отвоевание части Западной Римской империи, которое во многом напоминало завоевания Юстиниана в VI в., хоть отвоеванные земли и удалось удерживать всего три года, явственно показывало стремление Греческой империи утвердить себя в качестве прямой наследницы Древнего Рима. Через десять лет Мануил I Комнин покорил сербов и, обручив Белу III со своей дочерью, в 1173 г. добился его коронации как венгерского короля. В 1163 г. воинский отряд этого греческого императора соединился с франкскими рыцарями из Антиохии и многочисленными сеньорами из Французского королевства, которые возвращались из паломничества. Во главе с Гуго де Лузиньяном и Жоффруа Мартеlem Ангулемским они обратили в бегство турок и курдов Нур ад-Дина, осаждавших Крак-де-Шевалье.

За заключение этого союза с греками, скрепленного двумя браками¹, граф Антиохии и король Иерусалима признали императора сюзереном и принесли ему оммаж. Но хорошо видно, что Амори I Иерусалимский не мог или не хотел вести себя ни как вассал, ни даже как настоящий

¹ Мануил в 1162 г. женился на Марии, дочери Раймунда де Пуатье, а его внучатая племянница Мария Комнина в 1167 г. вышла за Амори I, короля Иерусалима.

союзник такого императора, как Мануил Комнин, требовавшего, чтобы все завоеванные земли передавались ему. Поэтому франки сами совершили два похода в Египет. В 1163 г. они построили две крепости южнее Аскалона, на краю пустыни, и добились от фатимидского визиря обещания платить дань. Выплаты заставили себя ждать; в августе 1164 г. Амори I Иерусалимский повел своих людей на Бильбейс, в Верхний Египет; зайдя слишком далеко на юг, он был вынужден вернуться, однако добился, чтобы визирь подтвердил обещание выплатить 400 тыс. динаров, обеспеченное сохранением в Каире франкского гарнизона. В 1168 г. два посла от Мануила Комнина в Иерусалим ясно выразили его волю: он желал возвращения Египта, чтобы присоединить его к своей империи. Вильгельм Тирский повез ответ, но по возвращении узнал, что король Амори уже повел армию в Египет, пообещав нескольким из своих рыцарей фьефы, город Бильбейс — госпитальерам, а пизанцам, перевозившим его людей на своих судах, — налоговые льготы в Каире и в трех портах дельты Нила. Писали, что, выступив один, он якобы уступил нажиму со стороны баронов, не желавших помогать императору завоевывать новые территории. И он снова потерпел неудачу: египтяне подожгли предместье Каира, и армии пришлось отступать, возвращаясь в очень плохом состоянии через пустыню.

Подкрепления появлялись все реже, а те, кто приезжал, как Этьен, граф Сансерра, герцог Генрих Саксонский и Гуго III Бургундский, спешили в Иерусалим, даже не помышляя присоединяться к войскам короля Амори. Однако папа Александр III, которому быстро сообщили о поражении под Каиром, в конце июля 1169 г. призвал во имя «братского милосердия к христианам» отпра-

ляться в Святую землю. Тем из знатных мужей, рыцарей и всех верующих в Христа, кто останется там самое меньшее на два года и пойдет в бой на стороне иерусалимского короля, простятся грехи, причем это касалось не столько простых паломников, сколько «великих мира сего». Союз с греками сохранялся ради защиты латинского королевства и опять же завоевания Египта. В начале октября 1169 г. огромный флот, оснащенный в Константинополе, силой в 150 галер, 60 судов для перевозки коней и еще десятков судов, на которых везли осадные машины, подошел к Акре, а оттуда достиг дельты Нила, присоединившись к армии иерусалимских франков. Они совместно осадили Дамьетту, но стало не хватать провизии, а когда сильный шторм в декабре разметал императорский флот, Амори приказал отступить.

В декабре 1177 г. греки вновь предложили франкам помочь военными кораблями и высадить отряд, но граф Филипп Фландрский, приехавший на Восток, отказался откладывать свое паломничество в Иерусалим, и замысел не осуществился.

Египетские походы обошлись очень дорого с точки зрения потерь в людях и ничего не дали. Они сделали границы королевства, хуже защищенные, уязвимыми для атак Саладина, который каждый или почти каждый год выступал из Дамаска и Алеппо для завоевания государств, еще удерживаемых латинянами. Однако франки Иерусалима и Триполи сдерживали натиск Саладина почти десять лет¹. После того как от союза с греками

¹ При Монжизаре под Иерусалимом, 25 ноября 1177 г., король Балдуин и тамплиеры сами, без союзников, взяли на поле боя богатую добычу и много пленных — воинов, которых Саладин, окруженный со всех сторон, покинул во время бегства.

франки отказались, к ним с крупными отрядами вассалов еще приезжали знатные сеньоры — Генрих Шампанский и Пьер де Куртене в 1179 г. или герцог Брабантский в 1183 г., предлагая помощь. О призыве со стороны папы речи не было, но благодаря этим экспедициям франкские армии регулярно увеличивались.

ОТВЕТНЫЙ УДАР САЛАДИНА И ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА (1187)

Но в марте 1185 г. Саладин выступил в поход, собрав в Дамаске всех эмиров и вождей племен Месопотамии. Сначала он разорил земли Трансиордании, вернулся на север, добился права свободного прохода от Раймунда III, графа Триполи, и осадил Тивериаду. Иерусалимский король Ги де Лузиньян собрал около двух тысяч всадников и двадцати тысяч пехотинцев. Раймунд Триполитанский, присоединившийся к нему, предлагал стать лагерем недалеко от моря, вокруг источников водоснабжения, позволив врагу истощить силы в атаках на стены Тивериады. Возобладало мнение тамплиеров, и они пошли прямо навстречу врагу. Это, как задним числом пишут все очевидцы и хронисты, было тяжелой ошибкой, причиной катастрофы. Саладин снял осаду и, ловкими маневрами тревожа франков, вынудил их удалиться от источников воды. Они разбили лагерь на «Рогах Хаттина», высоком и обрывистом скалистом холме, и провели всю ночь при оружии, не пили и не поили коней. На следующий день Саладин, велевший привязать к спинам верблюдов несколько сот бурдюков с водой, набранной в озере, дождался, пока солнце поднимется как можно выше, и поджег кусты и сухую траву. Словно оказавшись в осаде, изнемогая от усталости и жары,

задыхаясь от тяжелого дыма, едкого и черного, причем кони в основном уже не могли нести всадников, франки поняли, что потерпели поражение еще до боя. Несколько сеньоров и многие простые воины сдались, отрекшись от своей веры и умоляя сарацин дать им воды. Саладин пошел в атаку, и никто не спасся, кроме удачно пробившегося сквозь ряды врагов небольшого отряда, возглавляемого Раймундом Триполитанским.

С единодушием, возможно, несколько снисходительным, говорят, что со знатными вождами, за которых можно было надеяться получить хороший выкуп, Саладин обошелся «учтиво» («как доблестный рыцарь»), ограничившись тем, что лично обезглавил своей саблей Рено Шатильонского, который грабил караваны, совершил набег на Мекку и несколько лет назад вторгся в дельту Нила. Однако нельзя умолчать о том, что все рыцари низкого ранга и пехотинцы были отправлены в рабство, и цена на людей на рынках Алеппо и Дамаска упала так низко, как не бывало никогда. Тивериада капитулировала на следующий же день, а через пять дней сдалась Акра. Возобновив движение на юг, Саладин взял Кесарию, Яффу, Назарет, Наблус, в то время как Аскалон, стены которого были почти разрушены, открыл ворота другой армии, которую вел его брат.

Иерусалим не собирался защищаться: переговоры о сдаче, сопровождавшиеся долгим торгом, а также спорами между патриархом и сирийскими и латинскими христианами, завершились успешно. Саладин с точностью до безанта назначил стоимость выкупа мужчин и женщин. Он согласился принять общую сумму за всех бедняков вместе (тридцать тысяч безантов за семь тысяч голов); что же касается остальных пятнадцати-двадцати

тысяч человек, из них позволили уйти тем, кто никуда не годился, а молодых мужчин и женщин отдали в рабство. Он хотел, чтобы франкского населения здесь больше не осталось¹. Те, кто позже изображал Саладина великодушным, не пожелали прочесть рассказы людей, переживших конец этого города, вновь ставшего христианским около сотни лет назад. Один сириец — конечно, христианин, но принадлежавший к яковитской конфессии и поэтому очень враждебно настроенный по отношению к латинянам, — писал: «Язык неспособен описать преступления, которые видели мы в городе: священные сосуды продавались на рынках, попадая в руки разноплеменных людей, церкви становились стойлами для лошадей и местами для разврата, пьянства и пения. Добавьте к этому оскорбления и насмешки над монахами, знатными женщинами, чистыми монахинями, которых бесчестили представители разных народов, добавьте мальчиков и девочек, которые становились рабами турок и отправлялись во все концы света»². Некоторые большие крепости, такие как Крак, Бовуар и Монреаль, держались дольше. Бофор сдался только в апреле 1190 г., после того как Саладин велел пытаться его сеньора под стенами осажденного замка.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Папа и монархи Запада поняли масштаб угрозы и решили спасти, что было можно, сразу после прискорб-

¹ В Тивериаде, Акре и других городах, сдавшихся без боя еще до Иерусалима, Саладин предоставил населению право уйти без выкупа со всем имуществом; так, сирийцы из Акры перебрались по преимуществу на Кипр.

² Цит. по: *Richard J. Histoire des croisades*. Paris: Fayard, 1996. P. 221.

ного поражения 1187 г., когда франкская армия была уничтожена, почти за всех ее командиров назначен выкуп, тамплиеры понесли тяжелые потери, а военная казна опустела. Когда стало известно, что Иерусалим потерян, а франкское присутствие на Святой земле может прекратиться, «эта новость ошеломила верующих в Христа. Папа Урбан, находившийся в Ферраре, умер от горя, узнав об этом». Его преемник Григорий VIII, человек, ведущий образ жизни святого, который был папой всего два месяца, в булле от 29 октября 1187 г., меньше чем через месяц после падения города, велел проповедовать на всем Западе, что князья и сеньоры должны помириться и собраться, чтобы выступить на помощь бедствующим христианам, а также предписал покаяния и посты, чтобы утишить гнев Бога, покаравшего людей за грехи. Он добился примирения королей Франции и Англии, Вильгельма II Сицилийского — с греческим императором Исааком II Ангелом, пришедшим к власти в 1185 г., венецианцев — с королем Венгрии, генуэзцами и пизанцами.

Ничто, — говорит историк Жан Ришар, — не дает лучшего представления о том, какое всеобщее потрясение испытали на Западе, как последовательность контингентов, достигавших Святой земли по морю. Первым послал флот Вильгельм Сицилийский, и тот в 1188 г. заставил Саладина отказаться от планов наступления на некоторые приморские города. Пизанцы были под Антиохией весной 1189 г. Первого сентября на пяти десятках больших судов прибыло несколько тысяч фризов и датчан, а потом Жак д'Авен, барон из Эно, с другими фламандцами. Еще позже, осенью, — несколько баронов из Франции вместе с графом Дрё и епископом

Бовезийским. В октябре — ландграф Тюрингский и архиепископ Равеннский, сеньоры Бургундии и Шампани, а потом датчане с племянником короля. По окончании зимы подкрепления стали прибывать в хорошем темпе, и подсчитать их как следует невозможно.

Короли Франции и Англии только присоединились к экспедициям, которые намного их обогнали, проторили им дорогу и, показав пример, вынудили более не медлить или, во всяком случае, не отказываться от мысли о походе. Генрих Шампанский с основными силами Филиппа Августа высадился под Акрой только 27 июля 1190 г., сам Филипп Август — 20 апреля 1191 г., а Ричард Львиное Сердце — 7 июня того же года. Участие этих монархов, единственных, на кого обращают внимание наши учебники и большинство современных авторов, когда говорят о «третьем крестовом походе», конечно, нельзя недооценивать, но не надо забывать, что у того и другого были хронисты, которые могли рассказывать об их действиях и несколько задерживаться на описании их подвигов, тогда как другие сражения известны только по отдельным замечаниям и намекам.

Император Фридрих Барбаросса принял крест в Майнце 27 марта 1188 г. и собрал своих людей (одни говорят, что их было сто тысяч, другие, писавшие позже, что гораздо больше) в Регенсбурге в начале мая. Большой флот из тяжелых судов повез их по Дунаю и по Драве к герцогу Леопольду V Австрийскому, а потом в Венгрию, где их хорошо принял король Бела III. Но как только они вошли в Болгарию и пошли плохими дорогами, вынужденные разделить армию на три или четыре части, местные жители начали устраивать на них засады, метать в них отравленные стрелы и уби-

пать тех, кто отставал от основных сил. «Тех, кто попадал в наши руки, вешали на деревьях вдоль дороги вниз головой, как нечистых собак или хищных волков»¹. Часто немцы находили местности опустевшими — жители при их приближении покидали дома, бежали и укрывались в горах, забирая зерно и скот. В Нише сыновья князя Сербии вместе с несколькими вельможами вышли им навстречу, чтобы преподнести ячмень и муку, баранов и быков, а также запас вина для каждого тевтонца и несколько менее обыкновенных даров, например «морских телят» [тюленей] и даже трех оленей и ручного кабана. Они выразили готовность сражаться вместе, если немцы пойдут войной на греческого императора Исаака II Ангела. Фридрих, несомненно, думал об этом с самого начала похода, зная о конфликтах интересов во время похода Конрада и убежденный в коварстве греков. Он знал, что для борьбы с турками Икония Исаак Ангел заключил союз с Саладином и что он неохотно даст проход воинам с Запада, которые еще раз могут учинить столько беспорядков. Послы султана Икония, который называл себя «повелителем турок, армян и сирийцев», принятые в Майнце и прибывшие в сопровождении пятидесяти всадников, одетых по-турецки, обещали Фридриху любую помощь, какую он захочет, на плато и в горах Анатолии.

Когда император Фридрих прошел последней из плохих болгарских дорог, к нему вернулись люди, которых он послал в Константинополь для подготовки своего прибытия. Оказалось, что их арестовали, бросили в тюрьму, унижали и дурно с ними обращались, выпустив только через

¹ Richard J. Op. cit. P. 223.

несколько недель. Им было много что сказать, и они не знали, как и говорить о коварстве греков, которые преподносили или, скорей, продавали паломникам отравленное вино. Некоторые полагают, что эти обвинения выдвигали по дороге сами немецкие сеньоры, стараясь сдерживать своих пехотинцев, часто напивавшихся и выходивших из-под контроля. Но в одном письме Сибиллы Иерусалимской Фридриху, сообщающем о союзе, который константинопольский император, гонитель Церкви Божьей, заключил с Саладином, искусителем и губителем Святого Имени, написано, что владыка греков прислал шестьсот мер отравленного зерна, а также большой сосуд, полный вина, куда он налил столь сильный яд, что человек, позванный для проверки его действия, пал мертвым, едва ощутив запах из открытого сосуда. Сибилла также утверждает, что константинопольский император, «дабы умножить наши несчастья и покончить с истинными христианами, запретил, чтобы в Иерусалимское королевство вывозили зерно»¹.

Эта история с отравленным вином наделала много шума, но в ней не было никакой нужды: император Фридрих знал, что думать о греках. Леопольду V, герцогу Австрийскому, он писал: «Император Константинополя очень скоро нарушил обещания и клятвы своего канцлера, данные в Нюрнберге в присутствии князей империи, — обеспечивать нам безопасность в пути, а также добросовестность в поставках и при обменах. Он бесчестно бросил в тюрьму наших послов — епископа Мюнстерского, графа Руперта и нашего камергера со

¹ Интернет-сайт *Hanover Historical Texts Project* [<http://history.hanover.edu/project.php#ma>]. [Русский перевод есть на сайте «Восточная литература» (*Прим. пер.*).]

всей их свитой. Он надолго их заключил, задержав наше движение до дурного зимнего сезона, и наконец ото-слал к нам обратно с уверениями в дешевых поставках, честных обменах и обилии хороших судов для нашей перевозки. Поэтому, как обжегшийся ребенок некото-рое время боится огня, мы больше ни в чем не можем верить словам и клятвам греков»¹.

После начала открытой войны с Исааком Ангелом люди Фридриха пошли как по оккупированной стране, разоряли деревни и города, брали, не платя, продукты питания, подожгли Филиппополь и нанесли грекам серьезное поражение при Дидимотике, после чего стали на зимние квартиры в Адрианополе, жителям которого пришлось немало пострадать. В конце марта армия без особых затруднений переправилась через Дарда-неллы, тем самым избежав опасной остановки под сте-нами Константинополя. Солдаты взяли приступом го-род Конью, приобрели на рынке, где никто не мог им ни в чем отказать, несколько тысяч добрых коней и как победители продолжили путь в Киликию, где 10 июня 1190 г. император утонул, переправляясь верхом через Салеф — горную реку в Таврских горах. Командование армией принял его сын Фридрих Швабский, причем, вопреки тому, что говорилось чуть позже, армия не разбежалась во все стороны в поисках прибежища и скудной добычи, но ослабла — как от лихорадки, так и от отъезда нескольких сеньоров, отправившихся морем обратно на Запад. Фридрих Швабский и его люди подошли к Анти-охии 7 октября 1190 г., найдя город со всех сторон окру-

¹ Интернет-сайт Medieval Sourcebook. Selected Sources: The Cru-
sades [<http://www.fordham.edu/Halsall/sbook1k.asp>]. [Русский пе-
ревод есть на сайте «Восточная литература» (*Прим. пер.*).]

женным отрядами франков, которые, прибыв по морю, намного их опередили.

Генрих II Английский, которому Вильгельм Сицилийский пообещал флот из ста кораблей для перевозки войск, и Филипп Август отозвались на призыв папы лишь через несколько месяцев. Они положили конец своим ссорам в январе 1188 г. в Жизоре, приняв крест вместе с графом Фландрским, но по окончании зимы война в Нормандии возобновилась, притом что все их силы были мобилизованы. Тот и другой потеряли много времени и выдохлись, в то время как служители церкви и народ громко выражали негодование в связи с задержками, а многие бароны не приняли участия в боях. Они снова увиделись в ноябре 1188 г. в Бонмулене, а потом еще раз — на Пятидесятницу 1189 г. в Ла-Ферте-Бернар, в Перше, чтобы наконец в июне торжественно подписать мир в Баллане, между Туром и Азе-ле-Ридо, но этот договор ничего не дал, потому что вскоре, 6 июля 1189 г., Генрих II умер.

УЧАСТНИКАМИ КРЕСТОВОГО ПОХОДА СТАНОВЯТСЯ ФИЛИПП АВГУСТ И РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Тем временем — на ссоры и оттяжки были потрачены год и девять месяцев, — Ричард, которого его отец Генрих II назначил наместником Аквитании и Анжу¹, быстро принял крест в Туре, в начале ноября 1187 г., немедленно подготовился к выступлению и, полагая идти по суше, написал королю Венгрии и императору Кон-

¹ После внезапной смерти старшего брата Ричард стал наследником Англии и Нормандии; Бретань Генрих II отдал третьему сыну Жоффрау, оставив последнего, Иоанна, без земли.

стантинополя, чтобы обеспечить себе свободный проход и хорошее снабжение. 22 июля 1189 г., всего через две недели после смерти отца, он договорился с Филиппом Августом заключить мир и совместно сражаться на Святой земле. После коронации в Лондоне 3 сентября (ему было тридцать два года) новый король убедился, что теперь обладает куда более значительными доходами, к его услугам английский флот, и решил переправляться морем.

Паломников из Англии и северных стран море еще пугало. Выходить в море значило отдаваться на милость людей, с которыми они не были знакомы, рисковать жизнью и здоровьем, иметь дело с непогодой и штормами. Все рассказы о паломничествах англичан свидетельствуют, что последние испытывали тревогу такого рода, приходя в порт. Но это был более прямой и в конечном счете более быстрый путь, исключавший надобность каждый день вести переговоры о проходе и покупках, даже с христианами. Большие военные корабли, ходившие обычно группами, были не просто судами для перевозки паломников: каждое принимало на борт более сотни рыцарей, опытных воинов, так что пираты были им нестрашны. Главным, о чем пишут неохотно, но что безусловно определяло выбор, была возможность для командующего походом брать в него тех, кого хотел он, подсчитывая и выбирая воинов по одному и не опасаясь, что с самого выступления и всю дорогу отряд будет раздражать толпа бедняков — мужчин, женщин, готовых к разбою, которые жаловались на нищету и которых в боях надо было защищать, рискуя гибелью рыцарей от атак противника. Бедняков, которые любили возвышать голос во время советов, устраивавшихся на открытом пространстве, или

требовать от армии идти туда, где ей нечего было делать. Морская переправа была настоящей военной операцией, в отличие от больших паломничеств, которые с таковой не имели ничего общего, но которые мы по-прежнему называем крестовыми походами.

Ричард останется командующим в течение всего путешествия, и, чтобы добраться до Святой земли, ему не надо будет нигде ни говорить с императором Востока, ни давать ему какие-либо клятвы. Ни он, ни его люди не увидят Константинополя, лишившись, конечно, созерцания его чудес и молитв в святых местах, зато им не придется сражаться на балканских дорогах, договариваться, выдавать заложников и дорого платить за суда для переправы через Босфор. И, что тоже очень важно, никогда не зайдет речи о том, чтобы передавать грекам земли, отбитые у мусульман. Ричард распорядился оснастить еще один флот в Марселе, откуда должен был отплыть со своими вельможами и приближенными рыцарями. Это стоило ему целого состояния, собранного за счет специальной подати — саладиновой десятины, принесшей шестьдесят тысяч ливров, немалая часть которых, правда, ушла на войну с французами в Нормандии и Аквитании. К ней добавились доходы от сборов, конфискаций имущества у отцовских чиновников, впавших в немилость, продажи должностей, налогов с шерифов, замков и земель, таможенных пошлин и прочего. Высадившись в Кале, он вместе с графом Фландрским дважды встретился с французским королем в Нормандии (30 декабря 1189 г. и 11 января 1190 г.), побывал в Аквитании, чтобы обеспечить там королевский мир, потом провел несколько дней в Шиноне, где продиктовал законы для армии и похода на Восток, принятые по совету честных людей:

«Всякий, кто убьет человека на корабле, должен быть приговорен к смерти и брошен в море. Если он убьет его на земле, он должен быть приговорен к смерти и закопан вместе с ним. Если свидетели, достойные доверия, обвинят кого-либо в том, что он вынул нож, чтобы ударить человека, или ударил его, пролив кровь, он потеряет руку. Если он ударил его кулаком, не пролив кровь, его трижды окунут в море. Если кто-либо отнесется к товарищу пренебрежительно, или посмеется над ним, или обвинит его в ненависти к Богу, то сколько раз он это сделал, столько унций серебра заплатит. Вора следует обрить, как военного добровольца, и полить ему голову кипящей смолой, и посыпать ее перьями из подушки, чтобы его все узнавали, и посадить на берег в первом же порту, куда придут корабли»¹. В июне 1190 г. в Туре он дал указания капитанам и командирам английского флота относительно людей и провизии, которых они должны взять на борт, и маршрута, каким, обогнув Пиренейский полуостров, они должны пройти в Средиземное море, чтобы соединиться с ним в Марселе.

В 1096 г. первые крестоносцы отправились в дорогу через три-четыре месяца после папского призыва. Готфрид Бульонский, Боэмунд Тарентский и Танкред Готвильский — на четыре-пять месяцев позже. На сей раз оба короля промедлили два года и восемь месяцев. Филипп семь раз встречался с Генрихом II и Ричардом для переговоров и утверждения соглашения, прежде чем собрать своих вассалов. Это показывает, насколько укрепление государств, династические распри или «национальные»

¹ *Roger de Hoveden. The annals. Felinfach: Llanerch, 1994–1997. Book 3. P. 136.*

войны из-за границ, отдельных территорий или крепостей, приобретавших символическое значение, подрывали единство христиан и резко ослабляли их готовность совместно сражаться за свою веру. Действительно, расставшись в Лионе, каждый направился к своим кораблям, и так же они очень часто и долго поступали впоследствии, пытаясь обмануть друг друга или опасаясь друг друга.

Оба короля договорились о свидании в Мессине, где менее чем за неделю охрана крепости и жители, совсем не ожидавшие подхода таких сил, увидели прибытие трех крупных военных флотов, которые, развернув все знамена, везли сотни рыцарей. Первым, 14 сентября, появился английский флот, сформированный в Англии, флот Филиппа Августа подошел 16 сентября, а флот, нанятый Ричардом в Марселе, — 22-го¹. Из трех этих флотов нам хорошо известен только тот, который оснастил в Генуе герцог Гуго III Бургундский для французского короля. Он состоял из сотни больших судов, способных перевезти 600 рыцарей, 1300 оруженосцев, 1300 коней, а также провизию на восемь месяцев, вино на четыре и фураж «в достаточном количестве».

На Сицилии оба короля не только проводили время и восстанавливали силы, но и вынуждены были принять участие в ссоре из-за наследия. Вильгельм Сицилийский

¹ В Бискайском заливе англичане попали в страшный шторм, потом они помогли португальцам осаждать крепость Силвиш, еще находившуюся в руках мусульман, и, победив, передали ее королю, а потом снова вышли в море. Филипп на много дней слег больным в Генуе. Корабли Ричарда зашли в Геную, и оба короля встретились в маленькой бухте Портофино, а потом Ричард продолжил путь, не останавливаясь в Риме, пока не бросил якорь на пять дней в Салерно, где наконец услышал добрые вести о флоте, вышедшем из Англии.

в 1189 г., умирая, назначил наследницей свою тетку Констанцию, дочь Рожера II (рожденную после смерти отца), она была замужем за Генрихом, сыном императора Фридриха Барбароссы. Но знать плохо восприняла перспективу получить короля-немца и выступила на стороне Танкреда Леккского, бастарда старшего сына Рожера II и двоюродного брата Вильгельма. Ричард потребовал вдовью долю своей сестры Иоанны, вдовы Вильгельма (а она приходилась сестрой Ричарду Львиное Сердце), владения которой Танкред конфисковал. Дело осложнялось тем, что, если верить подробному рассказу английских хронистов, Филипп, в свои двадцать семь лет недавно овдовевший, повел себя очень предупредительно по отношению к Иоанне, которую брат поспешил отослать в монастырь в Калабрии.

Население Мессины к обеим армиям, прибывшим по морю, отнеслось плохо и восстало. Ричард взял город приступом, никого не щадил и поселился в разоренном и наполовину сожженном центре, в то же время не допустив, чтобы на стенах вывешивали французские гербы. Чтобы больше уstrasить тех, кто еще сопротивлялся, он построил на высоком холме большой замок, который называл Мате-Грифон¹. В октябре Танкред наконец уступил, предложив заплатить компенсацию в двадцать тысяч

¹ Это деревянное укрепление разобрали, перевезли на Восток и там собрали заново. Слово «грифон», происхождение которого не очень понятно, могло быть насмешливой ассоциацией с алерионами. Кроме английских хронистов, в те времена его широко не использовал никто, и оно, похоже, означало христиан или, точнее, греков Сицилии или даже всего Востока. Бернард Казначей, продолжатель Вильгельма Тирского, говорит об острове, «где жили христиане, называемые грифонами», а также о «грифонах города Адрианополя» и об «острове Кипре и его грифонах».

унций золота, а потом еще двадцать тысяч, и эти деньги предстояло разделить между обоими королями. Зимовка показалась очень долгой, однако ее оживляли турниры и большие праздники, а 30 марта прибыла Алиенора Аквитанская в сопровождении Беренгари, дочери короля Наварры и невесты Ричарда. Оба короля то и дело демонстрировали разлад, Филипп Август объяснял это тем, что не получил причитающихся двадцати тысяч унций золота, и даже предложил Танкреду союз против Ричарда. Наконец, к концу марта было достигнуто соглашение, в которое ни один, ни другой король по сути не верили. Французский король поднял якорь первым — 31 марта, английский флот вышел в море только 10 апреля¹.

КИПРСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Оба короля должны были снова встретиться под Акрой, которую уже восемь месяцев осаждали франки. Филипп высадил своих людей 20 апреля 1191 г., а Ричард — гораздо позже, 7 июня. Шторм пригнал его корабли к берегам Родоса, а потом другие враждебные ветры разметали его флот, часть которого, потеряв управление, оказалась в Саталийском заливе Малой Азии, а другая, совсем сбившись с пути, потерпела крушение у южного побережья острова Кипр. Его экипажи и пассажиры были там приняты очень плохо, их взяли в плен, а оружие и имущество изъяли.

Исаак Дука Комнин, наместник Тарса в Киликии, хотел стать независимым и со вступлением на константинопольский престол Андроника I Комнина в 1183 г. был

¹ Ссылаясь на пост, Ричард отложил свадьбу с Беренгарией и отплыл, конечно, вместе с ней, но не женившись на ней.

вынужден бежать. Укрывшись на Кипре, он обнародовал фальшивые грамоты, объявлявшие его деспотом острова, а потом провозгласил себя императором и накопил за несколько месяцев немалое состояние, обложив население податями и конфисковав обширные владения семейств, отказавшихся его признать. В обмен на защиту он обещал содействие Саладину, которому посылал с Кипра огромное количество древесины для строительства флота. Исаак запретил иерусалимским франкам заходить в его порты для пополнения запасов и закрыл в них доступ любому судну из Европы. Ричард попытался вступить с ним в переговоры, но, трижды встретив отказ в грубой форме, высадился, применив силу. Дождем посыпались стрелы, и Исаак, император-самозванец, потерял много людей и бежал; король, воодушевленный победой, преследовал его, устроил резню, убивая тех, кто еще сопротивлялся, и захватил бы Исаака в плен, если бы вскоре не стемнело. Ни он, ни его люди не знали дорог и проходов в горах, куда скрылись беглецы; взяв пленников и скот, они возвратились в порт Лимасол, который армяне очистили от населения¹. Там они нашли стоявшее на якоре судно, на котором ехала Беренгария Наваррская и которому Исаак запретил входить в порт². Греки разбили лагерь на возвышенности милях в пяти от города. Англичане напали на него до рассвета, перебив людей, не сумевших бежать. Один Исаак смог спастись, бросив свои великолепные шатры, казну, оружие

¹ *Benedict of Peterborough. Gesta regis Henrici secundi Benedicti abbat. London: Longmans, 1867.*

² Немедленно была сыграна свадьба Ричарда и Беренгарии, и последнюю тут же, на Кипре, короновали как королеву Англии.

и коней в роскошной сбруе. Через несколько дней он сдался и предложил двадцать тысяч марок золота в качестве компенсации имущества, отнятого у английских пленников. Он пообещал служить Ричарду все время, пока тот останется на острове и на Святой Земле, с сотней воинов и четырьмястами всадниками-туркополами, и предложил, чтобы его дочь, единственная наследница, вышла замуж за того, на кого укажет английский король.

Именно туда прибыли Ги де Лузиньян, в то время иерусалимский король, его брат Жоффруа, Онфруа Торонский, Раймунд Антиохийский, Боэмунд Триполитанский и еще несколько сеньоров Святой земли, чтобы поклясться королю Англии служить ему в борьбе с врагами. Последний оставил на острове только маленький гарнизон, распределив его на несколько крепостей, и 5 июня 1191 г. отплыл из Фамагусты. Сначала он прибыл в Акру, где снова увиделся с Филиппом Августом и встретился с иерусалимским королем Ги де Лузиньяном, но пробыл там недолго, дошел морем до Маргата, где отдал Исаака Комнина под охрану госпитальеров, а дальше приблизился к Тиру, гарнизон которого под командованием Конрада Монферратского не впустил его в порт. Снова оказавшись 7 июня под Акрой, после того как потопил большое купеческое судно, везшее подкрепления для осажденных, которое его флот осыпал стрелами и греческим огнем, он был принят франками как спаситель.

ОСАДА И СДАЧА АКРЫ

В самом деле, город, который до тех пор снабжали по морю, успешно оборонялся. Филипп Август, больной,

постоянно колебавшийся, не сумел или не захотел использовать ни боевые машины, во множестве привезенные на его кораблях, ни деревянные башни, возведенные его плотниками. 10 июня Ричард объявил, что нанимает сотни воинов и рыцарей на жалованье четыре безанта в месяц¹. Таким образом он надеялся заручиться поддержкой со стороны пизанцев и их флота. Его люди изготовили десятки больших таранов, отстроили перед одними из ворот Акры деревянный замок Мате-Грифон, привезенный с Сицилии в разобранном виде, у подножия боевых машин насыпали круглую гальку из Мессины. Но армия страдала от лихорадки; оба короля долгое время тяжело болели, а граф Фландрский от нее умер.

К концу июня, после нескольких неудачных штурмов, город окружили более плотным кольцом, мусульманам стало недоставать пищи, и 12 июля 1191 г. они сдались. Руководители города, взятые в заложники во исполнение условий договора о сдаче, обещали освободить тысячу пленников и двести христианских рыцарей и выплатить двести тысяч безантов, чтобы гарнизону сохранили жизнь. Саладин должен был вернуть Святой Крест, захваченный при Хаттине. Пленников не без труда обменяли только 20 августа. Ричард, который решил (на этот счет мнения хронистов несколько расходятся), что ждет слишком долго и, видимо, пленные христиане уже убиты, а возвращать Крест Саладин не намерен, «потребовал от пленников, которые были в его власти, как и от пленников других христианских государей, выполнить их обещания и незамедлительно вернуть святому хри-

¹ Филипп сделал то же без большого успеха: он предлагал всего три безанта...

стианскому миру, в соответствии с их последними клятвами, Господень крест, которым владел Саладин, и всех христиан, которых держат в плену в их государствах. Но, видя, что эти люди не выполняют того, в чем поклялись, король Англии исполнился великого гнева, вывел всех пленных язычников из города и велел отрубить головы более чем пяти тысячам¹ из них, пощадив лишь самых могущественных и самых богатых, за сохранение жизни которых запросил огромные выкупы»².

Акра была возвращена христианам, прежде изгнанным из нее, в то время как оба короля ссорились из-за раздела добычи³. 20 июля Ричард принял обязательство остаться в Святой земле три года, а Филипп, все еще больной, отказался это делать. Через неделю, 28 июля, состоялась их новая встреча, а на следующий день, 29-го, — еще одна, на которой король Франции, обещав не нападать на Нормандию, попросил у Ричарда согласия на свой отъезд и получил его. И уехал так скоро, как только мог, — 31 июля. «Король французов уступил свою долю [пленных] герцогу Бургундскому; он оставил ему большое количество золота и серебра и значительные запасы провизии; он доверил ему командование над всеми своими армиями, поскольку страдал от тяжелой болезни и, кстати, питал сильные подозрения насчет английского короля, тайно посылавшего гонца за гонцом к Саладину. Филипп созвал своих сеньоров на

¹ Двум тысячам семистам (*Прим. пер.*).

² Michaud J.-F. Op. cit.

³ Эти ссоры, собственно, никогда не прекращались, ведь каждый поддерживал противников другого: Ричард — Ги де Лузиньяна и пизанцев, Филипп — Конрада Монферратского и генуэзцев.

тайный совет и получил от них разрешение на отъезд. Тогда, пролив много слез, он доверился морю и ветрам, отбив всего на трех галерах, которые ему предоставил один генуэзец»¹.

УСПЕХИ РИЧАРДА ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ И ЕГО НЕУДАЧИ ПОД ИЕРУСАЛИМОМ

После этого армия Ричарда, прикрытая с правого фланга флотом, с левого — пехотой, в арьергарде — тамплиерами и госпитальерами, двинулась на юг, одержала верх в нескольких стычках, а 7 сентября на равнине под Арсуфом атака его рыцарей обратила в бегство всю армию Саладина, униженного этим поражением, которое вполне можно было счесть реваншем за Хаттин, и во многом утратившего авторитет среди союзников. Ричард оставался в Палестине еще больше года, держа оборону со всех сторон, неизменно побеждая армию Саладина, которую прежде считали непобедимой, но король Англии так и не сумел отбить Иерусалим и даже осадить его. Всего через три дня после Арсуфа, 10 сентября 1191 г., он был в Яффе, где задержался почти на два месяца, чтобы починить городские стены и оборудовать порт, рассчитывая широко получать через него снабжение. Несколько дней он потратил на то, чтобы съездить в Акру на встречу с Беренгарией и своей сестрой Иоанной. Марш на Иерусалим он предпринял только в начале ноября 1191 г., но его движение постоянно задерживали засады, усталость войск из-за нападений на арьергард и все более рискованный характер поисков провизии. Его люди стали на шесть недель лагерем под Рамлой,

¹ Это цитата из «Деяний Филиппа Августа» Ригора (*Прим. пер.*).

попав под проливные дожди, в то время как противник укреплял оборону Иерусалима. 13 января Ричард созвал совет и прекратил наступление на город. Многие паломники отплыли, рассчитывая вернуться, в то время как армия короля пошла к Аскалону, чтобы стать там гарнизоном на зиму и опять-таки поднять город из руин. 22 мая 1192 г. англичане завершили завоевание южной части внутренней территории и заняли сильную крепость Дарон, аванпост на пути на Синайский полуостров. В конце июня армия еще раз стала лагерем под Иерусалимом, в Монжуа, откуда всем были видны стены города. Из-за отсутствия осадных машин Ричард во второй раз дал приказ отступить и заявил, что намерен как можно скорее вернуться на родину. Командиры и советники заставили его остаться и снова двинуться к Иерусалиму. Город он все же не взял, но зато 5 августа 1192 г. под стенами Яффы добился блестящего успеха, уничтожив одну часть армии Саладина и обратив в бегство другую, унизив султана в глазах его войск, вынудив возвращаться в Египет и срочно вступать в переговоры. По условиям перемирия, подписанного 9 августа 1192 г. на три года, франки оставляли Аскалон и соседние замки, но вновь становились хозяевами всех прибрежных городов. Саладин сохранял за собой Иерусалим, но гарантировал христианам свободный доступ в Святые места и разрешал присутствие в городе двух латинских священников и двух диаконов.

РИЧАРДА БЕРУТ В ЗАЛОЖНИКИ, А ПОТОМ ОСВОБОЖДАЮТ

9 октября король Ричард покинул Святую землю, так и не совершив паломничества в город. «Он велел подго-

товить свои корабли, погрузить в галеры продовольствие и людей; потом он сказал магистру Храма: “Магистр, я хорошо знаю, что не все меня любят, и если я переправлюсь через море и узнают, что я это сделал, то, куда бы я ни направился, меня убьют или возьмут в плен. Поэтому прошу вас предоставить мне ваших братьев-рыцарей и воинов, чтобы они поехали со мной. Когда мы будем далеко отсюда, они проводят меня под видом брата [ордена] в мою страну”. Магистр тайно велел выделить рыцарей и воинов, и они сели в галеру. Король простился с земляками и сел на корабль. Вечером он пересел в галеру тамплиеров и попрощался с женой и свитой. И они отправились — одни в одну сторону, другие в другую»¹. Возможно, он хотел плыть в Марсель и оттуда добраться до Аквитании. Неизвестно, то ли король поменял планы, то ли его флот снова сильно отклонился от курса из-за шторма, но он высадился на побережье Адриатического моря: одни говорят — в Задаре, другие — в Истрии или на Аквилейском побережье. Ему предстояло пересечь земли империи, по-прежнему в сопровождении тамплиеров, в их же одеждах или переодетым купцом. Несомненно, какой-то рыцарь его выдал, 21 декабря 1192 г. он был опознан недалеко от Вены, и герцог Леопольд V Австрийский отправил его под сильной охраной в замок Дюрнштейн, а потом, 28 мая 1193 г., за крупную сумму денег передал в Шпейере императору Генриху VI². Помещенный в кре-

¹ *Bernard le Trésorier. Continuation de l'histoire des croisades de Guillaume de Tyr.* Paris: J.-L.-J. Brière, 1824.

² Ричард, добиваясь, чтобы его признали единоличным вождем, очень дурно вел себя по отношению к герцогу, в частности, на следующий день после взятия Акры потребовал снять его знамена, водруженные на стены завоеванного города наряду с ко-

пость Трифельс в Пфальце, он был освобожден только через десять месяцев, в начале марта 1194 г., когда его мать Алиенора Аквитанская заплатила огромный выкуп — сто пятьдесят тысяч марок серебра.

Наконец оказавшись на свободе — что бы его брат Иоанн Безземельный и король Франции ни обещали императору, лишь бы тот держал его в плену и дальше, — Ричард был принят у себя в королевстве как победоносный герой и как государь Божьей милостью. Те, кто узнал об уловках и постыдном бегстве Филиппа Августа, а также помнил о прискорбном поражении Людовика VII пятьдесят лет назад, славили поборника христианства, верного клятве сражаться за веру и окруженного ореолом великих побед. Его рыцари и их союзники, Шампань, Фландрия и Бургундия, нанесли тяжелые поражения самому султану Саладину, почти легендарному герою, о котором некоторые говорили, что он всегда одерживает верх на поле боя. Они возродили из пепла латинское королевство в Палестине, от которого к моменту их появления

ролевскими. «Под городом Акрой он вырвал штандарт герцога Австрийского из рук одного сеньора, грубо и презрительно переломил его древко, чтобы оскорбить герцога, и бросил в сточную канаву» [Ригор, «Деяния Филиппа Августа»]. О его авантюристическом бегстве остались два рассказа, рассчитанные на очень разных читателей и не во всем совпадающие: «Хроника» Эрнуля и Бернарда Казначея, написанная в начале XIII в. и изданная в 1881 г. Мас-Латри, и песня Блонделя Нельского (1175–1208), сеньора из Иль-де-Франса, автора куртуазных поэм, который, возможно, некоторое время был спутником и наперсником Ричарда. Эта песня, появившаяся в 1225 г. в сборнике под названием «Рассказы реймского менестреля», нечто вроде беллетризованной хроники крестового похода, была надолго забыта; когда ее вновь открыли в 1784 г., Гретри положил ее в своем «Ричарде Львиное Сердце» на музыку.

оставалось несколько крепостей. Франки сохранили три больших прибрежных анклага вокруг Акры, Тира и Яффы. В их руках и под властью прежних династий остались графства Антиохийское и Триполитанское. Конечно, Иерусалим по-прежнему принадлежал мусульманам и латинскую церковь там принимали хуже, чем греческую, но трехлетнее перемирие, подписанное Саладином, гарантировало паломникам с Запада свободный доступ к Гробу Господню. Ехать туда молиться больше не было рискованной авантюрой, как в те времена, когда в 1095 г. к верующим со своим призывом обратился Урбан II. Должно быть, многие князья и сеньоры сочли, что поставленная цель достигнута, а сохранение франкских государств уже не представляет собой столь уж настоятельную необходимость. Те, кто через несколько лет вновь стал призывать сеньоров и рыцарей Запада принять крест, находили лишь слабый отклик.

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ И ФИЛИПП АВГУСТ ДИКТУЮТ СВОИ ЗАКОНЫ

Оба короля поступали как завоеватели и изначально не делали никакой тайны из своих намерений, договариваясь о справедливом разделе всех завоеванных земель и городов. На Востоке они нечасто разговаривали с латинскими князьями Палестины и вели себя властно, навязывая свой выбор, оказывая нажим при принятии любого решения и вмешиваясь в качестве третейских судей, в некотором роде сюзеренов, в конфликты и споры из-за наследования. Во время осады Акры «на следующее утро король Филипп готовился со своими людьми пойти на штурм, но король Англии запретил своим отрядам принимать в нем участие и удержал даже пизан-

цев, присягавших ему. После этого условились выбрать в обоих лагерях “диктаторов”, мужей мудрых и доблестных, которые бы командовали армией по своему усмотрению. Эти третейские судьи велели королю Англии отправить своих людей на приступ, поставить на заставы охрану и воздвигнуть машины и орудия по примеру короля французов. Поскольку Ричард отказался признавать эти приказы, Филипп освободил своих людей от подчинения этим судьям, избранным для командования, которым прежде велел присягнуть»¹. Историки того времени, были они очевидцами событий или не были, так и не пришли к единому мнению и выступали на стороне своих государей либо писали с расчетом на аудиторию, которая будет их читать; но, даже имея возможность выражать свои чувства, они, конечно, задавались вопросом, почему все-таки папа пошел на такой риск, призвав отправляться в путь и вести совместно освободительную войну в стране, которую они знали плохо, двух монархов, которые откровенно враждебно относились друг к другу. А потом оказалось — сначала этому не поверили, а позже это повергло паломников — сеньоров, рыцарей или воинов — в великое отчаяние, — что один из этих монархов продолжает сражаться вдали от своего королевства с риском потерять собственный престол, в то время как другой отрекается от обета крестоносца и возвращается во Францию, чтобы вести там войну с единственной целью — занять Нормандию, землю, издавна принадлежавшую Плантагенетам.

Ричард и Филипп никогда не могли договориться о чем бы то ни было и искали союзников друг против

¹ *Rigord. Vie de Philippe Auguste. Paris: J.-L.-J. Brière, 1825.*

друга. Спор шел о том, кто будет признан более видной фигурой и получит большую долю добычи. Оба вели себя так, словно хотели поместить королевство Акры под нечто вроде опеки. В октябре 1190 г., когда умерла королева Сибилла, король Ричард был еще на Кипре. Ги де Лузиньяна, супруга Сибиллы, до тех пор царствовавшего вместе с ней, отстранили от власти. Архиепископ Пизанский, папский легат, король Филипп, немецкие и французские рыцари добились провозглашения иерусалимским королем Конрада Монферратского, после того как тот женился на Изабелле, младшей сестре Сибиллы¹. Конраду было очень трудно добиться признания своей власти. В поисках поддержки против тех франков, которые его не признали, он просил Саладина уступить ему во фьеф Бейрут вместе с доброй частью того, что оставалось от латинского королевства, а в феврале 1192 г. убедил генуэзцев напасть на Акру, которую они обещали передать ему. Так что в апреле Ричард в Аскалоне согласился признать его королем Иерусалима. Тот царствовал всего несколько дней: 28 апреля его убили. Оба короля, не спрашивая мнения франкских сеньоров Палестины, договорились назначить его преемником Генриха II, графа Шампанского, родственника обоих, который и женился на Изабелле 5 мая 1192 г.² Отказавшись от королевского титула, он назвал себя просто «сеньором королевства», но историки не обратили на это особого внимания и не задумались

¹ Ее брак с Онфруа Торонским объявили недействительным, заявив, что Онфруа недостаточно смел, чтобы взять на себя такую задачу, но это был просто заговор, поскольку Онфруа Торонскому покровительствовал Ричард Английский.

² К этому времени Филипп уже уехал из Палестины во Францию (Прим. ред.)

о причинах этого жеста, хотя это была демонстрация васальной зависимости от выбравших Генриха европейских монархов: ведь он был чужестранцем, пришедшим вместе с ними, и не имел никакой родственной связи с династией, уже более века как утвердившейся на Святой земле. Ги де Лузиньян приехал к Ричарду на Кипр, где тот назначил и объявил его сеньором острова, после того как тамплиеры отказались от Кипра, а Ги выплатил королю крупную сумму денег, частично взятых в долг под большие проценты у триполитанских менял.

Короли Запада не сумели прибрать к рукам Сицилию, но завоевание и подчинение Кипра наглядно показывает их стремление насаждать на Востоке свою власть силой оружия. До тех пор «крестоносцы» просто отказывались возвращать константинопольской Греческой империи территории, которые когда-то принадлежали ей, но которые они отбили у мусульман. На Кипре они лишили власти Исаака Дуку Комнина, который, конечно, поднял мятеж против императора, но принадлежал к его роду и, вне всякого сомнения, сохранял административный аппарат, греческую церковь, язык и социальные структуры. Передача острова тамплиерам, а потом Ги де Лузиньяну была первой попыткой расчленения Греческой империи — вооруженным путем, вопреки желанию населения, плохо воспринявшего эту оккупацию, иностранную во всех отношениях.

Также вожди франков впервые сражались не вслепую, ничего не зная о врагах, их силах и союзах, но сумели несколько раз и на разных уровнях власти вступить в контакт и договориться о перемирии или о почетной сдаче. Очевидцы с настойчивостью, которая выглядит если не подозрительной, то по меньшей мере очень

снисходительной, много говорят о том, как Саладин непосредственно до или после своей победы при Хаттине принял сдачу нескольких крепостей, сохранив жизнь осажденным и предоставив им свободный выход. Несколько позже, в соответствии с условиями перемирия от 2 сентября 1192 г., он вернул территории Боэмунду III Антиохийскому и простым франкским сеньорам, в частности Бальяну д'Ибелену и Рено Сидонскому, тем самым сделав их вроде как вассалами.

Похоже, король Франции никогда не встречался с Саладином, но Ричард не раз говорил с последним о мире. Некоторые, даже из числа авторов самых серьезных рассказов, были они непосредственными очевидцами или нет, утверждают, что он якобы предлагал выдать свою сестру Иоанну за аль-Адила, брата султана. Этого не произошло, но два перемирия добросовестно соблюдались, прекратив вооруженную борьбу и предоставив гарантии христианам — паломникам в Иерусалим. Однако то, как наши книги представляют нам двух этих военачальников и их предполагаемое уважение друг к другу, свидетельствует о чрезвычайном пристрастии авторов к беллетристике. Нам показывают двух отважных героев с оружием в руках, великодушных после сражений, умеющих уважать противника и даже воздавать ему почести, в целом признавая за ним равное величие души. Ни один автор не говорит о «почетном мире» (*paix des braves*), но усиленно создается представление о двух монархах-рыцарях. Факты говорят о другом. Этим людям, военачальникам, надо было срочно возвращаться в свои страны, чтобы восстановить там порядок и после долгого отсутствия в столь дальних краях приводить в чувство тех, кто уже был готов занять их место. Нельзя

также говорить о полной неудаче Ричарда, ссылаясь на то, что он из-за отсутствия хороших осадных машин не взял Иерусалим: за два последних года он нанес тяжелые поражения Саладину, который не вернулся к себе в страну триумфатором и потерял много людей, дезертировавших из войска.

ГЛАВА IV.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ (1195–1261)

Во времена, когда у нас в школах еще можно было говорить о «крестовых походах», не вызывая чрезмерного негодования, мы должны были, как и во многих других случаях, сильно упрощать ситуацию и от «третьего» похода переходили непосредственно к «четвертому», забывая обо всех трех больших армиях и обоих военных флотах общей численностью более чем в две-сти кораблей, собранных императором Генрихом VI.

НЕУДАВШИЕСЯ ЗАМЫСЛЫ ГЕНРИХА VI

Во Франции и Англии к тем епископам или монахам, впрочем, очень многочисленным, которые через несколько лет после возвращения королей говорили о поработленном Иерусалиме, прислушивались слабо. Папа Целестин III выступать в поход не призывал. Но в империи люди собирались большими толпами во главе с князьями, крупными сеньорами и простыми рыцарями, выражая готовность браться за оружие или вносить свои деньги. Весной 1195 г. Генрих VI принял в Бари крест, и он не искал союзов с другими государями за пределами земель империи. Говорят — но это, конечно, данные хронистов, хуже или лучше осведомленных, которых проверить никто не может, — что он якобы снабдил оружием более тысячи рыцарей и столько же

оруженосцев. Те же авторы, несомненно переписывая сведения друг у друга, утверждают, что общая численность войск, набранных во всех немецких землях, составила десять-двенадцать тысяч пехотинцев и четыре тысячи рыцарей. И на сей раз в поход выступили якобы только воины, потому что император приказал не допускать простых паломников либо требовать от них вооружаться.

Не самая малочисленная армия последовала за ним в Италию и на Сицилию. Еще одна под командованием герцога Брабантского, пфальцграфа Рейнского и архиепископа Бременского вышла в море на больших кораблях, оснащенных в Северной Германии, и надолго задержалась в Португалии. Наконец, сеньоры и рыцари долины Рейна и Франконии во главе с архиепископом Майнцским Конрадом фон Виттельсбахом небольшими группами перешли через Альпы и собрались в портах Апулии, чтобы с другого берега Адриатического моря двинуться к Константинополю.

Император Генрих VI не выехал в Святую землю, но даже в свое отсутствие он хотел навязать власть христианскому Востоку. В декабре 1195 г. он принял в Милане посланника от Амори II Лузиньяна, короля Кипра, приезжавшего приносить вассальную присягу от имени своего короля, которого на Кипре с большой помпой короновали архиепископ Конрад Кверфуртский и граф Гольштейнский: следуя указаниям Генриха VI, они намеренно отклонились от общего маршрута, чтобы остановиться на острове, и поэтому прибыли в Акру позже других. В Константинополе немецкие бароны, прибывшие без большой вооруженной свиты, потребовали от греческого императора, чтобы он предоставил

и распоряжение императора Генриха VI свои корабли и войска, готовые по первому требованию последнего выйти в море или в путь, за недорогую цену предостав- лял бы снабжение, какого от него потребуют, — оружие, провизию и коней, и, наконец, ежегодно выплачивал налог, то есть нечто вроде дани, в объеме пяти тысяч золотых монет. После долгих переговоров и торга эта сумма была снижена до тысячи, но для государства, уже обедневшего из-за войн и династических распрей, этого было достаточно, чтобы Алексей III Ангел ввел особую подать, которую он не преминул назвать «ала- маникон» [немецкой]. Это дополнительно усилило враждебность константинопольского населения к чу- жеземцам, которые вели себя по отношению к нему по-барски.

Хотя Генрих VI был еще на Сицилии, его военачаль- ники во главе с архиепископом Конрадом хозяйничали в Палестине и вопреки желанию франкских баронов, едва высадившись, посмели разорвать перемирие, не- давно заключенное королем Ричардом. После смерти Генриха Шампанского 10 сентября 1197 г. Конрад, го- спитальеры и тамплиеры, выбирая нового короля, мне- нию сеньоров латинского королевства придали мало значения. Они отвергли кандидатуру Гуго Тивериадско- го, претендента со стороны последних, и перед строем немецкой армии назначили Амори Лузиньяна, короно- вав его перед войсками еще и в качестве короля Иеруса- лима. Таким образом, под властью этого короля, носив- шего две короны, отнятый у греков Кипр и королевство Святой земли попали в вассальную зависимость от гер- манского императора. В то же время Конрад как верный наместник императора дал рыцарям госпиталя Святой

Марии, основанного в 1192 г. паломниками из городов Северной Германии, военную организацию, сделав их орденом тевтонских рыцарей, который в 1198 г. признал папа Иннокентий III. Тем самым бросая вызов двум другим военным орденам, Конрад укреплял присутствие и власть имперцев на Святой земле, а основание более десяти орденских домов, госпиталей или казарм в Греции и в Южной Италии, включая Сицилию, способствовало тому же в масштабах средиземноморского мира.

Узнав о взятии Яффы эмиром Дамаска и об убийстве двадцати тысяч ее жителей, немцы немедленно вышли в море, начали наступление и на берегах реки Нахр аль-Кабир, между Тиром и Сидоном, благодаря атаке тяжелой конницы одержали победу. Они вступили победителями в Бейрут, который сдался, едва на горизонте показались знамена и паруса христианского флота. Там они освободили несколько тысяч пленников (девять-десять тысяч, как говорят те, кто рассказывал об этом позже) и взяли огромную добычу: «Столько оружия, что его едва ли увезли бы двадцать больших телег, а провизии хватило бы, чтобы семь лет кормить пятьсот человек. После того как мы двадцать дней отдыхали в этой крепости, другие сарацины при нашем приближении оставили крепость под названием Жибель [Жибелен] и другую, очень красивую, именуемую Льеш [Лаодикея]. Убедившись, что все прибрежные крепости находятся в руках христиан, мы пошли к Сидону, разоряя как могли всю страну, которой владели сарацины, более не смевшие показываться»¹.

Дальше они не пошли. Весть о том, что на Сицилии 20 сентября 1197 г. умер Генрих VI, привела в смятение

¹ Письмо герцога Лотарингского архиепископу Кёльнскому.

князей и прелатов, сопровождавших армию. Все знали, что император оставил наследником очень маленького сына Фридриха, которому было всего три года, и что переход наследия в его руки, избрание его римским королем, а потом императором будут активно оспаривать Филипп Швабский, брат Генриха, и Оттон Брауншвейгский, будущий Оттон IV. У обоих были сторонники как в Германии, так и в Италии, и следовало опасаться начала междоусобной войны и наступления анархии. Не то чтобы армия, находившаяся на Востоке, разбежалась, но немецкие князья один за другим стали выходить в море.

Генрих VI, столько сделавший, собравший столько денег и людей, сам призывавший, чтобы великое множество сеньоров и рыцарей последовало за ним в Святую землю, не появился там, оставшись в Италии и оставив при себе армию в несколько тысяч человек, намного более многочисленную, чем обе остальных, вместе взятые, — чтобы завоевать наследство своей супруги Констанции, дочери Рожера II Сицилийского. Танкред Леккский, лишить которого власти Филипп Август и Ричард Львиное Сердце не сумели, сохранил множество приверженцев и удержал несколько крепостей. Император повел с ним настолько лютую войну, стараясь прежде всего истреблять вождей и всех их потомков, что в Риме, где папа непрестанно осуждал его, и по всей Италии его прозвали Генрихом Жестоким, а некоторые это прозвище применяют и поныне. Знатным мужам и епископам, которых считали виновными в мятеже, либо отрубали голову, либо сжигали их заживо; Вильгельму III Сицилийскому, которого его отец Танкред Леккский сделал соправителем, выкололи глаза, и вскоре он умер. Но уже

смерть Танкреда в Палермо в 1194 г. означала угасание на Сицилии династии Готвилей, которых сменили Гогенштауфены. Германский император, коронованный в Палермо, вписал свой «крестовый поход» в ряд операций норманнских герцогов и королей Сицилии, которые без конца предпринимали на Балканах, за Адриатическим морем, поход за походом до самой Фракии, ослабляя Греческую империю и, может быть, готовя наступление на Константинополь. Через несколько лет князья, крупные сеньоры и рыцари отрекутся от своих обетов, так ни разу и не сразившись с врагами собственной веры, и разграбят город на адриатическом побережье, населенный христианами, а потом с большим шумом возьмут Константинополь.

ПОДГОТОВКА ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Папа по существу не проповедовал этот поход. Долгое время он не был как следует осведомлен о планах участников, после же, узнав об их обязательствах, сурово осудил их. Есть несколько свидетельств (по правде говоря, очень немного, хотя позже их воспроизводили многие авторы и все еще воспроизводят), согласно которым некий «святой человек», приходской священник из одной деревни в Иль-де-Франсе, говорил собиравшимся в разных местах толпам, что на землю явился Бог, а Иерусалим терпит мученичество в руках неверных. Все это недоказанные утверждения, и те сеньоры больших фьефов, далеких от Иль-де-Франса и расположенных во Фландрии, Шампани и Бургундии, которые образовали первую группу, принявшую крест, конечно, не слышали подобных проповедей для простого народа.

История, написанная через много лет, утверждает, что впервые они встретились в ноябре 1199 г. на турнире в замке Экри в Арденнах. Вождем эти сеньоры выбрали графа Тибо III Шампанского, молодого человека двадцати двух лет. Но он умер через два года, когда еще по сути ничего не было организовано, и, собравшись в Суассонском соборе, они после отказов со стороны Эда Бургундского и Тибо Барского доверили командование армией Бонифацию Монферратскому. Этих знатных баронов было очень немного, и, так же как при Филиппе Августе, они происходили лишь из нескольких крупных фьефов Французского королевства; отцы или братья некоторых из них уже побывали в Святой земле. Пока что к ним не присоединился ни один епископ, а папа Иннокентий III воздерживался от отправки папского легата для их сопровождения. Шестеро из них поехали в Венецию, чтобы подписать обязательство, которое обеспечивало им оснащение огромного флота из тяжелых нефов, способных перевезти 4500 рыцарей, 20 тыс. пехотинцев и провизию на девять месяцев, а также несколько десятков юисье для перевозки 4500 коней и девяти тысяч оруженосцев. Все это стоило огромную сумму — 85 тыс. марок серебра. Подписание такого договора было безумием в чистом виде: уполномоченным немедленно пришлось занять несколько тысяч ливров у банкиров города, чтобы внести задаток, а вождям похода хватило нескольких месяцев, чтобы понять — они не соберут столько людей, чтобы набрать такую сумму. Когда они сосчитали друг друга в Венеции, то насчитали менее пятнадцати тысяч человек. Чтобы оплатить перевоз по цене пять марок за коня и две за человека, многим пришлось продать серебряную или вермелевую посуду или же взять займы

под очень невыгодные проценты у менял и ростовщиков Венеции, давно их ждавших. Крупные сеньоры продавали или сдавали в аренду земли и фьефы с замками. Дожд подсчитал сумму долга и сверх того дал понять, что они еще должны выплатить компенсацию за большую упущенную выгоду, ведь Арсенал несколько месяцев работал только на них, что нанесло большой ущерб делам. Еще на первых переговорах он обещал дополнительно оснастить и добавить к флоту крестоносцев пятьдесят галер при условии, что половина завоеванных земель и городов отойдет венецианцам. Хорошо зная, что его гости находятся в нужде, теперь он предложил сделку, согласие на которую предрешило судьбу похода: «Помогите нам вернуть город Зару¹, который отобрал у нас король Венгрии. Мы дадим вам отсрочку для выплаты 34 тыс. марок до тех пор, пока Господь не позволит вам и нам вместе завоевать его. К тому же по вашей вине, не по нашей, мы очень задержались, а близится зима. Нам не следует рисковать столь прекрасным флотом, отправляя его на Святую землю в дурное время года, когда дуют свирепые ветра. В Заре мы в укрытии дождемся хороших дней»². С тех пор венецианцы, во главе с дожем Энрико Дандоло присутствуя на совещаниях вождей и нагрузив свои корабли воинами, по преимуществу наемными и прежде всего лучниками, ловко стрелявшими с верха мачт, корабельными плотниками и саперами,

¹ Зара — итальянское название современного города Задар в Хорватии.

² *Robert de Clari. La conquête de Constantinople / éd. par Ph. Lauer. Paris: E. Champion, 1924. P. 48–49.* [Использовать русский перевод М. А. Заборова здесь не представляется возможным, т. к. текст Ж. Эрса сильно с ним расходится (*Прим. пер.*).]

имевшими опыт минирования, навязывали свои мнения до самого Константинополя, принимая решения обо всем.

Когда в первые дни апреля 1203 г. оба флота подняли якоря, это было похоже на большой морской парад. «И все: знатные люди, клирики и миряне, малые и великие — испытывали столь большую радость, что никогда никто не слышал таких криков и не видел подобного флота. Клирики и священники спели “*Veni Creator spiritus*”, а когда мы уходили, звучала добрая сотня пар труб, как серебряных, так и медных, а равно кимвалы и барабаны. Ах, Боже, какие добрые там были боевые кони! И знайте, что на нефах везли более трехсот камнеметов и мангонно, и всякие орудия, чтобы брать город»¹. После нескольких дней упорных боев Зара сдалась. Венецианцы взяли себе портовый квартал, франки — старый город внутри городских стен. Три дня и три ночи все предавались грабежу, и с такой страстью, что за трофеи спорили, а из-за скудости добычи дело дошло до вооруженных стычек. Еще бы немного, — сообщает один свидетель, — и всей армии бы не стало, она не смогла бы продолжать путь.

На следующий день после столь плачевной победы «крестоносцы» решили вновь выйти в море, чтобы, отрекшись от своих обетов, напасть на Константинополь и взять его. Еще никто не объявил целью посадить там на престол императора-латинянина. Молодой Алексей IV Ангел, оказавшись в опасности в результате дворцового переворота, был вынужден бежать² и укрылся

¹ Ibid. P. 72.

² В 1183 г. Андроник Комнин сделался императором, убив совсем юного наследника престола Алексея II Комнина и его мать, ре-

в Германии у Филиппа Швабского. Тот во время встречи в Хагенау 25 декабря 1201 г. сумел убедить Бонифация Монферратского, который после этого тоже отрекся от обета и стал уговаривать баронов ехать в Константинополь, чтобы добиться от народа его [Алексея IV] признания и коронации императорской короной.

Алексей IV приехал к рыцарям в Зару, где они приняли его с почестями. Он обязался, как только его коронуют в качестве императора, выплатить им двести тысяч марок. Он обещал отправиться вместе с ними в Палестину на войну с мусульманами, взяв с собой все вооруженные силы империи, повелителем которой сделается. Он будет в течение года содержать флот, а после освобождения Иерусалима станет держать там пятьсот всадников и даст немалое количество съестных припасов всем, кто покинет Константинополь ради отъезда в Сирию или Палестину. Венецианцы хотели этого более, чем кто-либо. В 1171 г. их многочисленная колония из купцов,

гентшу Марию Антиохийскую. Через два года весь город охватило народное восстание, вспыхнув в цирке. Андроник был убит, и толпа провозгласила императором Исаака II Ангела, женатого на Марии Венгерской. Исаак добился освобождения своего брата Алексея, тогда находившегося в плену в исламских землях, а тот в 1195 г., опять же при поддержке разъяренных толп и отряда иностранных наемников, захватил власть, приказал ослепить Исаака и короновался под именем Алексея III Ангела. Молодой сын Исаака, Алексей IV Ангел, сумел бежать и укрылся в Германии у Филиппа Швабского, его зятя, супруга его сестры Ирины. Один съезд немецких князей избрал в марте 1198 г. Филиппа римским королем, тогда как другой принял сторону Оттона Брауншвейгского (сына Генриха Льва), получавшего поддержку и большие средства от английского короля Ричарда Львиное Сердце. Убитый 21 июня 1208 г., Филипп Швабский так и не стал императором.

моряков и всевозможных ремесленников понесла тяжелые потери, когда император Мануил Комнин позволил простому народу, обвинявшему их в организации голода путем спекуляции зерном, выместить на них свой гнев. Вильгельм Тирский, часто сдержанный в оценках, пишет, что на месте было убито шесть тысяч венецианцев, а четыре тысячи проданы в рабство. Через несколько лет, в 1199 г., они послали флот, чтобы захватить остров Хиос: но участников экспедиции стали косить болезни, и синьория приказала возвращаться обратно.

Дож Энрико Дандоло был, разумеется, одним из самых верных сторонников Алексея IV Ангела и велел оснащать новые галеры, чтобы грузить на них осадные машины: «Сеньоры, в Греции имеется весьма богатая и полная всякого добра земля; если бы нам подвернулся какой-нибудь подходящий повод отправиться туда и запастись в той земле съестным и всем прочим, пока мы не восстановили бы хорошенько наши силы, то это казалось бы мне неплохим выходом, и в таком случае мы сумели бы двинуться за море»¹.

Кто мог в это поверить? Согласиться на такой крюк, потерять время и людей, чтобы иметь дело с константинопольскими греками, чего уже немало времени все военачальники европейских армий старались избегать, переправляясь морем? Чтобы очистить свою совесть или, что более вероятно, попытаться успокоить папу, который уже готовился осудить их действия? Звучали и другие речи, и кое-кто, выбирая окольные пути, утверждал: чтобы вернуть Иерусалим и изгнать мусульман из Па-

¹ Робер де Клари. Завоевание Константинополя / пер. М. А. Забо-рова. М.: Наука, 1986. С. 16.

лестины, надо сначала нанести им мощные удары, развязав кампанию в Египте. После походов Амори, иерусалимского короля, который осадил Дамьетту и добился от фатимидского эмира Каира обещания платить дань, эта идея не давала рыцарям покоя. В 1202 г. бароны и сеньоры, влезшие в неподъемные долги и искавшие источники богатой добычи, без колебаний уверяли: пусть даже они не нападут на Египет — они столь же успешно, с большей выгодой и меньшим риском, пополнят мощну в Константинополе: «И знайте, что Заморская [Святая] земля будет отвоевана не иначе как через Вавилонскую землю [Египет] или через Грецию, если вообще будет когда-либо отвоевана»¹. Проповедники внушали нерешительным: тем, кто последует за вождями на штурм Константинополя, папа отпустит все грехи, «как если бы они умирали в войне с сарацинами за освобождение гроба Иисуса Христа».

20 апреля 1203 г. они покинули Зару и на четыре недели остановились на Корфу, где, согласно очевидцам, население острова встретило их криками радости, славя свое освобождение. «Так отбыли они из гавани Корфу накануне Троицы [...]; и там были собраны все нефы, и все юисье, и все галеры войска, а также довольно много купеческих кораблей, которые здесь к ним присоединились. И день был прекрасен и ясен, и дул тихий и легкий ветер. И они поставили паруса по ветру. [...] никогда не видано было столь прекрасного зрелища: и флот этот казался именно тем, который непременно должен завоевать землю, ибо, насколько охватывал взгляд, толь-

¹ Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / пер. М. А. Заборова. М.: Наука, 1993. С. 26.

ко и виднелись паруса нефов и кораблей, так что сердца людей были преисполнены радости»¹.

ШТУРМ И ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

23 июня крестоносцы подошли к Константинополю, но высадились только через две недели, 5 июля, в Галате, в самой глубине Золотого Рога, применив вооруженную силу. Их нефы бросили якоря там, где тридцать лет назад была колония венецианцев, и воины разбили лагерь у подножия городских стен, близ Влахернского дворца. Долгие месяцы ни одна попытка штурма не удавалась, и латиняне были вынуждены, добывая продовольствие и лошадей, грабить местности вдалеке, на берегах Черного моря, по ночам. Греки совершали вылазки «так часто, что шесть или семь раз на дню всей рати приходилось браться за оружие. И у них не было возможности отходить от лагеря в поисках провизии далее, чем за четыре арбалетных выстрела; и провизии было очень мало, за исключением разве что муки и солонины; да и из этого получали мало, а свежего мяса и вовсе не было, если не случалось, что у них убивали лошадей; и знайте, что для всего войска было у них съестного на три недели. И они были в весьма большой опасности, ибо еще никогда столь малым числом людей не было осаждаемо столько людей в каком-нибудь городе»². Латиняне, жившие в Константинополе, каталонцы, провансальцы, итальянцы, купцы и ремесленники, общим числом, как говорили, более десяти тысяч, опасаясь, как бы толпа их не перебила, спешно покидали свои лавки, склады на Золотом Роге и жи-

¹ Там же. С. 32.

² Там же. С. 42.

лица в городе и приходили в армию франков, отчего она постоянно росла. Они снова и снова уверяли последних в коварстве греков и, если это еще было необходимо, вскоре их убедили, что невозможно заставить греков заплатить за злодеяния и измены иначе, кроме как взяв город силой, с большим шумом, склонив их под иго.

17 июля 1203 г. узурпатор Алексей III взял из своей казны, что мог, и под покровом ночи бежал. Горожане сначала удивились, а потом пошли к тюрьме, где содержался император Исаак II Ангел. Оттуда, надев на него императорские инсигнии и одежды, они привели его во Влахернский дворец и усадили на трон. Потом они отправили представителей в лагерь франков, чтобы известить его сына Алексея IV Ангела и дать знать баронам, что тиран бежал. Еще только светало, все вооружились и изготавились к обороне, еще опасаясь греков. Но послы, присланные Исааком II¹, вернулись меж двух рядов англичан и датчан, — которые отдавали им честь, поднимая алебарды [секиры], — уверенные и получившие заверения, что Исаак выполнит все обязательства, принятые в Заре его молодым сыном. «Когда наступило утро другого дня [...] жители города [...] подошли к воротам, распахнули их, вышли оттуда и явились в лагерь французов и стали спрашивать и искать Алексея [...]. И им растолковали, что они найдут его в палатке маркграфа [Бонифация]. Когда они пришли туда, то обнаружили его там; и его друзья устроили великое празднество, и выказали великую радость, и весьма возблагодарили баронов, и сказали, что те сделали очень хорошо и очень

¹ Видимо, автор имел в виду как раз послов от крестоносцев, отправленных в город для выяснения ситуации (Прим. пер.).

достойно, что поступили таким образом; и они сказали, что император бежал и пусть бароны войдут в город и в императорский дворец, словно к себе. Тогда собрались все высокие бароны войска и взяли Алексея, сына Исаака, и с большой радостью и с великим ликованием ввели его во дворец. И когда они явились во дворец, то приказали освободить из темницы отца Алексея [...]. И когда Исаак был освобожден из темницы, он с радостью воздал благодарность своему сыну, обнял, и поцеловал его, и горячо поблагодарил всех баронов, которые там были [...]. И тогда были принесены два золотых трона, и на один трон посадили Исаака, а на другой рядом — Алексея, его сына»¹.

Франки добились коронации молодого Алексея IV 1 августа 1203 г., еще стоя лагерем за стенами города и плохо представляя, как вступить в него в качестве хозяев. Но, став императором, Алексей мог добиться, чтобы патриарх или народ признали его пребывание во дворце правомерным, только избавившись от опеки, навязанной чужеземцами; он не выполнял обяза-

¹ Робер де Клари. Цит. соч. С. 40–41. Робер де Клари (или де Клери) был мелким пикардийским рыцарем, отправившимся в поход со своим сеньором Пьером Амьенским и вернувшимся в Пикардию в 1205 г. Конкретной информацией его рассказ менее богат, чем рассказ Виллардуэна. Он не имел голоса на советах и был не так агрессивен, оправдывая поход на Константинополь и осуждая тех, кто от него уклонился. Но ему были знакомы вечера и ожидания в лагере, и он слышал разговоры сеньоров, воинов и бедных паломников. Он знает, что пережила армия, и говорит также о трудных временах, о столкновениях партий и о том, как рыцари, вассалы баронов, не раз страдали от неопределенности. На каждом собрании возникали ожесточенные споры, и оппоненты вождей не раз могли вот-вот взять верх.

тельств, несколько раз задержав выплату обещанных сумм. К нему отправили шестерых гонцов — трех венецианцев и трех баронов, — в том числе Жоффруа де Виллардуэна, которые с риском для жизни прискакали во Влахернский дворец, где от них грубо потребовали возвращаться. Это означало войну, но еще до первых штурмов стало известно, что Алексея арестовал Алексей V Дука по прозвищу Мурзуфл, супруг императорской дочери, который собрал небольшую группу приверженцев и короновался в Святой Софии. Алексей IV умер в заточении 8 февраля 1204 г. — его не то отравили, не то задушили.

Бароны больше не скрывали намерений захватить город, который слишком долго как будто бросал им вызов из-за своих гигантских стен. Каждый вечер в лагере они слушали своих клириков, внушавших им, что греки — узурпаторы власти в Римской империи, еретики, схизматики, мерзко отказавшиеся подчиняться римской церкви. С благословения папы надо атаковать этот коварный город, и всем, кто при этом погибнет, простятся грехи. Когда «уже прошло Рождество и дело близилось к Великому посту, и венецианцы и французы снова начали приготавливаться и снаряжать свои корабли, причем венецианцы соорудили новые мостки на своих нефах, а французы сделали осадные орудия, [...], чтобы подкапывать и разрушать стены; и венецианцы взяли доски, из которых строят дома, и, плотно их пригнав, покрыли настилом свои корабли, а потом взяли виноградные лозы и прикрыли ими доски [...]». И греки сильно укрепили свой город изнутри, а деревянные башни, которые были над каменными башнями, они еще прикрыли снаружи добрыми кожами, и не

было такой деревянной башни, которая была бы ниже, чем в семь, или в шесть, или по меньшей мере в пять ярусов. А потом, [...] примерно за 10 дней до Вербного воскресенья, когда пилигримы и венецианцы закончили снаряжать свои корабли и изготавливать свои осадные орудия и приготовились идти на приступ. И тогда они построили свои корабли борт к борту, и французы перегрузили свои боевые орудия на баржи и на галеры, и они двинулись по направлению к городу, и флот растянулся по фронту едва ли не на целое лье»¹.

9 апреля 1204 г. во время первого штурма они понесли столько же потерь, сколько и греки, но 12 июля наконец попутный северный ветер бросил два их нефа под самые башни. Воины взобрались на укрепления, захватили одни из ворот, и в город ворвался большой отряд, преследуя и убивая греков. «И вы увидели бы тогда, как били греков и как овладевали их ездовыми лошадьми и боевыми конями, и мулами, и жеребятами мулов, и прочим добром. Убитых и раненых имелось там столько, что не было им ни числа, ни меры»². Латиняне знали, что им не рады, что они в большой опасности, что их слишком мало, чтобы вступать в бой с массой греков, так давно сражавшихся с ними. «Потом знатные бароны собрались и держали совет между собой, что им делать дальше; наконец, по войску прокричали, чтобы никто не вздумал продвигаться в глубь города, потому что это опасно — как бы в них не стали

¹ Там же. С. 51–52.

² *Жоффруа де Виллардуэн*. Цит. соч. С. 62. Автор очень подробно описывает этот штурм, приводя имена первых рыцарей, вступивших в город.

бросать камни со дворцов, которые были очень велики и высоки, и как бы их не стали убивать на улицах, которые были столь узки, что они не смогли бы там как следует защищаться, или как бы их не отрезали огнем и не спалили бы. И из-за угрозы всех этих бед и опасностей они не отважились углубиться в город и разбредись по нему, а преспокойно оставались прямо там, где были; и бароны договорились на этом совете о том, что, если греки, у которых было еще в сто раз больше людей, способных носить оружие, чем у французов, захотят сражаться на следующий день, тогда пусть поутру на следующий день крестоносцы вооружатся, выстроят свои боевые отряды и пусть ожидают греков на площади, которая была перед ними в городе»¹. Действительно, они разбили свои лагеря — два близ стены и один внутри города — наподобие укреплений в открытом поле и, чтобы защититься и чтобы их не застали врасплох, зажгли большие костры и подожгли окружающие дворцы. «И [в ту ночь] сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франции»².

Император Алексей V Дука бежал со своей охраной, а английские и скандинавские наемники в большинстве примкнули к франкам и даже грабили вместе с ними. Греческие авторы изображают франков худшими из варваров, но не говорят о массовых побоищах. Тем не менее город разоряли с таким остервенением, не считаясь ни с чем — опустошали церкви и монастыри, преследовали монахов, православных

¹ Робер де Клари. Цит. соч. С. 58.

² Жоффруа де Виллардуэн. Цит. соч. С. 63.

священников и монахинь, — что картина этой резни надолго запечатлелась в памяти восточных христиан. Это была гонка за сокровищами и добычей: хватали что подвернется, утратив всякий стыд. Бароны, подоспевшие первыми, присвоили самые богатые жилища, так что рыцарям их не досталось. Маркграф Бонифаций Монферратский «проскакал вдоль всего берега, прямо к дворцу Львиная Пасть [Вуколеон]. И когда он прибыл туда, дворец был ему сдан с тем, что всем, кто в нем был, сохраняют жизнь. [...] Влахернский дворец был сдан Анри, брату графа Балдуина Фландрского [...]: там тоже были найдены несметные сокровища, которых было не меньше, чем во дворце Львиной Пасты. Каждый ввел своих людей во дворец, который был сдан ему, и приказал стеречь сокровища. И остальные ратники, которые разбрелись по всему городу, захватили изрядную толику; и добыча была столь велика, что никто бы не мог сказать вам, сколько там было золота и серебра, и утвари, и драгоценных камней, и шелковых материй, и одеяний из атласа, и одеяний на беличьем меху и подбитых мехом горноста, и всяческих драгоценных вещей [...] Всякий взял себе жилище, какое ему понравилось, а их было достаточно. Так разместились рать пилигримов и венецианцев. И велика была радость из-за чести и победы, которую им дал Бог»¹. Они назначили десять «знатных мужей» из числа тех, кто еще причислял себя к паломникам, и десять венецианцев для того, чтобы руководить делом, и отдавали приказы вешать тех, кто прятал украденное. «И никогда с самого сотворения мира не

¹ Там же. С. 63–64.

было видано и завоевано столь громадное количество добра, столь благородного или столь богатого — ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после»¹. Автор одного рассказа, правда, полностью сочиненного позже, оценивает трофеи приблизительно в четыреста тысяч марок серебра и сто тысяч коней. Во всяком случае, этого было вполне достаточно, чтобы возместить венецианцам долг и дать более ста тысяч марок сеньорам и рыцарям в соответствии с рангом, так что рыцарь получил вдвое больше конного сержанта, а последний — вдвое больше пешего сержанта.

БАЛДУИН I КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

Менее чем через месяц латиняне назначили императора, избрав его, военачальника армии завоевателей, пришедшей столь издалека, не в шуме и гаме боев и грабежей, еще звучавших в ушах бойцов, а голосами целого небольшого собрания из шести франков и шести венецианцев. Мы видим, что те бароны, графы и вельможи, которые первыми собрали своих людей, дорого заплатили венецианцам своими денье и владениями еще в Венеции, а потом под Константинополем сражались во главе отрядов, не были допущены к этой процедуре, их голос никак не учитывался. Избрание императора состоялось без них. Кроме венецианцев все выборщики были церковниками — два епископа из Французского королевства (Труаский и Суассонский), один из Германии (Гальберштадтский), два из Святой земли (Вифле-

¹ Робер де Клари. Цит. соч. С. 59.

емский и Акрский) и цистерцианец Петр из Лучедио в Монферрате¹.

Робер де Клари, простой рыцарь, говорит, что назначили по десять выборщиков — десять венецианцев и десять франков. Несомненно, он занимал иное положение, куда более скромное, чем Виллардуэн, он сообщает только то, что слышал в лагерных палатках, и, как хорошо заметно, не приводит никаких имен. Однако он не преминул описать обстоятельства, очень сложные, в каких происходили выборы, которые постоянно переносились и которым мешали ссоры между претендентами. «Потом случилось так, что все графы и все знатные люди собрались однажды во дворце Львиная Пасть [Вуколеон], который занимал маркграф [Монферратский], и сказали друг другу, что им надо бы кого-то поставить императором, и из них самих избрать десятерых [...]. Бароны же вовсе не были согласны с тем, что маркграф предложил своих людей, но согласились с тем, чтобы он выдвинул только некоторых из своих в число этих десяти. Когда дож Венеции, муж весьма доблестный и мудрый, увидел это, он обратился ко всем присутствовавшим и сказал: “Сеньоры, теперь выслушайте меня, — сказал дож. — Я предлагаю, чтобы, прежде чем выбрать императора, дворцы были переданы под общую охрану всего войска” [...] Маркграф все время хотел предложить тех, кто, как он думал, выберет его самого императором [...]. И этот раздор длился с добрых 15 дней, поскольку они не могли договориться между собой; и не проходило дня, чтобы они не сходились для этого дела, пока наконец не согласились в том, чтобы

¹ Его монастырь получил большие дары в 1184 г. от Бонифация Монферратского. В Константинополе, где он жил с 1200 г., он обратился в римскую веру Марию, вдову Исаака Ангела.

выборщики были из духовенства войска, епископы и аббаты, которые там были»¹.

У Бонифация Монферратского, назначенного главнокомандующим, сторонников было мало. Венецианцам был не по душе человек, женившийся на Марии, вдове Исаака Ангела и дочери венгерского короля — их врага. А главное, к тому времени, как был захвачен Константинополь, «знатные мужи», которые во время штурмов всегда старались оставить Бонифация охранять лагерь, слишком хорошо знали, что он связан с Комнинами и с франками Иерусалима, из среды которых взяли жен все три его брата². Это он, сеньор Монферрата и, следовательно, вассал германского императора, посланный в Венецию Филиппом Швабским, очень старался уговорить крестоносцев направиться прежде всего в Константинополь. И он же в 1203 г. с сильным эскортом сопровождал молодого Алексея IV в местности, далекие от города, в поисках поддержки со стороны аристократов и наместников нескольких провинций. Бонифаций Монферратский некоторым образом был представителем тех, кого отвергли и с кем сражались франкские бароны, — греков, а также тех, кто все еще ждал помощи на Святой земле. Поэтому избрали Балдуина, графа Фландрии и Эно, вассала не германского императора, а французского короля; он стал Балдуином I Константинопольским. Этот выбор легко объяснить, приняв во внимание, что в предприятии, которое мы называем «крестовым походом», участвовали в основ-

¹ Робер де Клари. Цит. соч. С. 68–69.

² Вильгельм женился на Сибилле, дочери Амори I, Конрад — на Феодоре Ангел, а потом на Изабелле, другой дочери Амори, а Райнерий — на Марии Комниной.

ном знатные бароны Франции. Виллардуэн перечисляет сначала двух графов — знатных баронов Франции, потом двадцать три человека, в том числе графа Блуаского, «во владениях графа Шампанского», девятнадцать человек «во Франции», девять во Фландрии, двадцать шесть с Гуго де Сен-Полем. Завоевание Константинополя и создание Латинской империи по существу подрывали саму идею империи: ведь франки, вассалы западного короля, не только изгнали греков, живших здесь много веков, но и в некотором роде отказались служить амбициям германских императоров, тоже издавна надеявшихся объединить Восток и Запад в одних руках. Эта Восточная империя по-прежнему называлась империей, но теперь ею управляли семейства, тесно связанные с Французским королевством. Виллардуэн принял титул «маршала Шампани и Романии».

ВРЕМЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ИСТОРИИ

Сеньоры константинопольского латинского королевства не могли говорить ни о борьбе с врагами христианской веры, ни об историческом наследии, но хотели, как римляне, считаться наследниками Энея и троянцев. Они читали или слушали «Илиаду» или же «Энеиду» Вергилия, которые клирики и труверы постоянно перерабатывали, предлагая всевозможные версии, первая из которых, «Роман об Энее», поэма в сто тысяч стихов на латыни, сочинение анонимного автора, увидела свет в 1160-е гг. Лет через десять за тот же сюжет взялся Генрих фон Фельдеке, уроженец Лимбурга, близкий ко двору Маргариты Клевской, рукопись которого, похищенная графом Тюрингским, была возвращена только через девять лет, и за это время, несомненно, можно

было сделать много списков. В тот же период Бенедикт де Сент-Мор в Турени написал по-французски первый «Роман о Трое», эпическую поэму в три тысячи стихов, посвятив Алиеноре Аквитанской. Это была воинствующая литература, призыв к мести: автор описывает каждое сражение до мельчайших подробностей, воспевая доблесть троянцев и клеймя трусость греков. Немецкую переработку этого романа сделал Герборт фон Фрицлар, как раз тогда, когда Фридрих Барбаросса, двигаясь на Восток, столкнулся с недобросовестностью греков, а некоторые его советники стали открыто говорить, что надо штурмовать Константинополь.

Эти поэмы, очень длинные, слишком обстоятельные, отягощенные множеством назиданий и рассуждений, конечно, были хорошо знакомы только отдельным клирикам и грамотным людям. Но при сеньориальных дворах, перед аудиторией из рыцарей, сеньоров, приближенных и вассалов, их читали или пели труверы, приукрашивая во вкусе времени. Крестоносцы не раз слышали их в те времена, когда графы и вельможи стали брать с собой уже не капелланов, как делали Готфрид Бульонский и Раймунд IV Тулузский, а исполнителей песен о деяниях. В Труа или в Провене графиня Мария Шампанская окружала себя такими же людьми; в свите графа Блуаского числились Ги де Куси и Конон Бетюнский, который был сыном Роберта Бетюнского, погибшего в 1190 г. под Акрой, и описывал, как последний увидел «чудесный город Трои, в котором на ныне пустынных берегах от прекрасных строений остались только жалкие развалины». Воспоминания об этой войне и о коварстве греков были еще очень живы у всех принявших крест. «Троя принадлежала нашим пред-

кам, а те из них, кто уцелел, пришли оттуда и поселились в той стране, откуда пришли мы; и так как Троя принадлежала нашим предкам, то мы поэтому и прибыли сюда, чтобы завоевать землю»¹. Можно было, — конечно, не в Риме и даже не в германской империи, где немцы были уязвлены тем, что кто-то восторжествовал там, где не посмели напасть они, но в больших фьефах северной части Французского королевства, — воспевать подвиг маленькой армии, победившей в том месте, где несколько раз потерпели поражение мусульмане, болгары и русские, армии которых насчитывали по несколько тысяч человек².

¹ Робер де Клари. Цит. соч. С. 76.

² В историю о Трое, порождение легенды, изложенной поэтом, имя которого почитали, но никто не знал, ни в какие времена он писал, ни кто такие были троянцы, долгое время верили, высоко ее ценя, авторы, которые были очевидцами исторических событий, толковыми хронистами или же историками и старались писать хорошо. В «Деяниях Филиппа Августа» Ригор (*Rigord. Vie de Philippe Auguste. Op. cit.*), говоря о том, что король повелел вымостить парижские улицы, счел нужным уточнить: «Этот город первоначально назывался Лютецией, или “грязной”, из-за зловонной грязи, каковой был полон, но жители, которых коробило это название, неизменно напоминавшее о смрадной грязи, предпочли назвать его Парижем (*Paris*) — от имени Париса-Александра, сына троянского царя Приама, ибо в деяниях франков мы читаем, что первым королем, имевшим над ними монаршую власть, был Фарамон, сын Маркомира, отцом которого в свою очередь был Приам, король Австрии. Этот Приам, король Австрии, не был великим Приамом, царем Трои, но зато был потомком Гектора, сына этого государя [...], и поскольку немало людей сомневается в истоках франкского королевства и в авторитетах, на которых опираются, возводя происхождение королей Франции к самым троянцам, мы приложили все усилия, чтобы собрать сведения в “Истории” Григория Турского, в описаниях Евсевия и Идация, наконец, в текстах

УНИЖЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В Константинополе победители вели себя как наглая солдатня, ничуть не искавшая доброжелательного приема. Если наши франкские хронисты особо не задерживаются на рассказах о злоупотреблениях, какие совершались при разорении Константинополя, то грек Никита Хониат, очевидец и жертва, долго описывает негодование жителей, которых воины зачастую гнусно унижали, без конца поднимая на смех: «Они облачались в окрашенные платья, обычную одежду греков, чтобы показать, как она смешна; они надевали полотняные головные уборы на головы своим лошадям, привязывая тесемками, которые, по нашему обычаю, должны висеть сзади; некоторые носили в руках бумагу, письменные принадлежности и чернильницы, высмеивая нас как якобы скверных писцов или простых переписчиков»¹.

многих других авторов, с целью точно выяснить эту генеалогию». В 1335 г. Жан Барбетт, парижский бюргер и купеческий прево, вместе с другими нотаблями, купцами и менялами, обратился к королю с просьбой о разрешении организовать турнир между представителями добрых городов Франции, «по образцу [турниров] короля Приама, при коем некогда была разрушена Великая Троя, и его двадцати пяти сыновей». Еще намного позже, во времена, когда в Риме откапывали прекрасные античные статуи, но не умели их идентифицировать, единственным произведением искусства, которое немедленно опознали папы, кардиналы, просвещенные люди, а также все римские князья и их приближенные, была знаменитая группа «Лаокоон». Тому, кто ее нашел, мотыжа землю в винограднике близ терм Тита, воздали почести как герою, а позже его похоронили в церкви Аракоэли.

¹ Никита Хониат, цит. по: Henri de Valenciennes. Sur la fondation de l'empire latin de Constantinople // *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe* / Par Michaud et Poujoulat. T. 1. Lyon; Paris: Guyot frères, 1851. P. 115.

И далее: «Нелепостью было бы добиваться от них сговорчивости и безумием — разговаривать с ними рассудительно. Эти варвары ни с кем не обращались человечно. Некоторые смотрели на красивых женщин с таким выражением, словно собирались сей же час ими насладиться. Мы окружали этих женщин, словно оградой, и предупреждали, чтобы они мазали лица грязью. Вот что, стало быть, сулили нам этот позолоченный нашейник, эти поднятые брови, этот бритый подбородок, эти руки, готовые к кровопролитию, эти ноздри, дышавшие только гневом, этот надменный взгляд, эта быстрая и торопливая речь». Он, конечно, не говорит о массовых убийствах, но упоминает возмущение духовных лиц, православных священников и монахов, которым приходилось терпеть алчность франков, нередко доходивших до святотатства в погоне за добычей. «В день, когда город был взят, эти разбойники, ограбив дома, где поселились, спрашивали у хозяев, где те спрятали деньги, применяя к одним насилие, к другим ласку и ко всем угрозы, чтобы вынудить их признаться. С теми, кто оказался настолько прост, чтобы принести то, что спрятали, обращались не мягче». Они не уважали ничего: «Не знаю, с чего начать рассказ о кошунствах, какие совершили эти негодяи. Они ломали святые образа и бросали священные мощи мучеников в место, которое мне стыдно назвать. Они превращали потиры и дароносицы в чаши для питья, предварительно выковыряв драгоценные камни. Невозможно без ужаса помыслить об осквернении, какому они подвергли церковь Святой Софии. Они вводили туда мулов и лошадей, чтобы вывозить священные сосуды, резное и позолоченное серебро, которое сдирали с престола, аналая и врат, а когда неко-

торые из этих животных падали на полу, очень скользком, их пронзали мечами и пятали церковь их кровью и навозом»¹.

Бесчинства и алчный поиск добычи, обычные после долгих осад? Несомненно, но не только: в отличие от того, что было век назад под Антиохией и Иерусалимом, здесь баронов и рыцарей не сопровождала толпа простолюдинов, бедных безоружных паломников или разбойников, которые увязывались за войсками на всем пути и которых вожди не могли обуздать. В поход отправились только те, кто мог заплатить за переправу. Они не рыскали по городу, собираясь в шумные ватаги, а беззастенчиво искали ценные реликвии, нигде не считаясь ни со служителями церкви, ни со святостью мест хранения. «Некоторые клирики распустили слух, якобы те, кто оберет еретиков, будут освобождены от своего обета освободить Иерусалим»². Грубая непочтительность свидетельствовала о долго сдерживаемой ненависти, которую подпитывали совершенно вымышленные представления о прошлом и стремление подчинить греков римской церкви. Некоторые, и таких

¹ Никита Хониат. История. Цит. по: *René de La Croix, duc de Castries. La Conquête de la Terre sainte par les Croisés*. Paris: A. Michel, 1973. P. 348–350, воспроизведено на интернет-сайте <https://croisades.espaceweb.usherbrooke.ca/sources4.htm>. Хониат описывает также, как он и его близкие бежали из дома и как их проводил на корабль один венецианец, верный друг, прежде получивший приют в его доме.

² *P.E.D. Riant. Des dépouilles religieuses enlevées à Constantinople au XIIIe siècle par les Latins // Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France. XXXVI (1875). P. 27*, который пишет: «Святые мощи в Византии пользовались таким же спросом, как ныне мрамор в руинах Греции».

становилось все больше, были убеждены, что ведут войну не со схизматиками, а именно с еретиками, и понятно, что это обвинение оправдывало политическую операцию, состоявшую в том, что город патриарха насильно заставили принять латинского императора и римскую церковь¹.

УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИЕЙ

Завоевание Константинополя стало не просто сменой властителя, как неоднократно случалось в Древнем Риме или после дворцовых переворотов в той же Восточной империи. Латиняне сделали императором человека, который, явившись очень издалека, был знаком с городом только понаслышке, совершенно не знал ни местных методов управления, ни нравов, ни обычаев и навязал свою власть как военный командующий, как сделал бы в любом другом месте. Для греков это значило, что они попали под иго чужеземных варваров.

К тому же франки мало что оставили от Греческой империи, и отныне уже нельзя было говорить о прежнем блистательном государстве, а только, как сформулировал Рене Груссе, об «империи, висевшей в воздухе, не имевшей ни этнической, ни природной, ни исторической, ни религиозной основы, наспех сколоченной в абсолютно враждебном греческом и славянском мире и разделен-

¹ Обвинение альбигойцев в ереси, конечно, не было ложным, но, хоть и нельзя забывать, что папского легата убили, все-таки «альбигойский крестовый поход» в конечном счете закончился присоединением Лангедока к Французскому королевству. Точно так же когда Карл Анжуйский с согласия папы и при его поддержке предпринял завоевание Неаполитанского королевства, немецких рыцарей — его противников — обвиняли в ереси и, когда они попадали в плен, судили как еретиков.

ной по феодальным обычаям, как шахматная доска»¹. Франки, которые не могли или не хотели представить себе иной метод управления и иную иерархию властей, кроме их собственных, навязывали завоеванным землям вплоть до самых отдаленных провинций свои традиции. Административное деление времен греческих императоров на провинции и фемы исчезло — хроники говорят только о герцогствах, графствах и фьефах. Бароны ввели принесенный извне феодализм, как норманны в Южной Италии и крестоносцы в Святой земле: «У вас будут фьефы, и потом вы наделите своих людей и тех, кто зависит от них»². В провинции, очень далекие от Константинополя, о которых еще иногда даже не знали, где они находятся, куда франкская армия еще не спешила и где по-прежнему правили греческие наместники, посылали чиновников для сбора подробных данных о доходах каждого территориального подразделения и каждого владения, чтобы составить кадастры. Вскоре «принялись за труды по распределению земель. Для вельмож, коих называют знатными мужами, во внимание принимали их богатство и численность их воинов в армии: некоторые получали по 200 фьефов, некоторые всего по 60, а тем, у кого всего этого было меньше, до-

¹ Grousset R. Histoire des croisades... Op. cit. T. 3, p. 75.

² Результаты переписи, на мысль о проведении которой, несомненно, могло натолкнуть составление в 1086 г., всего через двадцать лет после завоевания норманнами Англии, «Книги Страшного суда», указывали для каждого владения площадь земель, вид возделываемых культур и общую стоимость имущества, включая постройки. Норманны сделали то же самое в Южной Италии и на Сицилии, но опросы, похоже, были менее тщательными, — во всяком случае, дошедший до нас документ неполон.

ставалось разве что по шесть-семь фьефов, и каждый фьеф оценивался в 300 ливров анжуйской монетой». На самом деле это часто зависело от соотношения сил и от договоренностей. Принимая решения о разделе земель, франки доходили до абсурда, слепо веря, что будущее за ними: «Граф Блуаский получил герцогство Никейское, одну из лучших и самых почитаемых частей всей Восточной империи, хотя эта земля, лежавшая за проливом, еще не была покорена императором и была ему враждебна»¹. Император Балдуин I, несомненно, не хотел, чтобы знатные бароны занимали земли и крепости слишком близко к Константинополю; он охотно уступал им территории, куда они еще никогда не вводили войска, по преимуществу в Азии. Так, его брат Генрих получил «королевство» Адрамитий (Эдремит) на побережье к северу от древнего Пергама, а Пьер де Брашё — «графство» Конью, о которой он только слышал, не зная, что город Конью уже почти век занимают турки, сделав столицей сельджукского султаната.

РАСПРИ МЕЖДУ БАРОНАМИ. КНЯЖЕСТВО МОРЕЯ

Когда раздел произошел, за принятием фьефов во владение последовали злоупотребления и дурные поступки, о чем не может умолчать и сам Виллардуэн: «И когда каждый узнал, какая земля ему назначена, то жадность, царящая в мире и причиняющая столько зла, не давала им покоя; и каждый принялся творить зло в своей земле, один — больше, другой — меньше, и греки начали ненавидеть их и вынашивать злобные чувства к ним»².

¹ Обо всем этом см. *Робер де Клари*. Цит. соч.

² *Жоффруа де Виллардуэн*. Цит. соч. С. 77.

Бонифаций Монферратский наотрез отказался принимать владения за проливом. Не без труда он выбил себе королевство Салоники, куда Балдуин I немедленно вторгся со всеми вооруженными силами, заняв два замка под Филиппами, сданные ему греками без боя, а потом вступив в Салоники как победитель. Несомненно, он захватил бы все королевство, если бы ему не пришлось возвращаться в Константинополь, потому что его армия сократилась из-за болезней. Бонифаций Монферратский, которого крестоносцы три года назад сделали главнокомандующим и который все это время как будто и водил войска, теперь был вынужден отбивать силой то, что ему причиталось. Когда он появился под стенами первой из крепостей, «греки из-за императрицы [его жены, вдовы Исаака Ангела] начали переходить на его сторону со всей земли окрест [...]. [И маркграф] прибыл к Адрианополю и осадил его, и натянул вокруг свои шатры и палатки». Славное овладение имперскими землями, воспетое менестрелями войска, явно грозило обернуться междоусобной войной. Но в Константинополе дож и знатные бароны заставили Балдуина уступить, и в сентябре 1204 г. тот, после того как «много было сказано резких слов», признал, что внял дурному совету. Бонифаций Монферратский получил всю свою землю, включая Салоники. С тех его владения стали княжеством, откровенно независимым от империи, которая, уже кое-что потеряв, вскоре утратила и другие территории. Соратник Бонифация Монферратского Отон де Ла Рош, сеньор из Франш-Конте, когда власть Бонифация над Салониками была упрочена, покинул его и во главе не очень многочисленного отряда рыцарей двинулся на юг, предпринимая новую авантюру. Он захватил Фивы

и Афины, принял титул великого герцога и предложил рыцарям Святой земли и Константинополя присоединяться к нему. В этом самом герцогстве Афинском, на приветливой земле, пригодной для освоения, где ничего не знали о делах и поступках императора Балдуина, жило много латинян, отнявших владения у греков. Отон де Ла Рош оставил герцогство в наследство своему племяннику Ги де Ре, приехавшему из Франции с тремя братьями и двумя сестрами. В 1208 г. Иннокентий III основал архиепископство Афинское, включившее одиннадцать викарных епископств, а потом, в 1212 г., — архиепископство Коринфское с семью епископствами.

Жоффруа де Виллардуэн, племянник маршала, в Заре покинул войско, взяв с собой сильный отряд рыцарей, которые, храня верность обету, подняли паруса на кораблях, зафрахтованных на их деньги, и отправились на помощь франкам Акры. Через несколько месяцев, на обратном пути на Запад, отдельные корабли, захваченные штормом, были выброшены на побережье Пелопоннеса, где Иоанн Кантакузин, зять Исаака Ангела, воевавший тогда с латинянами — хозяевами Константинополя, взял рыцарей с этих кораблей к себе на службу. После смерти Кантакузина Виллардуэн отказался признавать его сына, вступил в соглашение с Гиљомом де Шанлиттом, внуком графа Генриха Шампанского, и оба, победив весной 1205 г. греков, заняли все побережье к югу от Коринфа, а потом и значительную часть полуострова. Это очередное латинское княжество, отнятое у греков, у венецианцев, вынужденных довольствоваться западным побережьем, и у латинян Константинополя, поскольку было откровенно завоено без уведомления последних, стало совершенно

независимым от империи и приняло название «Ахейского королевства», а позже — княжества Морейского. За грубым завоеванием произошли последовательная оккупация земли и очень успешная социальная интеграция — куда быстрее и удачней, чем в империи Балдуина. Виллардуэн дал земли сначала госпитальерам, тамплиерам, тевтонским рыцарям, архиепископу Патрскому, едва тот принял свой сан, а потом создал двенадцать баронств, включавших от четырех до двадцати фьефов, отдав их рыцарям, которые почти все взяли жен из знатных домов Французского королевства. Виллардуэны передавали здесь монаршую власть от отца к сыну, а позже, наследуемое дочерьми, это княжество оставалось франкским более двух веков, и на его престол претендовало несколько европейских родов — в частности Анжуйский и Арагонский¹.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ КНЯЖЕСТВ

Греки уступили не всё. Императоры и свергнутый узурпатор нашли убежище вдалеке от Константинополя, достаточно надежное, чтобы тоже образовать княжества, не вошедшие в Латинскую империю. Мурзуфл отошел не более чем на четыре дневных перехода, взяв с собой жену и дочь узурпатора Алексея III. «И этот император Алексей пребывал со всеми людьми в некоем городе, называемом Месинополь, и еще удерживал за собой большую часть земли». С другой стороны, крупнейшие греческие магнаты удалились

¹ Впоследствии — несколько французских знатных родов: соглашение, которое Филипп Красивый силой заставил подписать его участников 29 июля 1213 г. в Фонтенбло, включало пять обещаний заключить брак, гарантируемых уступками земель и прав.

в разные места за проливами, где каждый из них стал властителем находившихся там провинций и крепостей. Мурзуфл тоже к тому времени захватил город под названием Цурул, покоренный императором Балдуином; он его полностью разграбил «и захватил в нем столько, сколько нашел». Собирая сторонников, принимая недовольных, изгнанники из Константинополя, Салоник и нескольких больших городов, другие беглецы и представители греческой аристократии, прочно укоренившись в более или менее удаленных провинциях, демонстрировали, что отнюдь не намерены уступать место латинским чужеземцам, которые часто были вынуждены оставаться в пределах своих укрепленных лагерей, не в состоянии предпринимать больших наступлений.

Алексей и Давид Комнины, внуки императора Андроника I Комнина, которые еще в апреле 1204 г., до взятия Константинополя латинянами, стали правителями Трапезунда, сделали этот город столицей некоего подобия княжества, более века сохранявшего независимость. Михаил Комнин Дука, правитель городка Арты, провозгласил себя деспотом Эпира — государства, территория которого включала северо-восток Пелопоннеса и часть Фессалии. Его брат и наследник Феодор объявил себя императором Салоник. Самая опасная угроза исходила из Азии, где франки заняли только широкую полосу земли юго-западной проливов. Феодор I Ласкарис, связаный родством с Комнинами и Ангелами, женатый на дочери Алексея III Ангела, бежал из Константинополя и нашел убежище на землях близ Мраморного моря, а потом в ионийском Нимфее, где попытался вступить в соглашение с генуэзцами, которые, изгнанные из Кон-

стантинополя, готовили свой реванш на Хиосе¹. Во главе отряда, нанятого купцами и нобилями Генуи, он вступил победителем в Никею, где в марте 1208 г. его в качестве императора короновал новый греческий патриарх Михаил Авториан, и стал принимать к себе знать, купцов, командиров отрядов, бежавших из Константинополя. Именно Никейской империи предстояло в 1261 г. при помощи генуэзцев изгнать латинян и венецианцев из Константинополя и положить конец константинопольской Латинской империи.

Франки толком не умели удерживать эту небольшую часть бывшей империи, в Азии не захватили ничего или почти ничего, а в Европе не зашли намного дальше Салоник. Постоянно ведя войны с болгарами или непокорными греками, они получали подкрепления только в случаях приезда рыцарей, искавших богатую добычу, но плохо осведомленных, которые покидали свои фьефы или гарнизоны в Акрском королевстве, чтобы присоединиться к ним. В первое время их вылазки за пределы города на день-два, иногда на ночь, были только рискованными набегами за зерном, лошадьми, скудными трофеями. Вассалы изменяли своим вождям, в самый разгар боя обращаясь в бегство, чтобы достичь укрепленного лагеря или укрыться в Константинополе. Франков охватывали

¹ Робер де Клари не мог знать всего, но тем не менее сообщил, как греки избрали императора в своей среде: «Когда греки увидели, что их император убежал, они разыскали в городе некоего знатного мужа по имени Ласкер и прямо этой же ночью спешно поставили его императором. Когда он был поставлен императором, то не отважился там остаться, а еще до восхода сел на галеру, переплыл рукав Св. Георгия и уехал в Никею Великую, а это богатый город; там он остановился и потом стал в нем сеньором и императором» (*Робер де Клари*. Цит. соч. С. 58).

сомнения и отчаяние: вечером после тяжелого отступления пять больших венецианских кораблей, стоявших в Золотом Роге, подняли якорь и отплыли с толпой баронов, рыцарей, пехотинцев и слуг на борту.

Отдельные воинские подвиги, города, взятые приступом, сражения, выигранные благодаря конным атакам рыцарей, не могли затмить больших и тяжелых провалов. Латинские императоры много претерпели, и даже основать династию им оказалось очень непросто. Балдуин I, попав в плен 14 апреля 1205 г. под Адрианополем, умер у болгар, и никаких вестей о нем после пленения не поступило. Ему наследовал его брат Генрих I Константинопольский, который, овдовев после смерти Агнесы Монферратской в 1208 г., женился, чтобы заключить мир, на Марии, дочери болгарского хана. После его смерти в 1216 г. императором сделали Пьера II де Куртене, в то время находившегося не на Востоке. Его миропомазал в Риме папа Гонорий III. Несмотря на все усилия, до Константинополя он так и не добрался: взятый в плен в следующем году Феодором Ангелом, в 1219 г. он умер в заключении. Его старший брат отказался от короны, а сын, Роберт де Куртене, царствовал почти десять лет. Наконец, брат последнего Балдуин II оставался императором намного дольше, но в 1261 г. был изгнан греками и генуэзцами.

«ВЕНЕЦИАНСКАЯ РОМАНИЯ»

В те же самые годы, когда Латинская империя, сократившаяся до нескольких земель, силилась их сохранить ценой гибели стольких людей, империя венецианская успешно укреплялась и не прекращала расти. Взятие Зары и надежное укоренение венецианцев на Корфу

и других соседних островах сделали Адриатическое море их внутренним озером, где они контролировали всю торговлю, отбросив венгров далеко от побережья и нанеся тяжелые удары по портам Апулии. Их Восточная империя, которую они называли «венецианской Романией», чтобы придать ей больше блеска и напомнить о временах, когда Венеция была тесно связана с константинопольской Римской империей, возникла, конечно, не в результате какого-то там отклонения. Уже более века как они, сначала отдельные купцы, а потом настоящая переселенческая колония, обосновались в самом Константинополе, на берегах Золотого Рога, где их поселения, пользовавшиеся широкой автономией, вытеснили все прочие — пизанские, генуэзские, каталонские и провансальские. Главные действующие лица операции 1202 г., венецианцы, сначала одни, а потом просто активней всех старались не допустить похода в Палестину. Без них «крестоносцы» не покинули бы берегов Западной Европы. Они заставили дорого за это заплатить. Балдуин I, император, получил четверть бывшей константинопольской Греческой империи, а остальное, три четверти, было разделено между франками и венецианцами, причем последние стали, согласно остроте, которую они всегда с удовольствием повторяли, «властителями четверти с половиной Греческой империи». В Константинополе они взяли под свою власть, игнорируя условия раздела, все гавани Золотого Рога, несколько богатейших дворцов, Святую Софию и почти все церкви, назначив туда священников, прибывших на борту их кораблей, а также других, намного более многочисленных, которые спешно покинули свои приходы в Светлейшей республике.

Без подвоза войск неспособные отстоять свои права на обширные территории, по существу венецианцы селились только по берегам. Например, в Короне и Модоне, ставших для них портами захода на морском пути на Восток. Однако их галеры, боевые корабли, выполнив свои задачи, стали использоваться для каперства и военных действий в средиземноморском Леванте. Их экипажи нападали на плохо защищенные острова, не считаясь с правами ни императора, ни даже дожа, забирали все себе, и некоторых вскоре постигла печальная судьба авантюристов, а другие, более удачливые, получив поддержку со стороны третьих лиц и найдя союзников среди греков, заставили признать себя властителями открытых городов. Марко Санудо повел свой флот на приступ Наксоса, потом, заняв все Киклады, принял титул «герцога Архипелага» и сделал своих родных и близких правителями Андроса, Санторина, Тиноса, Миконоса, а после особо дерзкого рейда подарил Спорады родственникам дожа — несомненно, чтобы добиться прощения. Отряды наемников на жалованье у дожа Дандоло зашли далеко на юг, добравшись до самого Крита; высадившись там, они заняли лишь отдельные полосы земли на побережье, но этого было достаточно, чтобы дожидаться подкреплений из Венеции и, несмотря на упорное сопротивление греков под руководством их правителей — архонтов, в конечном счете через несколько лет захватить весь остров.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД:

ОТКЛОНЕНИЕ ИЛИ РАСКОЛ?

Чтобы рассуждать о такой странной операции, какой был четвертый крестовый поход, задним числом

нашли слово «отклонение» — вероятно, это сделали авторы учебников, выделяя то, что выглядело самым важным, а именно взятие Константинополя латинянами. Но при чтении текстов обоих главных хронистов того времени хорошо заметно: они, безусловно, хорошо осведомленные, говорят, что армия не отклонилась, а «раскололась», так как многие рыцари отказались поступать на службу к венецианцам и предпочли поехать на помощь франкам Святой земли. Очевидцы, имевшие очень разное происхождение и игравшие далеко не равные роли в походе, а потом в основании восточной Латинской империи и в управлении ею, тем не менее дружно сожалеют о том, что, умалчивая о настроениях в армии, именуют роковыми дезертирствами.

В Венеции собралась всего треть рыцарей, которых ожидали. Эти люди не преминули оповестить земляков о своем затруднительном положении, почти о нищете, и о том, как с ними обошлись венецианцы, заставившие их разбить лагерь на острове Лидо, словно в карантине. Слухи об их нужде и об огромной денежной сумме, которую им предстояло еще собрать, не ободряли, а скорее расхолаживали их потенциальных соратников, особенно бедняков, которые, зная, что неспособны оплатить свой проезд, возвращались по домам. Несколько групп сеньоров и рыцарей предполагали отплыть из Марселя, Генуи или портов Южной Италии, где они, несомненно, заплатили бы меньше и, во всяком случае, не оказались бы на службе у венецианцев. Им навстречу выехали эмиссары во главе с графом Гуго де Сен-Полем и Виллардуэном, чтобы умолить их «проникнуться жалостью к Заморской земле и убедить, что никакая другая дорога не выгодна так, как через Венецию». Те, кого они встре-

тили в Павии, позволили себя уговорить, и тем самым «их увещевания и просьбы склонили повернуть к Венеции довольно многих людей, которые собирались было пойти другими путями в другие гавани». В самом деле, граф Луи Блуаский, который, прибыв в Италию, еще колебался в выборе пути, доехал до Венеции и в течение всей авантюры был одним из знатнейших баронов, которых оба хрониста поминают по всякому поводу. Но другие, в том числе Рено де Дампьер и Анри де Лоншан вместе со множеством вассалов, сержантов и пехотинцев (в общей сложности несколько сот человек), оставались в Пьяченце, где одно братство принимало паломников, шедших в Компостелу или Рим, и давало им советы, и выступили оттуда в Бриндизи с намерением сесть на суда. Еще одна группа, несомненно, более многочисленная, которая открыто возвышала голос на советах и заявляла, что не хочет как изменять присяге и воевать с христианами Зары, так и поступать под начало венецианцев, которые, что было хорошо заметно, намеревались поступать с этой армией как вздумается, — вышла в море без подготовки, чтобы самым прямым путем достичь Сирии. Этьен Першский, больной или, может быть, раненный при крушении своего судна во время отплытия, долго оставался со своими людьми в Венеции и в марте 1201 г. тоже поехал искать порт в Апулии.

Отпрыск знатного, богатого и уже прославленного шампанского семейства Жоффруа де Виллардуэн, с 1185 г. маршал Шампани, был, как мы видели, одним из тех, кто после смерти Тибо III Шампанского убеждал баронов признать вождем Бонифация Монферратского. Он был одним из шести делегатов, посланных в Ве-

нецию для заключения договора об оснащении флота, а позже, в Константинополе, — одним из тех, кто ездил к императору Исааку Ангелу с требованием выполнить обещания. Самый выдающийся человек в совете христианских баронов и самый мудрый в армии, он до смерти в 1213 г. оставался не только исключительно важным свидетелем, но и советником будущего Балдуина I¹. Никто другой не мог так авторитетно, как он, говорить о соглашении и деловых переговорах с венецианцами и о том, что говорилось на собраниях. Маршал Шампани и Романии, решительный сторонник отречения баронов от их клятвы, он не дает слова тем, кто возмущался и не желал следовать за армией в Константинополь, но неизменно изображает их агрессивными, все время угрожающими либо вернуться домой, либо следовать в Акру на собственные средства. Он их сурово осуждает, обвиняя в бесчестности и измене делу истинных христиан: «Ах! Какая была это беда, что прочие, те, кто отправился в другие гавани, не явились сюда! Как было бы вознесено христианство и как унижена была бы земля турок!» Он сам с тремя другими вельможами был послан к па-

¹ Его рассказ завершается 1207 г., годом смерти Бонифация Монферратского. Известно шесть рукописей этого рассказа, который очень скоро несколько раз переписали и некоторые рукописи перевели на французский, более или менее переработав, дополнив или включив в более значительные труды. В 1573 г. Паоло Рамузио сделал в Венеции латинский перевод [*Ramusio, Paolo. Pauli Rhamnusii Veneti De bello Constantinopolitano et imperatoribus Comnenis per Venetos et Gallos restitutis, 1204. Venetiis: apud D. Nicolinum, 1604*], а в 1585 г. «История» Виллардуэна была напечатана в Лионе [в Париже] под заглавием: *L'histoire de Geoffroy de Villehardouyn... de la conquête de Constantinople par les barons François associez aux Venitiens, l'an 1204. A Paris: chez A. L'Angelier, 1585.*

ломникам, собиравшимся отплыть из других портов, кроме Венеции, «чтобы ободрить их, и просить их проникнуться жалостью к Заморской земле, и убедить, что никакая другая дорога не выгодна так, как через Венецию». Эти старания пристыдить «верных» и бессовестно оправдаться показывают, как много народа не желало ехать в Венецию. Из двадцати шампанских рыцарей, принявших крест в 1201 и 1202 гг., под стенами Константинополя оказалось всего девять.

В Заре аббат Во-де-Серне, один из вождей, наиболее враждебно относившихся к идее штурмовать город, пригрозил отлучением тем, кто станет сражаться с христианами — подданными венгерского короля. Позже, когда жители подписали с дожем Дандоло договор о безоговорочной капитуляции, некоторые вожди заявили городским уполномоченным: «Почему вы хотите сдавать свой город? Пилигримы не нападут на вас, и вам нечего их опасаться. Если вы в состоянии защищаться от венецианцев, то можете быть спокойными». После взятия Зары многие франки не выдержали опеки, навязанной дожем: «На третий день под вечер в войске случилась большая беда, ибо между венецианцами и французами началась распря весьма великая и весьма яростная; и со всех сторон схватились за оружие; и распря была столь велика, что мало было улиц, где не велось бы великое сражение мечами и копьями, и арбалетами, и дротиками; и множество людей было там ранено и убито. [...] и рассудительные люди, которые не хотели зла, ввязались, вооруженные, в схватку и начали ее унимать; и когда они разнимали ее в одном месте, она возобновлялась в другом. Таким образом продолжалось дело до глубокой ночи; [...] и недостава-

ло малого, чтобы рать была загублена»¹. Дезертирство Рено де Монмирайя было составной частью массового отъезда, в котором, по словам Виллардуэна, участвовало около тысячи человек — как знатные мужи вроде Симона IV де Монфора² и его брата Ги, которые вместе с верными вассалами присоединились к венгерским войскам, не сумевшим прийти на помощь Заре, так и множество простолюдинов, настоящих паломников. Из них пятьсот человек погибло в кораблекрушении, а другие, которые бежали ночью по лесным и горным дорогам и след которых затерялся, несомненно, были захвачены разбойниками, обречены на жестокую нищету и проданы в рабство на невольничьих рынках. Наконец, в той же Заре, когда венецианский флот уже поднимал якоря, Ангерран де Бов, сеньор фьефов под Амьеном, покинул лагерь, а с ним его брат Гуго «и столько людей из их земель, сколько они могли увести с собой».

На Корфу недовольных дворян из нескольких графств, прежде всего из Шампани и Сен-Поля, оказалось так много, что могло показаться, «что более половины рати было с ними согласно» [в призывах к мятежу]. Они собрались отправить несколько представителей к Готье III де Бриенну, воевавшему тогда в Южной Италии, чтобы тот прислал корабли, которые бы доставили их в Акру. После того как Балдуин Фландрский, будущий Балдуин I Константинопольский, и Бонифаций Монферратский взмолились к ним на коленях, они в конце концов усту-

¹ Жоффруа де Виллардуэн. Цит. соч. С. 24–25.

² Симон IV де Монфор принимал участие в немецком походе 1197 г. и провел два года в Сирии.

пили, однако заявили, что будут сражаться в этой армии только четыре месяца, после чего начиная с Михайлова дня (29 сентября 1203 г.), где бы они ни оказались, им в течение пятнадцати дней должны были предоставить флот из добрых купеческих судов, чтобы перевезти их всех на Восток.

Другие, несомненно, более опасные дезертирства совершали рыцари, которые, вместо того чтобы ехать в Венецию, снаряжали или нанимали флоты с целью добраться непосредственно на Святую землю. Летом 1202 г. несколько знатных мужей отплыло из Марселя на кораблях, зафрахтованных на их деньги, направляясь прямо в Святую землю¹. Это была далеко не жалкая горстка. Виллардуэн горько сетует по этому поводу, утверждая насчет «флота Фландрии, который перезимовал в Марселе; все они летом двинулись в страну Сирию», что «там было весьма много людей, гораздо больше, чем тех, что находились перед Константинополем». Они должны были соединиться с армией в Модоне, но встреча не состоялась: то ли они не пошли туда, «потому что убоялись и сами они, и многие другие великой опасности, в которую ввязались те, кто находился в Венеции», то ли пришли слишком поздно и могли сказать, что от их графа нет никаких вестей. В Марселе, где они сделали большую стоянку на всю зиму, находилась

¹ Робер де Клари [Жоффруа де Виллардуэн. — *Пер.*] приводит некоторые имена: епископ Отёнский, граф Форе, Гуго де Шомон, Жан де Виллар, Готье де Сен-Дени и Жиль де Тразиньи — вассал графа Балдуина, который получил от последнего за то, что будет его сопровождать, сумму в пятьсот ливров, но отказался следовать за ним в Венецию.

греческая принцесса Феодора¹, дочь Исаака Ангела, недавно объявившего себя «императором» Кипра. Эта принцесса, уже принявшая участие не в одной авантюре, нашла готовых следовать за ней союзников, выйдя замуж за одного рыцаря с фламандского флота. Часть этого флота стала крейсировать вдоль самого побережья Африки, тут и там предпринимая грабежи и даже совершив набег на Триполи, но большинство кораблей и рыцарей двинулось прямо на Восток, где король Амори II Иерусалимский запретил им высаживаться на Кипре. 25 апреля 1203 г. они бросили якорь в Акре. По дороге, в Марселе или несколько дальше, в каком-то другом порту захода, к ним примкнул сильный отряд бургундских рыцарей и воинов во главе с епископом Отёнским и несколькими сеньорами из Франции — Ги IV, графом Форе, Гуго де Шомоном, Готье и Гуго де Сен-Дени, которые тоже не присоединились к основной армии. Некоторые, в том числе Рено де Дампьер, Анри де Лоншан и Вилен де Нейи, перешли Альпы, рассчитывая отплыть из Бриндизи.

Настоящим «отклонением», операцией, которая не имела никакого отношения ни к помощи христианам Святой земли, ни к службе Богу, был поход на Сицилию, который проповедовал или по меньшей мере поощрял папа. Еще в 1197 г. император Генрих VI, чтобы прибрать к рукам Южную Италию, оставил при себе несколько сот рыцарей, не включив их в армию, которую послал на Восток. Лишь через пять лет папа Иннокентий III, избранный в 1198 г., оказал полную поддержку Готье III де

¹ Grousset R. Histoire des croisades... Op. cit. T. 3, p. 312, 337, 401, 504, 507, 692, 695.

Бриенну, который, едва женившись на Эльвире, дочери Танкреда Леккского, стал претендовать на ее наследство. Официально признанный в Риме владельцем части этого наследства, располагая военной казной в размере тысячи ливров, благодаря тому что заложил свою землю Бриенн, но сопровождаемый всего сотней рыцарей, Готье выступил в поход и сумел привлечь на свою сторону немалую часть неаполитанской знати. Он выиграл два боя со сторонниками юного Фридриха II¹ и с ватагами разбойников во главе с авантюристом Дипольдом фон Фобургом — под Капуей в 1201 г. и под Каннами в том же году, но 11 июня 1205 г. под Сарно попал в окружение. Попав в плен, он умер в тюрьме².

Принес ли этот «раскол» армии, который бароны в Константинополе постоянно осуждали, считая, что их предали, по-настоящему существенную помощь франкам Святой земли? Следует ли верить или, скорее, полагать, что Виллардуэн, не имея возможности подсчитать личный состав, желал, называя большие цифры, тем более заклеить «измену» военачальников отколовшихся отрядов и в то же время прославить героизм тех малочисленных бойцов, которые захватили город — ца-

¹ Будущему императору Фридриху II тогда было шесть лет.

² Сеньоры Бриенна, вассалы графов Шампанских, в течение нескольких поколений активно участвовали в делах Востока. Эрар II де Бриенн побывал в Святой земле вместе с Людовиком VII в 1147 г., а потом вместе с Филиппом Августом в 1189 г. Его сын Жан с 1212 по 1225 г. был королем Иоанном Иерусалимским. Готье де Бриенн, граф Яффы, в 1239 г. был взят в плен в Акре. Гуго, граф Леккский, брат сицилийского короля Готье III, женился на Изабелле де Ла Рош, дочери герцога Афинского, а вторым браком — на Елене Комниной. Его сын Готье V (ум. в 1311 г.) и внук Готье VI (ум. в 1356 г.) оба были герцогами Афинскими.

рицу Востока, столь густонаселенный и хорошо защищенный? В 1974 г. три автора длинной статьи «Забытое большинство», изучая причины всех этих отъездов или отказов, личности вождей и маршруты их движения, как будто вполне подтвердили слова пристрастного хрониста¹. Собственно, привести цифры и утверждать, что бароны и вельможи, отказавшиеся нападать на населенные христианами города, на самом деле представляли большинство среди тех, кто в 1201–1202 гг. принял крест в Шампани и во Фландрии, не может никто. Но намеренно выбранное заглавие совершенно правомерно привлекает внимание к этим походам, которые, часто забываемые современными авторами книг, демонстрируют: то, что можно назвать крестоносным духом, еще побуждало некоторых пытаться счастья на Востоке.

Амори II создавали большие проблемы эти рыцари и вооруженные паломники, которые, прибывая на его землю волна за волной, громогласно заявляли, что намерены немедленно идти воевать, притом что он мечтал лишь сохранить мир с каирскими мусульманами. Пришельцы, не желая усиливать охрану замков, сразу бросались в такую авантюру, как война с мусульманами. Многие соратники Рено де Дампьера погибли в бою, а он сам, попав в плен, тридцать лет провел в заключении в Алеппо. Другие вскоре отплывали обратно в Италию или принимали приглашение поддержать того или иного претендента на престол Армении. Еще больше, возможно, было тех, кто после взятия Константинополя вновь выходил в море, чтобы принять участие в разделе

¹ Queller D.E., Compton Th.K., Campbell D.A. The fourth crusade: The neglected majority // *Speculum*. 1974 (Jul.). V. 49. No. 3. P. 441–465.

земель и привезти латинскому императору подкрепление в живой силе. Еще зимой 1204 г. у берегов Босфора бросил якоря флот, на борту которого находились Рено де Монмирай, Этьен Першский и несколько баронов; в 1202 г. они не пожелали следовать за армией, потерпели неудачу в своих начинаниях на Святой земле и прервали поход на Антиохию, понеся большие потери в людях.

Ни папа, ни епископы, ни монахи не призывали королей и князей браться за оружие, чтобы поддержать хрупкую Латинскую империю, посмевавшую возникнуть на враждебной территории. Так что завоевание Константинополя лишило франков Святой земли всякой надежды получить существенную помощь как в людях, так и в деньгах. Балдуин I, император, в письмах и посланиях предлагал земли тем жителям Палестины, кто пожелает присоединиться к нему: «Он посылал гонцов в Заморскую землю и велел объявлять по всей земле, что, если кто-то хочет иметь земли, пусть идет к нему. И как раз ради этого пришло до ста рыцарей из Сирийской земли и еще до десяти тысяч других»¹. Как можно было противостоять искушению обменять трудное и опасное существование на Ближнем Востоке на эльдорадо Босфора и Мореи, где надо было сражаться не со страшными турецкими и курдскими воинами, а всего лишь с изнеженными греками? Уклонение от защиты франкских государств в Палестине приняло такие масштабы, что забеспокоился сам папа и отчитал своего легата Пьера де Сен-Марсея, который тоже покинул Акру, спеша в Константинополь: «Ваш отъезд оставляет Святую зем-

¹ Grousset R. Histoire des croisades... Op. cit. T. 3, p. 84.

лю без людей и без средств к защите. Ваша миссия состояла не в том, чтобы брать Константинополь, а в том, чтобы оберегать остатки Иерусалимского королевства и возвращать то, что было утрачено»¹.

В 1261 г. в результате второй осады Константинополь попал в руки греков, отчего Балдуин II уехал во Францию и Латинская империя официально прекратила существование. Однако латинское присутствие на Востоке осталось не менее реальным — в Иерусалиме.

¹ *Luchaire A. Innocent III: la question d'Orient. Paris: Hachette, 1907. P. 136.*

ГЛАВА V. ЛАТИНО- ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО: ОСАЖДЕННЫЙ БАСТИОН (1210–1295)

Выправить положение этого латинского королевства франкам удалось в немалой мере благодаря более предприимчивой дипломатии, лучшему знакомству с мусульманским Востоком за период, в который христиане провели несколько кампаний по евангелизации, а также благодаря тому, что как в Каире, так и в Дамаске преемники Саладина вели меж собой бесконечные распри, из-за чего искали среди франков союзников, а чаще были вынуждены договариваться о перемириях, которые заключались сначала на несколько лет, потом продлевались — и в результате воцарялся мир.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

В 1213 г. папа Иннокентий III, два года назад просивший помощи и содействия у христиан Грузии, обнародовал буллу с целью напомнить о пленении Иерусалима и призвал европейцев вооружаться, собираться и выступить в поход. Речь шла о том, чтобы ехать сражаться на Восток, спасая то, что еще осталось от латинского королевства. Проповедники, среди которых хронисты и историки особо выделяют Роберта де Курсона

во Французском королевстве и Оливера Падерборнского во Фландрии и на Рейне¹, были очень активны. Поскольку они уверяли, что пришедшие их послушать якобы обретут те же заслуги и защиту со стороны церкви, что и принявшие крест, их проповеди привлекали многочисленные толпы, и обязательство выступить в поход давали бедняки, неспособные носить оружие и платить за переправу, и даже старики и больные, что впоследствии сурово осуждалось.

Отъезды не замедлили начаться, но, как и в ситуации с отщепенцами, не принявшими участия в основном походе в 1203–1204 гг., снова двинулась не единая и большая армия из нескольких тысяч бойцов под единым командованием, а отряды из разных краев по несколько сот рыцарей, отправлявшиеся волна за волной. Вместе они, собственно говоря, никогда не собирались, но все-таки признали общим вождем Иоанна де Бриенна, принявшего титул короля Иерусалима, после того как он в 1212 г. женился на Марии Монферратской, дочери Конрада и Изабеллы Иерусалимской.

Граф Голландский, рыцари из долины Рейна и Фландрии оснастили несколько кораблей и, обогнув континент и надолго задержавшись в Португалии, где помогли местным жителям взять сильную крепость Алкасер-ду-Сал, еще находившуюся в руках мусуль-

¹ Роберт де Курсон [Керзон], англичанин, родившийся в 1170 г. в Кедлстоне, Дербишир, учился во Франции и в Италии. Канцлер Парижского университета, в 1212 г. он стал кардиналом; умер во время осады Дамьетты в 1218 г. от лихорадки. Оливер Падерборнский, умерший в Отранто в 1227 г., тоже присутствовал при осаде Дамьетты. Ему приписывают изобретение осадной машины, способной метать в укрепления большие камни.

ман, несколько недель крейсировали в Средиземном море, прежде чем достичь берегов Сирии. Герцог Лепольд VI Австрийский и другие сеньоры из долины Рейна, чтобы отплыть, отправились в Сплит, в Хорватию, а венгерский король Эндре получил помощь венецианского флота, после того как смирился с потерей Зары. Людей, разместившихся после прибытия в лагерях под Акрой, рыцарей, оруженосцев и сержантов, оказалось так много, что всех не могли прокормить. Многие немедленно отплыли обратно, тогда как другие, неспособные найти возможность для переправы или оплатить ее, промышляли грабежами. В конце концов итогом этих действий, несмотря на весь их размах, стали только укрепление замков и строительство мощной крепости Шато-Пелерен, перекрывшей на юге дорогу египтянам. На втором этапе, в 1217 г., в Святой земле все так же поочередно высадились англичане графа Честера, итальянцы, которых называли ломбардцами, люди Эда Бургундского, графов Неверского и Маршского, а потом люди Гуго де Лузиньяна и герцога Лепольда VI Австрийского, которому пришлось заплатить шесть тысяч марок серебра тевтонским рыцарям, чтобы вооружить своих людей.

Эти бароны и рыцари не уезжали надолго, покидая всё, в отличие от участников первого большого похода 1096–1097 гг., когда некоторые даже были готовы поселиться на завоеванных землях и в завоеванных городах и основать там династию. Многие, откликаясь на призыв папы и проповедников в 1215 г., давали обет остаться в Святой земле всего на два года. Поездка по морю теперь занимала у них намного меньше времени, чем долгие странствия былых времен, и теперь многие

сеньоры и даже бароны еще раз-другой возвращались на Восток. И столь же часто за отцом следовал сын, а за старшим братом — младший.

Здесь нельзя говорить, как это делали восторженные хронисты первого похода, об общем подъеме всего западного христианского мира. В тех операциях, которые авторы наших учебников, по-настоящему не всегда уверенные, что ничего не забыли, и сводящие вместе действия совершенно разные, чохом определяют как «пятый крестовый поход», участвовали жители разных стран — северяне, англичане, обитатели долины Рейна, вассалы или союзники императора в Италии, а жители Франции происходили преимущественно из Фландрии, Шампани и Бургундии. Никого или почти никого не было из королевского домена, из Нормандии и из герцогств или графств южнее Луары. Правда, тогда же шли альбигойские походы, но можно также полагать, что некоторые знатные бароны, владевшие землями и в этих больших фьефах, в конечном счете договорились, заключив соглашения и союзы, что участвовать в этой защите латинского Иерусалимского королевства будут они одни.

Они присоединились к войскам иерусалимского короля Иоанна де Бриенна, который в мае 1217 г. привел свой флот к стенам Дамьетты и разбил под ними лагерь. Это, несомненно, как и при короле Амори, было сделано в надежде нанести ощутимые удары мусульманам, поставив под свой контроль торговлю по Нилу, и обменять завоеванные города и местности на Иерусалимское королевство, чтобы оно снова стало христианским. Но говорилось и о бедах египетских христиан, как прежде — о бедах христиан Иерусалима. В одном

письме, адресованном папе, несчастья этих христиан описывает патриарх Александрийский: «Архиепископы и епископы, священники и духовные лица и все христиане, живущие в Египте, обращают к Вашему Святейшеству свои мольбы, смешанные со вздохами и слезами. У нас в домах совсем нет лошадей, мы не можем носить своих мертвых по городу с крестом; если какая-либо христианская церковь рухнет от несчастного случая, мы никоим образом не смеем ее восстанавливать. Уже четырнадцать лет каждый христианин Египта платит “дзезье” [джизью], которую латиняне называют “дань” и которая составляет один золотой безант и четырнадцать каруб¹; если он беден, его бросают в тюрьму, и он не может из нее выйти, не заплатив дань. Христиан в Египте так много, что в казну султана приходится каждый год платить десять тысяч сарацинскими золотыми безантами, вавилонской монетой. Что Вам сказать еще, если христиан используют на самых оскорбительных и унижительных работах, даже на уборке городских площадей [...]. Так же как святые до пришествия Христа ждали искупления и освобождения людей Сыном Божиим, так и мы, томясь, ждем появления Вашего сына, императора»².

Но переговоры не имели успеха, и Дамьетта, хорошо защищенная мощными укреплениями, держалась долго, пав только 5 ноября 1219 г. Захватив огромную добычу, франки не смогли договориться и раскололись на две партии, спорившие из-за власти над городом и рас-

¹ Карубы использовались еще в Древнем Египте как мелкие монеты.

² Michaud J.-F. Op. cit.

пределения дворцов и больших домов. Иоанн де Бриенн вернулся в Акру, и папский легат Пелагий, епископ Альбанский, заставил признать себя командующим. Он потребовал, чтобы крестоносцы начали наступление на египетские войска до прибытия немецких и итальянских рыцарей, собранных в Апулии императором Фридрихом II. Убежденный в помощи со стороны христианского царя Грузии и царя Эфиопии, он рассчитывал на разгром, а то и на уничтожение мусульманских государств в этой части Востока и хотел, чтобы дельту Нила на долгие годы заняли франки.

В Дамьетте, где венецианцы, чтобы окупить оснащение своих кораблей, пытались отнять у людей иерусалимского короля, тамплиеров и госпитальеров богатейшие дворцы, шли раздоры. И никто не находил общего языка с другими. В те дни стоял сильный зной, и новые хозяева города, страдая от болезней и нехватки пищи (притом что противник разрушил плотины на одном из рукавов реки), окруженные со всех сторон, оставили город без боя и 30 июня 1221 г. подписали перемирие на восемь лет, превратив его в капитуляцию, за которую им немедленно организовали хорошее снабжение, а потом вернули пленных. Египетский поход, названный с тех пор «походом легата Пелагия», завершился, как и ряд других, сокрушительной катастрофой.

ФРИДРИХ II И ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Во время предыдущего крестового похода император Фридрих II Гогенштауфен заявил, что намерен принять в нем участие, но без конца откладывал отъезд. Когда папа Гонорий III (избранный в июне 1216 г.) пригрозил ему отлучением, он назначил отплытие на 1219 г., а по

прошествии этого года, вступив в переговоры с Иоанном де Бриенном, послав солидные подкрепления тевтонским рыцарям в Святой земле и поспособствовав тому, чтобы они там прочно обосновались, принял новое обязательство — на июнь 1225 г. В этом году он женился на Изабелле, дочери Иоанна де Бриенна и Марии Монферратской и наследнице Иерусалимского королевства. Брак был заключен по доверенности в Тире, в Сирии, а Фридрих короновался как король Иерусалима в Италии, в Фодже, потребовав оммага от всех баронов и рыцарей Святой земли. Несмотря на обещания, сделанные в ходе этой церемонии, Иоанну де Бриенну пришлось отказаться от всех прав на титул. Император назначил очередную дату — 15 августа 1227 г., заверив, что выйдет в море, взяв с собой более тысячи рыцарей, и останется в Святой земле не меньше чем на два года. 8 сентября он отплыл из одного порта в Апулии, но через несколько дней сказался больным и вернулся в Италию, за что папа Григорий IX (избранный в том же году) отлучил его. В апреле следующего года он прислал крупный отряд из итальянцев и немцев под командованием Риккардо Филанджьери, одного из своих вельмож, неоднократно принимавшего участие в управлении Южной Италией, а сам вышел в море с колоссальной помпой, чтобы никто не мог заметить его отъезда, только 28 июня 1228 г., через семь лет после того, как принял крест. Он взял с собой всего несколько сот рыцарей, но, хоть и был отлучен, бесспорно оставался императором, королем Иерусалима и по-прежнему, несмотря на все усилия и интриги папы, крепко держал в руках Южную Италию — передовую базу для сбора войск и снабжения.

Со своей стороны мусульмане в Дамаске и Каире призывали оказывать сопротивление, объединяться и распускали всевозможные слухи о расколах и распрях у христиан. Один из них, ученый Яфеи, говорил: мол, люди с одного судна, пришедшего с Сицилии в Александрию, сообщили, якобы папа, раздраженный на императора, нанял трех приближенных германского государя, чтобы убить его ночью, — под предлогом, что тот в душе мусульманин. Им обещали передать всё, чем Фридрих II владел в Италии. Император, предупрежденный о заговоре, уложил на свою постель одного из стражников и спрятался с тремястами воинами. Трое убийц бросились на стражника и вонзили в него кинжалы. Фридрих приказал содрать с предателей кожу. Их тела набили соломой и повесили на воротах дворца. Другой ученый, Макризи, утверждал, что узнал о папском посольстве, принятом каирским султаном¹.

По пути император задержался на Кипре. Хорошо принятый Жаном д'Ибеленом, правившим в качестве регента на острове после смерти своего брата Филиппа д'Ибелена, он пригласил его на большой пир вместе с зятем Готье III, сеньором Кесарии, и бывшим королем Салоник Димитрием Монферратским, сыном Бонифация. «Но накануне ночью он велел тайно проделать проход в стене комнаты, которую занимал в Лимасольском дворце, и ввел через него более тысячи воинов — сержантов, арбалетчиков и моряков своего флота, немедленно разместив всех в стойлах и тщательно заперев двери [...], и, прика-

¹ *Extraits des historiens arabes faisant partie de la bibliographie de l'Histoire des croisades de M. Michaud // trad... par J. T. Reinaud. Paris: A. Boucher, 1822. P. 405.* — Историк аль-Макризи (1364–1452) не был современником событий (*Прим. пер.*).

зав лично, где находится каждому, разоружил всех Ибеленов и поступил с ними как с простыми пленными»¹.

Фридрих II прибыл в Акру 7 сентября, но провел на Востоке всего пять месяцев, вновь выйдя в море в апреле следующего года. Опираясь на поддержку тевтонцев, позиции и возможности которых он значительно усилил, он мог вместе с великим магистром Германом фон Зальцей действовать, где хотел. Император проводил в жизнь свои решения без поддержки двух других военных орденов — госпитальеров и тамплиеров. Как сюзерен Армении и Кипра он должен был считаться только с Бертраном де Тесси, великим магистром госпитальеров и патриархом Иерусалимским Геральдом де Лозанном, который старался выполнять указания папы и следить, чтобы чрезмерные уступки мусульманам и грекам не нанесли ущерба латинской церкви на Востоке. Император, несомненно, изначально не собирался предпринять масштабного наступления и хотел добиться мира, который даже без боев стал бы крупным достижением. Он быстро сумел воспользоваться раздорами между султаном Каира и государем Дамаска, который не без труда утвердился у власти. Кампания Фридриха II свелась к нескольким демонстрациям силы — таким, как восстановление стен Яффы и медленное осторожное продвижение большого рыцарского войска к Иерусалиму.

¹ Филипп Новарский, цит. по: *Les gestes des Chiprois: Recueil de chroniques françaises écrites en Orient au XIIIe & XVIe siècles* / publ. par G. Raynaud. Genève: J. G. Fick. 1887. Филипп Новарский (1215–1270), родившийся в Новарской области Италии, был придворным у князей Северной Италии и очень рано уехал жить на Кипр, где вступил в свиту Ибеленов. Его мемуары были изданы Ш. Колером в 1913 г.: *Philippe de Novare. Mémoires, 1218–1243* / éd. par Ch. Kohler. Paris: H. Champion, 1913.

ИЕРУСАЛИМ — СНОВА СТОЛИЦА
ЛАТИНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Перемирие от 18 февраля 1229 г., подписанное в Яффе с каирским султаном на десять лет, не распространялось на Антиохийское и Триполитанское графства, а также на земли, города и замки орденов тамплиеров и госпитальеров. Иерусалим мог восстановить свои укрепления и вновь становился столицей христианского королевства. В его состав входили Назарет и Вифлеем, и каждый соединялся с великим городом отдельной и охраняемой дорогой. Это соглашение резко оспаривал патриарх, с которым ни разу не посоветовались и который обличал все дурные поступки Фридриха II, обвинял его в чрезмерной снисходительности к египетскому султану и объяснял, почему этот мир неудовлетворителен и опасен для христиан. В письме, адресованном папе и всем христианам, длинном обвинении императора в симпатиях к исламу, он писал, что нельзя ждать ничего хорошего от человека, который ведет себя властно, ни с кем не советуется, пренебрегает мнением опытных людей, чрезмерно торопится, не имея при этом настоящего желания сражаться с оружием в руках: «Поведение императора на Востоке, странное и прискорбное, должно быть известно всем христианам. С начала до конца, к великому ущербу для дела Иисуса Христа и христианской веры, от подошв башмаков и до головы он не проявил здравого смысла и приехал отлученный, без денег и всего с сорока рыцарями, рассчитывая обобрать население Сирии. Сначала он прибыл на Кипр, где очень неучтиво захватил Жана д'Ибелена и его сыновей, которых пригласил к себе за стол, чтобы побеседовать о стране, но которых задержал, словно взяв в плен. Оттуда он переправился в Сирию.

И там с первых дней он выступал перед толпами безрассудных людей и послал гонца к султану с просьбой о заключении мира. Этот поступок вызвал к нему презрение со стороны султана и его подданных, узнавших, что под его началом нет большой армии. Под предлогом защиты Яффы он поехал на юг, чтобы оказаться ближе к султану и облегчить переговоры об этом мире; он добился перемирия. После долгих и загадочных совещаний, на которые не приглашали никого из живущих на этой земле, он объявил, что мир заключен, и поклялся соблюдать все статьи этого соглашения».

Из Святой земли император разъяснил, что даст христианам этот мир, о котором он договорился. В письме, адресованном английскому королю, он писал, что «паломники получают свободный проход в храм Гроба Господня, право приходить туда и уходить оттуда; сарацины этой страны, весьма почитающие этот храм, смогут направляться туда как паломники, чтобы молиться по своим обычаям [...] в малом количестве и безоружными, при условии, что они немедленно уйдут, совершив поклонение [...]. Нам возвращен город Вифлеем, равно как и город Назарет, и вся земля до Акры, и окрестности Тира, очень обширные, и, к великому преимуществу христиан, нам вновь отдан город Сидон со всем, что к нему относится, и сарацины полагают, что тем самым отдали нам очень много, ибо там у них большой порт, из которого они ведут широкую торговлю всевозможными товарами с Дамаском, а иногда от Дамаска до Вавилона. Нам позволено восстановить стены Иерусалима, так же как замки Яффы, Кесарии, Сидона и замок Святой Марии тевтонского ордена, который рыцари этого ордена начали строить в горах в округе Акры, чего еще ни одно

перемирие не предусматривало. [...] И, прежде чем покинуть Иерусалим, мы приняли решение великолепно отстроить его, чтобы в наше отсутствие не произошло никакого перерыва в работах». На следующий день он собрал паломников, находившихся в Иерусалиме, и разослал гонцов за прелатами и священниками.

В наполовину освобожденном Иерусалиме один квартал был выделен тевтонцам. Фридрих II постарался создать для них с помощью обменов и покупок большую сеньорию в окрестностях Акры, переданную Герману фон Зальце, который, чтобы господствовать над городом и портом и контролировать их, построил крепость Монфор. Поскольку император не хотел терять Кипр, на обратном пути он назначил пять баронов, враждебно относившихся к Ибеленам, своими представителями на острове, но они потерпели поражение, и Жан д'Ибелен вернул себе власть над Кипром. Несколько позже Фридрих II объявил о конфискации всех фьефов Ибеленов на Святой земле, включая Бейрут, и направил с Сицилии армию, чтобы взять эти фьефы во владение. Но его полководец Риккардо Филанджиери не сумел захватить Бейрут и 3 апреля 1233 г. потерпел тяжелое поражение в бою под Агриди и капитулировал в Кирении.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕДЬМОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Яффский мир и примирение Фридриха II с папой в 1228 г. позволяли думать, что немцы недорогой ценой обеспечили сохранение Иерусалима в руках христиан и во всяком случае свободный доступ в Святые места. Но вести с Востока показывали, что этот мир непрочен. «Освобожденный» Иерусалим, стены которого были вос-

становлены лишь наполовину, оставался уязвимым, неспособным выдержать штурм сильной армии или даже нападение большой разбойничьей шайки. Яффская дорога, которую недавно так хорошо контролировали, стала настолько опасной из-за угрозы нападений разбойников, что папа срочно попросил тамплиеров взять ее под более надежную охрану. На границах со всех сторон только и было, что войны и набег, засады и поиски добычи, а на севере заключались соглашения между христианскими и мусульманскими вождями — первые надеялись защитить себя, выплачивая дань.

Григорий IX официально никого не призывал оказывать помощь, чтобы этот мир, о благих последствиях которого непрестанно говорил император, как следует соблюдался, но тем не менее довольно много знатных баронов и вельмож принимало крест. Во Французском королевстве первыми приняли на себя такие обязательства в 1239 г. крупные феодалы, которые, провинившись в организации более или менее открытого мятежа в малолетство короля Людовика IX (Святого), должны были, чтобы получить отпущение грехов, отправиться в Святую землю и сражаться там немало лет. Тибо IV Шампанский, возглавлявший противников Бланки Кастильской, обещался провести там семь лет. Этих феодалов сопровождали многочисленные родичи, «верные» и союзники, такие как герцог Гуго IV Бургундский и графы Макона, Форе, Невера и Сансерра. Молодой король Людовик IX поощрял их, давая или ссужая деньги. Так что, несмотря на отсутствие короля, можно говорить, что это было «королевское» военное предприятие, в котором участвовала гораздо более сильная армия, чем все отряды в предыдущие годы.

Высадившиеся в Акре вожди похода не стали считаться ни с мирным договором 1229 г., ни с соглашениями или перемириями, подписанными где бы то ни было. Не рассуждая, ничего не зная о соотношениях сил и о союзах, они принялись грабить караваны, шедшие из Египта в Дамаск. Плохо осведомленные и в любом случае не желавшие слушать людей иерусалимского короля, они двинулись дальше на юг, словно бросая вызов египтянам. Вторгшись на незнакомую территорию, попав в окружение под Газой, оставшись без воды и провизии, в одном-единственном сражении они потеряли несколько десятков рыцарей и сотни пехотинцев. Те, кто выжил, нашли убежище в Яффе и почти все отплыли обратно на Запад во главе с графом Тибо IV Шампанским.

Через несколько дней прибыли англичане под командованием Ричарда Корнуэльского, младшего брата короля Генриха III, и Симона V де Монфора, графа Лестера¹, которые наняли много воинов на деньги папы и английского короля. Едва высадившись, они начали распрю с приверженцами Фридриха II, которые сами толком не знали, идти им войной на Каир или на Дамаск. Мир, столь хрупкий, грубо нарушило вторжение орд хорезмийцев, которые пришли в огромном количестве из Центральной Азии и стали грабить и устраивать набеги, наводя ужас на все франкские земли. 2 августа 1244 г. они ата-

¹ Сын Симона IV, командующего в войне с альбигойцами, он переехал в Англию, женился на дочери Иоанна Безземельного и стал одним из самых активных противников короля Генриха III. Продолжив борьбу после принятия «Оксфордских провизий», поставивших королевскую власть под контроль баронов, он возглавил группу сторонников и был убит в 1265 г. в сражении при Ивземе, потерпев поражение от армии, которой командовал наследный принц, будущий Эдуард I.

ковали Иерусалим, который, не получив никакой помощи, пал при первом же приступе. «Эти варвары напали на нас, применяя мечи, стрелы, камни и всевозможные метательные снаряды, которые разрывали нас на куски. Нас было около семи тысяч мужчин и женщин, и варвары устроили нам такую резню, что кровь, о чем мне весьма прискорбно говорить, текла рекой по склонам горы в море. Молодых мужчин и девушек собрали в городе, где перерезали горло монахиням, больным, неспособным выдержать путь до невольничьих рынков»¹. Хорезмийцы оставили город обескровленным и ушли через пустыню в поисках союза с египтянами.

РАЗГРОМ ПРИ ФОРБИИ

17 октября 1244 г. армия франков и мусульман столкнулась под Газой, в месте, называемом Форбия, или Харбийя, с армией Айюба, султана Египта, усиленной отрядами хорезмийцев. Первой командовал Готье IV де Бриенн; в составе трех армейских корпусов он собрал сеньоров Святой земли, рыцарей трех военных орденов, кипрских рыцарей, эмира Хомса и франков Трансиордании, а также около двух тысяч бедуинских всадников; в целом войско было гораздо больше, чем у противника. «В этой войне сирийские мусульмане были поставлены, так сказать, в подчинение неверным; христиане шли, воздев свои кресты; в боевых рядах находились и их священники; они раздавали благословения и открыто де-

¹ Письмо магистра ордена Госпиталя одному сеньору из Ньюкасла. По изд.: *Matthieu Paris. Grande chronique / trad. en français par A. Huillard-Brehollès*. Paris: Paulin, 1840. 8 vol. T. IV. P. 307. См. также Интернет-сайт Medieval Sourcebook. Selected Sources: The Crusades: <http://www.fordham.edu/Halsall/source/1144falljem.asp>.

монстрировали знаки своей религии; они даже мусульманам предлагали свои чаши для питья. Подобный союз не мог привести к успеху. Еще не было дня, столь славного для ислама, даже во времена Нур ад-Дина и Саладина». В первой конной атаке франки обратили египтян в бегство и разграбили их обоз, но Готье отказался продолжать бой, пока с него не снимут отлучения, объявленного ему в Яффе за то, что он присвоил укрепления, которые должны были находиться под охраной патриарха. Епископ Рамлы отменил это отлучение, и христиане, центр которых возглавлял Бриенн, вместе с союзниками предприняли несколько атак. Египтяне выдержали их, а потом контратаковали, прорвав неприятельский боевой порядок в центре. Для франков этот прорыв стал роковым. Покинутые союзниками и окруженные хорезмийцами, они были перебиты. Их численность доходила до пятнадцати тысяч всадников и десяти тысяч пехотинцев; уцелело в резне, попав в плен, всего восемьсот человек. «Я приходил на следующий день на поле боя и видел людей, которые с папирусом в руке подсчитывали мертвых. Государь Эмесы [Хомса] прибыл в Дамаск почти один, потеряв свой обоз, коней, оружие и почти всю армию. Я слышал, что после боя он не нашел и лоскута своего стяга, чтобы преклонить голову, и, расплакавшись, он сказал: «Я очень сомневался, чтобы наше начинание, если мы выступили под знаменами и крестами франков, могло иметь успех»». Спасти бегством смогло только несколько бедуинских всадников. Якобы насчитали шесть тысяч убитых и всего семьсот пленных. Великий магистр ордена тамплиеров был убит в бою, а великий магистр госпитальеров попал в плен. Есть сообщения, что оба этих ордена позже обвиняли тевтонцев — те якобы не помогли им ни в бою,

ни позже в освобождении пленных¹. Египтяне двинулись дальше на север, захватили Тивериаду и предприняли войну на море с кипрской эскадрой, попытавшись высадиться на побережье и отрезать франков от всякого снабжения, в то время как хорезмийцы продолжали разорять земли и жечь изолированные крепости.

Поражение при Форбии, о котором в своих книгах мы говорим недостаточно, уже предвещало конец последних латинских государств на Святой земле. Оно знаменовало провал политики, которая в отсутствие реальной помощи с Запада вынуждала франков Святой земли вступать в союзы с мусульманскими вождями. Слишком малочисленные, эти колонисты в решительные моменты дорого расплачивались и за раздоры — в том числе за ссоры с немцами Тевтонского ордена, которые даже в отсутствие императора еще боролись с франками, издавна обосновавшимися на Святой земле.

ЛЮДОВИК СВЯТОЙ ПРЕДПРИНИМАЕТ СЕДЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

В конце декабря 1244 г. король Людовик IX, уже знавший о взятии Иерусалима и разорении города, дал обет отправиться в Святую землю, чтобы провести там кампанию и вернуть город христианам. Заболев, он вернул крест (писали, что он это сделал по настоянию матери, Бланки Кастильской, желавшей удержать его при себе). Но он снова принял крест менее чем через год, а на собрании баронов и прелатов в Париже 9 октября 1245 г. его братья Роберт д'Артуа, Альфонс де Пуатье

¹ Тамплиеры и госпитальеры якобы предлагали султану выкупить своих пленных, и об этом ходатайствовал также папа, но им дали понять: египтяне сделали бы это, если бы пожелал император.

и Карл Анжуйский, несколько князей и вельмож, архиепископы Реймский и Буржский, немалое количество епископов во главе с епископом Бовезийским поклялись его сопровождать. Однако королевский флот поднял паруса в Эг-Морте только почти через три года, 25 августа 1248 г. Чтобы собрать союзников и восстановить силы, они провели долгую зиму на острове Кипр, с сентября 1248 г. по май 1249 г. Людовик и его люди высадились в Египте на пляже под Дамьеттой 5 июня 1249 г. и с ходу захватили город. Но, потерпев поражение под крепостью Мансурой в начале февраля 1250 г., король вскоре попал в плен и был вынужден отказаться от всего завоеванного в Египте. В мае 1250 г. он высадился в Акре, где остался почти на четыре года, до 24 апреля 1254 г., чтобы прибыть в Йер 10 июля того же года.

Шесть лет отсутствия! Ни один монарх — ни король, ни император — никогда так долго не оставался на таком удалении от своего государства. Но Людовик не устранился от дел королевства. С ним была его супруга Маргарита Прованская, родившая за эти шесть лет двух детей. Ему активно помогали братья, находившиеся при нем, — к лучшему или к худшему. Мы часто писали, что он якобы поручил «регентство» матери, Бланке Кастильской. Утверждать это — значит проявлять чрезмерную легкость пера и впадать в анахронизм, ведь к тому времени уже миновал период, когда юный девятилетний король лишь наблюдал, как мать вразумляет тех, кто во главе с графом Шампанским поднял мятеж против королевской власти. Сколь бы удивительным это ни могло показаться с учетом расстояния и трудностей связи, но король прочно держал королевство в руках, ни в коем случае не желая оставаться в стороне от его дел.

Ему это, можно сказать, дало прекрасную возможность избавиться от опеки. Бланка улаживала лишь мелкие проблемы, а он старался получать информацию каждый день, держа совет и принимая решения обо всем, иногда вникая в частности. Его решения и приговоры исполнялись тем лучше, что нельзя было ни ждать отмены приказа, ни обжаловать его¹. Эти войны и пребывание на Востоке позволили королю избавиться от целых групп представителей администрации, в частности от людей из большой *курии*. Он выбрал тех, кто поедет с ним, и до возвращения собирал при себе совет из верных бойцов, сформировав тем самым другую *курию*, советников которой тоже назначал сам. За эти шесть в Святой земле было подписано гораздо больше актов, чем в Париже. Присутствие королевского правительства на Востоке предполагало обмен и сбор сведений, отправку писем с указами, использование гонцов или капитанов быстходных судов — активность, масштаб которой сегодня трудно вообразить.

У короля было достаточно времени, чтобы подготовиться к этому большому предприятию. За пределами королевства его призывы встретили слабый отклик, но он собрал куда более многочисленную армию, чем бароны в иные времена, и огромные суммы денег. Папа ввел налог с городов королевства. Тех, кто не желал его выпла-

¹ Современные историки придают удаленности чрезмерно большое значение. А ведь князьям и вельможам нередко приходилось обеспечивать управление территориями, находясь очень далеко от них. Мы знаем, что брат Людовика Карл Анжуйский, граф Прованса и король Неаполя, ведя войну в Калабрии, очень часто писал в Анжер, чтобы разрешать всевозможные конфликты, до простейших междоусобиц.

чивать, наказывали, приговаривая заплатить больше, чем двадцатую часть доходов с церковных бенефициев. Главное, что король издал указы о суровых наказаниях: если сеньор провинился в том, что не оказал помощи отряду на марше, его замок ровняли с землей, а монахов монастыря, отказавшегося платить, расселяли по другим обителям. Подсчитать размер огромной военной казны невозможно из-за нехватки полноценных документов. Но счета бальи и сенешалей на Вознесение 1248 г. в сумме составляют 7879 вьеннских ливров, в том числе 3816 на провизию и вино для погрузки в Эг-Морте и 5926 — на холст и мачты для кораблей. Готье Блондель, сборщик налогов в бальяжах Руана, Кана и Кутанса, выручил не менее 2444 турецких ливров с продажи древесины¹.

Людовик Святой дал отсрочку для платежей по долгам всем, кто принял крест, и запретил частные войны. Желая оставить королевство умиротворенным, он в 1247 г. предпринял ревизию (опрос) — мероприятие большого размаха, но проведенное с тщанием, которое все юристы называли образцовым, с целью уладить незаконченные дела и по справедливости рассудить тех, кто уже долго этого ждет. Рассматривались ссоры между частными лицами, а также намного более многочисленные жалобы на королевских служащих, бальи и сенешалей. Сохранившиеся реестры содержат более десяти тысяч ответов, особенно много — из Лангедока, по которым видно, до какой степени конфликты из-за ложных обвинений, сделанных во время альбигойского крестового похода, еще через пятьдесят лет могли отравлять су-

¹ Sivéry G. Saint Louis et son siècle. Paris: Tallandier, 1983. P. 419.

ществование. Так, ревизоры дали возможность вернуть конфискованное имущество многим людям, которые не были еретиками, и вернуть немалое количество беженцев. Это, должно быть, куда больше укрепило репутацию короля-заступника, чем скорые приговоры на легендарных судах под венсенским дубом!

Уже в первые годы царствования Людовик Святой интересовался Святой землей, паломниками, отправлявшимися туда с оружием для защиты латинских государств Востока, и, возможно, еще больше, — реликвиями. «В 1232 г. в церкви Сен-Дени случилось, что святейший гвоздь, один из тех, которыми был распят наш Господь [...], выпал из сосуда, где хранился, когда его давали целовать паломникам, и затерялся среди множества людей, целовавших его в третий день мартовских календ, но после этого был вновь обретен благодаря зримым великим чудесам, к великой радости и великому ликованию, в первый день апреля того же года. Горе и сожаление короля Людовика и его благородной матери, королевы Бланки, когда они узнали о потере столь великого сокровища, были таковы, что они говорили, что не могли услышать более горестной вести»¹. Латинский император Константинополя Балдуин II, не получавший ни людей, ни денег на содержание армии и защиту границ от болгар, заложил терновый венец Христа за крупную сумму дукатов прижимистому венецианскому меняле Никколо Квирино. В феврале 1239 г. король выкупил венец за тысячу золотых монет, и 10 августа он был до-

¹ Guillaume de Nangis. Gestes de Louis IX // *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe* / Par Michaud et Poujoulat. T. 1. Paris: L'Éditeur du commentaire analytique du Code civil, 1836. P. 334.

ставлен в Париж в ходе большого шествия с участием всего духовенства, которое народ встречал ликующими возгласами. Святая часовня (Сент-Шапель) дворца на острове Сите, церковь-реликварий, была освящена архиепископом Буржским 26 апреля 1248 г., перед самым отъездом короля в Эг-Морт. Париж стал или прослыл святым городом, привлекавшим многочисленных паломников, которых хорошо встречали и которыми руководили чиновники Курии, готовые принимать целые толпы кающихся. Архиепископ Сансский сказал: «Если, чтобы явить таинства искупления, Христос избрал землю обетованную, то местом благочестивого почитания торжества Страстей он назначил Галлию»¹.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ И РАЗНООБРАЗНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Этот восточный поход, несомненно, документирован лучше всех. Однако многие историки, даже в наше время, ограничиваются одним-единственным рассказом — Жана де Жуанвиля, который, конечно, был особым свидетелем, спутником короля с самых первых дней египетского похода. Но его «История Людовика Святого», где этому походу посвящены две трети текста, была написана гораздо позже, по просьбе Жанны Наваррской, супруги Филиппа Красивого, в связи с процессом канонизации короля в 1297 г. Эта история, не дописанная в 1305 г., когда Жанна умерла, похоже, была

¹ Цит. по: *Durand J. La translation des reliques impériales de Constantinople à Paris // Le trésor de la Sainte-Chapelle: exposition, Paris, Musée du Louvre, 31 mai 2001–27 août 2001 / catalogue établi sous la dir. de J. Durand et M.-P. Laffite. Paris: Réunion des musées nationaux, 2001. P. 37–41.*

завершена только в 1309 г. Тогда Жуанвилю было за восемьдесят, и надо полагать, что всего он не помнил. Во всяком случае, не то чтобы это произведение было настоящим панегириком, но автор выполнял заказ восхвалять добродетели короля, его святость, храбрость в бою и стремление всегда выносить справедливые приговоры. В результате читатель получил великое множество анекдотов, в большинстве очень поучительных, но мог не узнать о некоторых событиях и, главное, о том, что могли думать воины из других слоев общества.

Жан де Жуанвиль был еще очень молод, когда познакомился с королевским двором. На большом пире в Сомиюре он резал мясо для своего сеньора, графа Тибо IV Шампанского, и последовал за ним, чтобы служить при нем. Еще не получив отцовского наследства, поскольку земельные владения принадлежали матери, он не замедлил откликнуться на призыв короля, за большие деньги приобрел оружие и, заложив земли, собрал несколько родичей и вассалов, общим счетом десять рыцарей, три из которых носили знамя. В своей книге он много говорит о себе, о состоянии, в каком он пребывал перед отъездом, о своей жене, только что произведшей на свет сына Жана, и о всем своем роде, собравшемся вместе с его братом и местными богачами в Вербное воскресенье на пир, который продолжался несколько дней. Он покинул свою родню, «не позволив себе обратить взор к Жуанвилю, дабы прекрасный замок и двое моих детей, которых я покидал, не растрогали мое сердце». Он не выводит себя в своем рассказе на первый план, но сообщает, где находился, и повествует о своих радостях, успехах и горестях. Так он готовился к отъезду, а куда более долгий рассказ посвящен высадке в Сирии, в Акре, когда он был

настолько утомлен, что не мог держаться на парадном коне, присланном ему королем, и тому, как последний послал за ним, чтобы пригласить его за стол¹.

Ряд рассказов, записанных в позднейшие годы одним достойным человеком, собравшим свои заметки и воспоминания, письма, которые рыцари и пехотинцы писали близким, позволяет лучше познакомиться с войском короля. Их авторы ясно дают понять — они рассчитывали, что эти письма, записанные по следам событий, будут циркулировать в обществе и с ними познакомится широкий круг людей: «Пусть эти письма прочтут все наши друзья», — пишет один из них. Другой даже позаботился указать, где, когда и как взялся за перо: «Эти письма были написаны в городе Дамьетте накануне Рождества монсеньора святого Иоанна Крестителя, которое пришлось на тот же месяц».

¹ С «Истории Людовика Святого» очень скоро сделали много списков, часто включавших всевозможные вариации, более или менее разумные комментарии и добавления. Чтобы добиться успеха у читателя, некоторые даже перелагали текст с авторского языка, шампанского варианта старофранцузского, на свой. Первое печатное издание датируется 1547 г., его обнаружили в Анжу в подборке старинных изданий, и его издатель еще хвалится внесенными изменениями, ведь эта история, скорей сумбурная, написана довольно грубым языком: «Отшлифовать алмаз — не меньшая заслуга, чем извлечь его из жилы», — пишет он. Позже, в 1617 г., появилось издание Клода Менара, начальника анжерской полиции, а в 1668 г. — издание Дюканжа. Я пользовался изданием, сделанным в 1854 г. Мишо и Пужула: Jean, sire de Joinville. *Mémoires, histoire de saint Louis (1249–1270) // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe* / Par Michaud et Poujoulat. T. 1. Paris: Didier, 1854. P. 159–329.

Мишо опубликовал целиком¹ письмо Жана-Пьера Сарразена, камергера короля, адресованное Никола Арроду², парижскому бюргеру. Это очень подробный рассказ о событиях, начинающийся с высадки под Дамьеттой и заканчивающийся через пять лет после возвращения короля во Францию. Сарразен знал, что его прочтет не только Никола Аррод, и обратил особое внимание на хронологию: он датирует отъезд короля из Эг-Морта «1254 г. от воплощения», но считает нужным уточнить: «Римским апостоликом был Иннокентий IV, королем Франции — Людовик, о коем мы только что говорили, графом Голландии — Вильгельм, королем Англии — Генрих, графом Шампани и графом Бри — Тибо IV, епископом Суассона — Липерий, аббатом монастыря Сен-Марк в Суассоне — Менелон де Базош». Простые рыцари или оруженосцы тоже брались за перо, чтобы информировать близких, не сеньоров и не прелатов, далеких от двора и всякой власти, которые хотели быть в курсе операции на Востоке. «Молодой паломник» по имени Ги, из дома виконта Мелёнского, писал брату — школяру в Париже: «Знаю, что вас беспокоит положение Святой земли и короля Франции и что вас интересует как общее благополучие Церкви, так и судьба великого множества родных и друзей, сражающихся за Христа. Вот почему я счел сво-

¹ *Sarrasins J.-P. Sur le règne de Saint-Louis et les deux premières croisades // Ibid. P. 359–428. Заново его издал в 1924 г. А.-Л. Фуле: Sarrasins J.-P. Lettre à Nicolas Arrode (1249) // Lettres françaises du XIIIe siècle / éd. par A.L. Foulet. Paris: Champion, 1924.*

² Из семейства Арродов вышел не один королевский чиновник. Никола был хлебодаром и жил в приходе Сен-Мартен-де-Шан, где построил для захоронения родных часовню, посвященную святому Михаилу, на кладбище к югу от церкви.

им долгом сообщить вам некоторые новости о событиях, молва о которых, несомненно, до вас уже дошла». Автор не умалчивает ни о чем. Ведь об одном-единственном эпизоде, взятии города, он написал текст на четыре больших колонки, рассказав то, чего нельзя найти больше нигде, — почему и как Дамьетта была взята без боя. «По решению королевского совета, созванного крайне срочно, мы отправились на Восток. Был план атаковать Александрию, но через несколько дней внезапный шторм унес нас далеко по морю, отделив и рассеяв несколько наших кораблей. Султан Каира и другие сарацинские государи, узнав через своих шпионов, что мы идем к Александрии, собрали бесчисленное множество вооруженных людей, чтобы перебить нас. Франки, то ли переменив мнение, то ли занесенные ветром туда, где их не ждали, нашли плохо защищенный город». Такие письма дают об армии больше представления, чем рассказы хронистов и тем более историков, писавших позже. Этот молодой человек знает, что его брату в Париже интересно всё: «Насчет татар мы не узнали ничего ясного, о чем стоило бы сообщать. Но тут нам не приходится ждать ни добросовестности от коварных людей, ни человечности от людей бесчеловечных, ни милосердия от псов, у которых его нет. Когда я узнаю что-нибудь определенное или примечательное о татарах или других, я уведомлю вас письмом или через Роже де Монфасона, который весной должен ехать во Францию к нашему сеньору виконту, чтобы привезти нам деньги».

ОТ ЭГ-МОРТА ДО КИПРА

Эг-Морт был первым настоящим портом, который вскоре после завоевания лангедокского Юга наконец дал Людовику Святому удобный доступ к морю. До тех пор

купцы Монпелье на этой земле Мертвых Вод — прудов, вредных для здоровья и тянувшихся от подступов к городу до Сен-Жиля на Роне, — использовали только якорные стоянки, часто ненадежные. «Порт» Латт едва мог принимать большие суда, а входные каналы слишком часто заиливались. Паломники, ехавшие в Рим или на Святую землю, садились на галеры или маленькие суда в месте под названием Листель, временном поселении, получившем название «Нега Ромьё» («там, где погружаются в воду те, кто едет в Рим»). Этого хватало для обычной торговли, но было совершенно недостаточно для погрузки сотен коней и осадных машин. Работы в Эг-Морте начались в 1240 г., и возможность для них дал обмен землями между королем и бенедиктинским аббатством Псалмоди — соглашение, одобренное папой Иннокентием IV. Чтобы вызвать приток людей в эти места, пустынные и слывшие нездоровыми, хартия поселения предоставила новой общине жителей — рабочих, моряков, канатчиков и парусинщиков, а вскоре также мелких торговцев и менял — большие налоговые льготы, а именно — отмену пошлины на соль с ближайших прудов. Были развернуты две больших стройки: одна — порта и якорных стоянок, другая — укрепленного сооружения, большой башни, названной башней Констанции, для обороны от пиратов¹.

¹ Масштабные работы возобновились только в 1260 г. по заказу короля и были поручены его подрядчикам, а потом, в 1272 г., Гульельмо Бокканегра, генуэзскому капитану, ставшему губернатором города, который начал развиваться и получил название Эг-Морт. На самом деле люди из семейства Бокканегра приблизились к королю Людовику еще в 1248 г., до его отъезда на Восток: Ринальдо, брат Гульельмо, должен был нанять корабль «Святой Дух», отплывший вместе с королевским кораблем. Несколько позже подрядчиком стал цистерцианский монах из монастыря

В порту Эг-Морт принимали на борт тысячи пеших — не бедных паломников, а воинов, которые прибывали массами, узнав о новой якорной стоянке. Те, кто не мог отплыть вместе с королем, фрахтовали корабли в Марселе или Генуе. Королевский флот был отдан под командование двум адмиралам, генуэзцам из семейства Леркаро, которые следили за поставками мачт, рулей, канатов и парусины. Некоторые вельможи отплыли отдельно на кораблях, купленных или нанятых в разных портах или заказанных на судовых верфях — либо в Нарбонне, либо на побережье Сан-Пьер-д'Арена под самой Генуей.

На Кипре к ним присоединились отдельные воины из Святой земли, многие сеньоры из Мореи со своими вассалами, а немного позже, но с опережением графика, составленного Людовиком Святым и Генрихом III Английским, — англичане под командованием Ричарда Корнуэльского, Вильгельма Длинного Меча, графа Пемброка и епископа Вустерского. Симону V де Монфору, графу Лестеру, который принял крест, король тем не менее велел сражаться в Гаскони. Вместе с киприотами у французского короля набралось более трех тысяч всадников, четыре тысячи арбалетчиков и более десяти тысяч пеших воинов. Людовик и его совет, обосновавшись в Лимасольском замке, всю зиму занимались подсчетами, организацией, формированием отрядов рыцарей и назначением командиров, сбором большого количества оружия и провизии, чтобы сделать Кипр базой снабжения армии на всем протяжении предстоявшего похода. Им пришлось не раз применить власть

Сестри на Генуэзской Ривьере. Обо всем этом см. *Robin F. Midgehothique: de Béziers à Avignon*. Paris: Picard, 1999. P. 84 и далее.

с целью утихомиривать ссоры, возникавшие между воинами, которые прибыли из разных краев. Двор жил широко, и уже начало не хватать денег. Король, который еще в Эг-Морте смог оснастить свой флот, только заняв крупные суммы у генуэзских судовладельцев, 30 апреля 1249 г. был вынужден взять еще десять тысяч сирийских золотых безантов в долг, который должен был вернуть менялам на первой шампанской ярмарке в Ланьи.

Он пытался найти союзников и в Филиппов пост принял на Кипре послов великого тартарского (монгольского) князя по имени Этельтай. «Король послал к нему брата Андриё [Андрея] из ордена Святого Иакова, и пригласил к себе этих послов, довольно хорошо говоривших на их языке, и брат Андриё по-французски сказал королю, что величайший тартарский князь на Божоявление сделался христианином, а вместе с ним и великое множество тартар, даже знатнейшие вельможи. Они также сказали, что Этельтай и вся его армия придут на помощь французскому королю и христианам против халифа Багдадского и сарацин, ибо он хочет отомстить за великие бесчестья и великий ущерб, каковы хорезмийцы и прочие сарацины учинили Господу нашему Иисусу Христу. Они еще сказали королю, что он должен переправиться в Египет, дабы начать войну с султаном Вавилона, а тартары тем временем вступят в земли халифа Багдадского, чтобы воевать, и таким образом оба этих мусульманских государя не смогут оказать помощь друг другу. Король Франции решил отправить своих послов к Этельтаю и к верховному повелителю тартар, которого звали Кио-Кан, чтобы убедиться в истинности сказанного. Они сказали, что,

дабы добраться до места, где находится Кио-Кан, понадобится добрых полгода пути»¹.

ВОЙНА В ЕГИПТЕ

Решение начать войну в Египте вполне вписывалось в долгую историю вооруженных вторжений иерусалимских королей и греческих императоров в эту страну. Она не была неведомой землей. Уже некоторое время все больше паломников, направлявшихся в Иерусалим, проходили через Каир (в текстах той эпохи — Вавилон), чтобы посетить находившееся приблизительно в трех милях от города место, где Иосиф нашел убежище от преследований Ирода. Там, где жила Богоматерь вместе с Иисусом, они видели чудесно возникший источник, у которого рос бальзамический тополь. Возвращавшиеся оттуда говорили, что бальзамических тополей больше нет нигде, и рассказывали о хорошем приеме, какой, несмотря на придирки таможенных чиновников, они встречали со стороны египетских христиан, которых называли «христианами пояса». Из этой страны хотели сделать нечто вроде вассального королевства, передав его Роберту д'Артуа. По всему казалось, что на сей раз мусульмане Египта и Сирии, ослабленные распрями, не смогут создать единого фронта, и существовал расчет на соучастие или даже помощь со стороны этих христиан, которые, очень многочисленные в Египте и отчасти контролировавшие администрацию и даже армию, призывали на помощь, уверяя, что их преследуют. Они отправили не одно тайное посольство, заверяя, что люди султана не смогут оказать сопротивления.

¹ *Sayous A.-É. Les mandats de saint Louis sur son trésor et le mouvement international des capitaux pendant la septième croisade (1248-1254) // Revue historique. CLXVII (1931). P. 253-304.*

Мусульмане сетовали на христиан, имевших, по их словам, слишком много власти в Египте, но только и мечтавших изменить ему. «В те времена христиан в Египте было больше, чем сегодня. Им, как еще и в наши дни, поручали сбор налогов, управление финансами и содержание войск, которые тогда оплачивались на доходы с некоторых земель. Похоже, что правительство подозревало христиан в тайных сношениях с западными врагами, как и во время предыдущих войн»; и Нувайри, арабский историк, предостерегал своих: «О сын мой, обрати внимание на войско, которое христиане ослабили, разорив в то же время страну: они продают земли, как если бы Египет принадлежал им. От эмира, когда он получает грамоту на свой надел, они требуют двести золотых монет и более, а от простого воина — до ста. Если сумма на содержание всадника составляет тысячу золотых монет, они назначают ее выплату в шести местах, удаленных одно от другого, и воин нуждается в посредниках, которые бы собирали его доходы. Христиане так поступают, чтобы ослабить страну и уничтожить войско, надеясь вынудить нас покинуть Египет. Мы слышали, какие слова они передавали франкам Палестины и Запада: “Вам нет нужды вести с мусульманами войну — мы сами ведем ее день и ночь. Мы захватили их владения; мы — господа их женщин; мы ослабили их войско. Приходите, занимайте страну, вы не встретите никаких препятствий”. Не доверяйся тем из них, кто сделался мусульманином: их прежняя религия остается сокрытой в их душе, как огонь в дереве»¹.

¹ Extraits des historiens arabes, relatifs aux deux croisades de saint Louis // *Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe* / Par Michaud et Poujoulat. T. 1. Paris: Didier, 1854. P. 408.

ОСАДА И ВЗЯТИЕ ДАМЬЕТТЫ

Ветра пригнали крестоносцев к Дамьетте, и они в большом беспорядке высадились на пляже, на «песке», под самым городом. Там был Жуанвиль и не преминул рассказать о себе: «Когда наши люди узнали, что мы не получим галеру, то стали прыгать друг за другом с большого корабля на баркас, так что он начал тонуть. Матросы, заметив, что баркас мало-помалу погружается, поднялись на большой корабль и оставили моих рыцарей в баркасе. Я спросил старшего, сколько в нем лишних людей; и он мне сказал, что двадцать воинов [...]. И я часть их высадил, так что за три раза он перевез их всех на землю с корабля, где находились мои лошади. Пока я переправлял этих людей, один рыцарь, который был под началом монсеньора Эрара де Бриенна и звался Плонке, задумал спуститься с большого корабля на баркас [...], и он упал в море и утонул. Когда я вернулся на свой корабль, то оставил на моем баркасе оруженосца, которого я посвятил в рыцари, по имени монсеньор Гуго де Вокулёр, и двух очень храбрых молодых людей, имя одного из которых монсеньор Виллен де Версей, а второго — монсеньор Гильом де Даммартен, которые люто ненавидели друг друга. И никто не мог их помирить, так что в Морее они даже вцепились друг другу в волосы; но я им велел оставить свой гнев и поцеловаться, ибо я поклялся им на мощах, что мы не отправимся в Святую землю отягощенные их злобой. Когда мы тронулись, направляясь к суше, то обогнали большой баркас короля, в котором он находился»¹.

¹ Цит. по: Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / пер. Г. Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2007. С. 41–42. В издании Мишо и Пужула есть также такие слова: «Уверяю вас, что королю было намного

Когда Людовик Святой увидел, что стяг Сен-Дени уже на берегу, а он еще причаливает, он без колебаний прыгнул в воду. «И со щитом на шее, в шлеме и с мечом в руке он направился к своим людям, которые находились на берегу моря. Достигнув суши, он заметил сарацин [...]; тогда он поднял меч, выставил перед собой щит и побежал бы на сарацин, если бы мудрые люди, стоявшие рядом, не удержали его»¹.

Был достигнут быстрый успех (6 июня 1249 г.), к большому удивлению осаждавших: «Ночью сарацины, обнаружив, что пленники бежали, перебили тех, кто остался; тем самым они их сделали славными Христовыми мучениками, обрекая на проклятие себя самих. Следующую ночь и утро воскресенья, как если бы им не доставало оружия и сил, сарацины, видя многочисленность прибывающих христиан, их смелость и стойкость либо предвидя скорое разорение своего города, ушли со своими вождями, взяв жен и детей и унеся все, что могли. Они бежали с другой стороны города, через маленькие ворота, проделанные намного раньше. Решившись бежать, они метнули в нас много греческого огня, весьма для нас губительно, поскольку его нес сильный ветер, дувший со стороны города. Но этот ветер, вдруг поменяв направление, понес огонь на Дамьетту, где сжег несколько человек; он нанес бы там больше ущерба, если бы рабы, оставшиеся там, не принялись его тушить, как умели, и по воле Божьей»².

трудней сохранять мир между своими людьми, чем иметь дело с врагами и бедствиями».

¹ Там же. С. 44.

² Письмо «молодого Ги», цит. по: *Lettres écrites d'Orient pendant les deux croisades de saint Louis // Nouvelle collection des mémoires*

После взятия Дамьетты один из королевских клириков, Жиль де Самюр, тут же принялся восстанавливать собор, построенный в 1220 г., который был заброшен; его сделали архиепископом и назначили капитул. В городе нашли бесчисленное множество провизии, оружия, орудий, драгоценных одежд, сосудов, золотой и серебряной утвари. Тамплиеры и госпитальеры поначалу не желали верить в такой триумф; это походило на чудо, ведь греческий огонь обратился против тех, кто метнул его во франков. Несколько неверных уверовало в Христа. Христианская армия, подобно пруду, уровень которого поднимается за счет впадающих в него потоков, каждый день росла за счет рыцарей из Тевтонского ордена, орденов тамплиеров и госпитальеров, не говоря уж о постоянно прибывавших паломниках. Король, под ликующие возгласы вступивший в город, сразу направился в сарацинский храм — молиться и благодарить Бога.

ЛЮДОВИК СВЯТОЙ — ЗАЛОЖНИК

Чем идти к Александрии, которой можно было достичь только по дорогам и дамбам дельты Нила, где осадные машины пришлось бы тянуть с большим трудом, франки на совете решили атаковать Каир, полагая, что со взятием этого города падет вся страна. «Мы созвали баронов Франции, рыцарей Храма, Госпиталя, тевтонцев и баронов Иерусалимского королевства и посоветовались с ними о том, что следует делать. Подавляющее большинство сочло, что, если бы мы в то время удалились и покинули эту землю, это значило бы полностью

pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe / Par Michaud et Poujoulat. T. 1. Paris: Didier, 1854. P. 351.

отдать ее в распоряжение сарацин, тем более в состоянии нужды и слабости, до которого она была доведена. И мы могли бы считать утраченной всякую надежду на освобождение христианских пленных, находившихся во власти неприятеля. Оставаясь, мы, напротив, сохраняли надежду на то, что удастся добиться чего-либо доброго, например освобождения пленных, строительства замков и крепостей в Иерусалимском королевстве и других приобретений для христиан, особенно после того, как между султаном Алеппо и теми, кто правил в Каире, случился раздор. Этот султан, собрав свои армии, уже захватил Дамаск и некоторые города в области. Говорили, что он готовится к походу на Египет»¹.

Продвигаясь на юг вдоль реки, они наткнулись на пересекавший их путь рукав Нила, который они называли Танис (Бахр аль-Сагир у мусульман). Переброшенный мост позволил им наконец перевести арбалетчиков, и тогда, 8 февраля 1250 г., королевская армия заняла укрепленный город Мансуру. Они там нашли достаточно строительного дерева, шатров, палаток и конской сбруи, оставленной сарацинами, на которых внезапно напал их авангард.

«Этой ночью король остался в том месте с немногими людьми. Мост через реку был хорошо подогнан и хорошо достроен с помощью больших стволов и строительного дерева, так что по нему можно было уверенно переходить из одного лагеря в другой. В Пепельную среду, какая прилась на другой день, король повелел, чтобы двадцать четыре орудия, захваченные христианами,

¹ Письмо Людовика IX, цит. по: *Lettres écrites d'Orient pendant les deux croisades de saint Louis // Nouvelle collection...* T. 1. P. 349.

были разобраны и из них сделали хорошие укрепления вокруг нашего лагеря.

Перейдя реку, мы достигли места, где были воздвигнуты орудия сарацин. Наш авангард атаковал врагов и убил их множество, не щадя ни пола, ни возраста. Сарацины потеряли командующего и нескольких эмиров. Потом наши войска рассеялись, некоторые из наших прошли через их лагерь и достигли деревни под названием Мансура, убивая по пути всех сарацин, каких встречали. Но те, заметив неосторожность наших воинов, вновь осмелели, стали на них набрасываться, окружать и убивать. Там случилось великое избиение наших баронов и воинов, как монахов, так и прочих [...]. Сарацинам было трудно поверить, что франки так уверенно преследовали их, рискнули так далеко продвинуться и рассыпались по улицам этого бурга. Поняв, что смогут поступать с ними по своему усмотрению, они велели бить в барабаны и трубить в рога и в букцины, немедленно собрались, со всех сторон окружили христиан и с яростью устремились на них. К великому несчастью, многих наших людей они застали поодиночке. Все эти люди и их кони настолько ослабели от усталости после грабежа множества домов турок, что больше не могли сопротивляться. Сарацины нападали на них маленькими группами и делали с ними что хотели. Все [наши люди] были зарезаны, зарублены или схвачены, связаны и уведены в плен. Некоторые побежали к реке, но сарацины, настигая, поражали их секирами, палицами, копьями, мечами. Сорок галер, находившихся на реке, крайне спешно помчались навстречу тем, кто убегал по воде. Но турки всячески подстерегали их, чтобы убить. Стрелы сыпались на наших людей в таком количестве, что их продолговатые и круглые щиты, луки седел

и прочее вооружение были утыканы ими. Наши потерпели столько бед и разочарований, что этому изумлялись даже сарацины. Турки делали с христианами что хотели; они их больше убили, чем захватили; иных они связывали и уводили как пленных; там были захвачены врасплох король и оба его брата, граф Пуатье и граф Анжуйский, граф Фландрский и граф Бретонский, граф Суассонский и довольно много прочих знатных людей, рыцарей и сержантов. [...]

Король весьма опасался, чтобы сарацины однажды не напали на него так яростно, что взяли бы над ними [его людьми] верх и перебили. Даже среди людей в его окружении были такие, кто открыто говорил, что это дело им совсем не по душе, ибо весьма похоже, что Богу оно не угодно, и что, если бы они могли уехать, они бежали бы в родные края, и что они не останутся на этой земле из-за всех этих разочарований и из-за прочих»¹.

Чем отступать к Дамьетте, которую еще прочно удерживали, предпочли начать переговоры, предложив отдать всё, если взамен можно будет получить бывшее Иерусалимское королевство. Но султан потребовал, чтобы король сделался заложником, гарантируя тем самым сдачу Дамьетты. Армии не хватало провианта, питались рыбой, выловленной в реке. Всего шесть из двадцати больших «баталлий», какими располагал Людовик Святой, покидая Кипр, еще были в состоянии сражаться, и он отдал приказ сложить оружие. Он стал пленником — не в бою, с мечом в руке, а из благоразумия, чтобы иметь возможность вести переговоры,

¹ Lettre de Jean Pierre Sarrasins, chambellan du roi de France, à Nicolas Arrode, sur la première croisade de saint Louis // *Nouvelle collection*... T. 1. P. 371, 373, 378.

больше не теряя людей. Он оставался в плену всего месяца, с 6 апреля по 6 мая 1250 г.; его поселили в красивом доме, больного лихорадкой, его сторожила совсем небольшая охрана, и за ним ухаживала женщина, которую называли парижской горожанкой. В общем, с ним обходились сообразно его сану и, если верить «арабским» хронистам, осыпали почестями. Саад эд-Дин утверждает, что король мог бы в любое время бежать и никто бы его не преследовал и что султан присылал ему, как и тем, кто был при нем, шелковые одежды, пышные облачения; узнав, что королева Маргарита разрешилась сыном, он ему подарил красивые одеяния и золотую колыбель.

«В скором времени [...] к королю приехали послы императора Фридриха, и привезли ему верительные грамоты, и сказали королю, что император послал их, дабы нас освободить. Они показали ему послание, которое император направил умершему султану (о чем император не знал); и император просил султана, чтобы он проявил доверие к посланным освободить короля. Многие люди говорили, что для нас было бы опасно, если бы послы нашли нас в плену; ибо полагали, что император отправил посланников скорее чтобы задержать нас, нежели освободить. Послы же нас застали на свободе; тогда они уехали»¹.

В Париже «королева Бланка и магнаты королевства, которые не могли и не хотели верить в рассказы тех, кто приезжал с Востока, приказывали их вешать. Наконец, когда количество тех, кто передавал эту весть, стало настолько велико, а письма — настолько подлинными, что

¹ Жан де Жуанвиль. Цит. соч. С. 105.

сомневаться больше было невозможно, вся Франция погрузилась в скорбь и смятение. Служители церкви и воины выражали равную печаль и не желали слушать никаких утешений. Повсюду отцы и матери оплакивали утрату детей, воспитанники и сироты — родителей. Женщины перестали делать прически; они отвергли цветочные гирлянды; прекратились песни; замолкли музыкальные инструменты. Все виды радости обратились в траур и стенания. Хуже всего было то, что начали обвинять Бога в несправедливости и что предельная скорбь проявлялась в богохульствах. Вера многих поколебалась. Венеция и некоторые города Италии, где живут полухристиане, впали бы в отступничество, если бы их не укрепили утешения епископов и монахов. Последние уверяли, что люди, убитые на Востоке, царят в небесах как мученики и за все золото мира не пожелали бы остаться в этой юдоли слез. Такие речи утешали некоторых, но не всех»¹.

Дамьетта была сдана; почти всех уцелевших из христианской армии и больных, которые оставались на кораблях, стоящих на якоре, перебили, пока шли переговоры. Было признано, что король не вправе сдавать города и земли в Святой земле, которые не зависят от него, а находятся в вассальной зависимости от императора Фридриха II или принадлежат военным орденам. Цену выкупа назначили, не предусматривая территориальных уступок, кроме Дамьетты. Она составила восемьсот тысяч золотых безантов, то есть четыреста тысяч турецких ливров, — огромную сумму, которую король был обязан выплатить на месте, тогда как в армии всем жестоко не доставало денег и ему самому изо дня в день

¹ Chronique de Mathieu Paris // *Nouvelle collection...* Т. 1. Р. 342.

приходилось занимать мелкие суммы. Его соратники изыскивали средства везде, где могли, и даже, по словам Жуанвиля, готовы были разрубить топором сундук на корабле, где тамплиеры хранили деньги, которые семьи во Франции передали им для родных.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ В АКРЕ

Людовик Святой покинул Египет 8 мая 1250 г. и через пять дней высадился в Акре. В августе 1250 г. он написал «своим дорогим и верным прелатам, баронам, воинам, горожанам и всем жителям королевства» очень длинное письмо. Это точный и живой рассказ на французском языке, претендующий на откровенность. Автор мало говорит о себе и не пытается обойти молчанием неприятные моменты египетского похода: «В тот день сарацины обрушились на нас со всех сторон и осыпали нас градом стрел; мы выдерживали этот сильный натиск до девятого часа, и нам крайне не доставало поддержки своих баллист. Там случилось великое избиение наших баронов и воинов, как монахов, так и прочих. Там мы потеряли также своего отважного и славного брата графа Артуа, достойного вечной памяти. Эту скорбную утрату мы вспоминаем с горечью в душе». И далее он зовет на помощь, открыто и ясно говоря, что в море должны выйти новые подкрепления; египетский поход не удался и привел к тяжелым потерям как в людях, так и в деньгах. В другом письме он призывает христиан Запада поддержать его: «Мы выступили раньше вас, чтобы послужить Богу. Присоединяйтесь к нам. Хоть вы и придете позже, вы получите от Господа воздаяние, каким отец семейства из Евангелия наделял без различия как работников, пришедших

трудиться в винограднике под конец дня, так и тех, кто явился в начале. Те, кто придет или пришлет помощь в то время, когда мы будем находиться здесь, обретет, помимо обещанного отпущения грехов, милость Бога и благосклонность людей. Так что делайте свои приготовления, и пусть те, кого благодать Всевышнего вдохновит прийти или прислать подкрепления, будут готовы к ближайшему апрелю или маю. Что касается тех, кто еще не будет готов к этой первой переправе, пусть они успеют хотя бы к той, какая произойдет на Иванов день. Сама природа предприятия требует быстроты, всякая задержка стала бы губительной».

Он потерпел неудачу. Во Французском королевстве удалось добиться сбора нового налога, но очень мало кто принял обязательство отплыть на Восток, и пришлось задорого набирать наемников. Экипажи нескольких кораблей, ссылаясь на то, что их нанимали для рейса в Александрию или Дамьетту, отказались продолжать путь. Одно из судов, на котором везли военную казну, потерпело крушение — и сундук с тысячами золотых монет ушел на дно. Многие только и мечтали, чтобы вернуться на родину, во Францию. В королевском совете активно обсуждали предстоящий отъезд, и бароны благосклонно относились к этой перспективе. Нехватка ощущалась во всем, и можно было счесть, что жители Акры и Антиохии, уже добившиеся некоторых успехов в пограничных столкновениях и поисках добычи, сумеют защититься и сами.

Тем временем в Акре причалили суда, которые должны были привезти пленников, освобожденных в Дамьетте, но никого из них на борту не было. Весть о том, что мусульмане нарушили перемирие и перебили всех пленных или больных христиан, каких только смог-

ли найти, заставила изменить решение: король решил остаться хоть на год, хоть на два. Ситуация, конечно, не была отчаянной. Султан Алеппо готовился вторгнуться в Египет с армией, усиленной отрядами эмиров Хамы, Хомса и наследников Саладина. Потерпев поражение в окрестностях Газы, они с тех пор постоянно просили франков о союзе, предлагая им Иерусалим вместе со всей Палестиной. Смерть Фридриха II в 1250 г. развязывала руки. Людовик Святой, зная, что в Египте еще много пленников, предпринимал переговоры о новых перемириях в надежде, что эти перемирия будут мало-мальски соблюдаться. Его посол Жан де Валансьен дважды ездил в Каир и привез около двухсот рыцарей, извлеченных из тюрем Дамьетты, и много детей, которых новые хозяева пытались обратить в ислам. Султан простил королю двести тысяч ливров, какие тот все еще был должен за свой выкуп. Людовик по-прежнему играл на разногласиях в стане врага, разжигая их, чтобы успеть восстановить укрепления городов. Он их отстраивал в Яффе, Сидоне, в предместьях Акры, а особо усердно в Кесарии: «Когда прошла зима и настал март, король собрал своих людей и двинулся со всей армией в Кесарию Палестинскую, стоящую на море, и встал под ней лагерем, и велел окружить предместья стенами, и рвами, и шестнадцатью башнями.

Находясь там, он отправил полномочных послов к султану Египта, желая, чтобы тот объяснил нарушения перемирия и вероломства, какие совершили султан и его эмиры. Султан Дамаска направил к нему [королю] послов и очень жаловался на эмиров Египта, что убили султана, его двоюродного брата; и пообещал королю, что, ежели тот пожелает ему помочь, он освободит ему королев-

ство Иерусалимское, что находилось в его руках. Король решил, что даст ответ султану Дамаска через своих собственных послов, которых он туда и отправил. С послами, что отбыли туда, поехал брат Ив Бретонский, из ордена братьев-проповедников, который знал сарацинский язык. Тогда в Дамаск отправился и начальник королевского арсенала Жан л'Эрмин, чтобы купить рога и клея для изготовления арбалетов; и он повстречал очень старого человека, сидящего на дамасском базаре. Этот человек подозвал его и спросил, христианин ли он; и тот ему ответил, что да. И старик сказал ему: “Вы, христиане, должно быть, сильно ненавидите друг друга; когда-то я видел, как король Балдуин Иерусалимский, который был прокаженным, одолел Саладина; а у него ведь было только три сотни воинов, у Саладина же три тысячи; сейчас же ваши грехи довели вас до того, что мы ловим вас в полях, как животных”. В то же время к нему [Людовику] прислал послов султан Алеппо, чтобы заключить перемирие с ним и с христианами. Но условия, какие предложил он, король не понравились, и послы уехали восвояси ни с чем.

Король и христиане питали сильную надежду, что святая обетованная земля, как мы ее назвали, через недолгое время будет возвращена им, но сарацины отдали им недостаточно. У короля было мало людей, чтобы захватить ее. Ниоткуда к нему не поступало вестей, что он получит какую-либо помощь и поддержку. Он посоветовался с прелатами и баронами, находившимися там; с общего согласия он принял решение, что останется мессир Жоффруа де Саржин и что король оплатит ему расходы на содержание вооруженных рыцарей, арбалетчиков, конных и пеших сержантов для охраны этой земли от сарацин, сам же вернется во Францию, потому что

не получил никакой помощи. Он оснастил флот и взял королеву, которая была беременна, и двух детей, которых она родила в заморской земле, одного в Дамьетте, а другого в Акре, и возвратился во Францию¹.

Переезд оказался трудным: корабль «Монжуа», гонимый сильным ветром, сел на мель у берегов Кипра. Они высадились в Йере 10 июля 1254 г. и через Прованс, Сент-Бом, Сен-Жиль и Ним добрались до места 7 сентября. Короля встретили в Париже с восторгом, ведь уже ходили слухи о его смерти.

НЕПРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНКОВ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

Египтяне оставались в обороне, все еще опасаясь нового вторжения. Дамьетта как слишком уязвимая для нападений, была снесена, и султан велел перегородить восточный рукав Нила, вбив в ложе реки там, где она впадала в море, стволы деревьев, чтобы большие суда не могли больше по ней подниматься. В ответ на соглашение, которое Людовик IX заключил с ан-Насиром Юсуфом, султаном Алеппо и Дамаска, Бейбарс, султан Египта, стал искать союзников среди христиан. Он отправил одного из своих ученых, Джемаля ад-Дина, с посольством к Манфреду, внебрачному сыну и наследнику Фридриха II, ведущему войну с братом Людовика IX Карлом Анжуйским, которому папа пожаловал Неаполитанское королевство. Манфред мог рассчитывать в Италии, в Апулии, на крупный отряд мусульманских наемников. Один мусульманский автор, Яфеи, говорит

¹ В этой цитате смешаны отрывки из Жуанвиля и из письма Сарразена (*Прим. пер.*).

о дарах, которые были получены за жирафа и нескольких татарских пленников с их монгольскими конями. Очень похоже, что этого посла приняли не в Палермо и не в Неаполе, а в Ночере, городе в Апулии, построенном на крутом холме близ Фоджи, где Манфред поселил общину мусульманских наемников, которые, бежав с Юга и Сицилии, получили от немца земли в обмен на клятву верности и входили в состав войск, противостоявших анжуйцам. Этот автор говорит, что на службе у Манфреда их было очень много и что он по любому поводу выражал им величайшее доверие; в его лагере провозглашали мусульманскую молитву, и он публично принимал в ней участие. Такие же предложения о союзе получил Карл Анжуйский, победитель и венчаный король Неаполя. В 1260 г., когда стало известно о приближении татар, христиане Дамаска, сочтя, что избавлены от ига, так долго тяготевшего на них, начали вести себя все более дерзко и оскорблять мусульман даже в мечетях. Князь Антиохии, граф Триполи, вышел навстречу татарам к Баальбеку, чтобы «договориться с ними и уготовать гибель исламу».

Лишенные помощи Запада, франки Святой земли, которых за пределами Антиохийского графства почти не осталось, несколько лет оказывали войскам Бейбарса очень слабое сопротивление. В 1262 г. перемирие было нарушено, и с тех пор паломники, приходившие в Иерусалим молиться, должны были все дороже платить за пропуск. Гонимые, они взывали о помощи, но не получали вестей ни от кого. Бейбарс, конечно, не стал осаждать Антиохию, а в апреле 1263 г. потерпел поражение под Акрой, но он взял Назарет, Вифлеем и усилил присутствие и власть мусульман в Иерусалиме; были от-

строены укрепления города, где христиане составляли явное меньшинство.

Французский папа Урбан IV призвал христиан собраться, чтобы идти освобождать Иерусалим. На его призыв откликнулось всего несколько вельмож, которые со своими вассалами предприняли авантюру на Востоке, хорошо зная, что их несколько десятков рыцарей мало что смогут; выехав в октябре 1265 г., Эд Неверский, сын герцога Бургундского, только и сделал, что выступил посредником в ссорах между самими франками, а потом умер от сильной лихорадки, в то время как Бейбарс продолжал свои завоевания. Он двинул своих всадников вперед, осадил Триполи, в марте 1268 г. захватил Яффу, а 18 мая триумфально вступил в Антиохию как победитель. Все христиане этого города, который в 1097 г. стал первым большим городом Сирии, взятым франками, были перебиты или уведены в рабство в Дамаск. А Бейбарс написал князю Боэмунду VI Антиохийскому, который в тот день был в другом месте: «Если бы ты видел своих рыцарей, которых топчут конские копыта, дома, которые взяты штурмом и по которым ходят грабители, твои богатства, которые взвешивают на квинталы, женщин, которых продают партиями по четыре и покупают за динар, взятый из твоей собственной казны! Если бы ты видел церкви, которые сносили с крестами, рассыпанные листы лживых Евангелий, разоренные могилы патриархов! Если бы ты видел, как твой враг-мусульманин попирает место служения мессы, священников, монахов и диаконов, зарезанных на алтарях, патриархов, пораженных неожиданной бедой, принцев королевской крови, обращенных в рабство! Если бы ты видел пожары, распространяющиеся в твоих дворцах, ваших мертвецов,

горящих в огне этого света, перед тем как гореть на том, дворцы, ставшие неузнаваемыми! Церкви Святого Павла и Святого Петра, которые рушатся и разрушились!»¹

ВОСЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДО СМЕРТИ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО

Наши историки, стараясь сосчитать крестовые походы и присвоить им номера, после «седьмого крестового похода» Людовика Святого в Египет и Святую землю обнаружили в 1270 г. «восьмой», тем самым объединив поход французского короля в Тунис с походом арагонского короля и Эдуарда Английского в Сирию, не имевшие ничего общего и никогда не связывавшиеся друг с другом.

Людовик Святой в 1266 г. объявил о намерении принять крест и в следующем году дал торжественный обет собрать войска и выступить. Похоже, тогда он был намерен вернуться на Восток для сражений. Возобновились переговоры с монголами, и подсчитывали количество людей, коней и осадных машин, которые следует погрузить на суда. Но король и его советники должны были считаться с Карлом Анжуйским, братом монарха, который сам с 1268 г. стал королем Неаполя: он очень настаивал, предлагая поставить провизию и машины, на войне с султаном Туниса, который был связан с ним чем-то вроде вассального договора, но пренебрегал своими обязанностями платить дань и поставлять наемников. Послы, возвращавшиеся из Туниса, рассказывали, что там мирно живет много христиан, что их король покровительствует христианам и можно надеяться на его обращение в христианство — этим занялся один до-

¹ Это письмо цитирует Жан Ришар: *Richard J. Op. cit.* P. 432.

миниканский монастырь. В то же время стало известно, что предложения эмира Дамаска о союзе больше нельзя принимать в расчет, поскольку ссоры из-за наследования создали в Сирии нестабильность, грозившую вылиться в войну за наследование.

Папа проповедовал «крестовый поход», несмотря на неприятие этой идеи со стороны многих епископов, а король Людовик IX декретировал сбор феодальной «помощи (эда)», сославшись еще и на посвящение в рыцари своего старшего сына Филиппа. Граф Альфонс де Пуатье, властно управлявший графством Тулузским, привел крупные контингенты, в частности, из сенешальств Бокер и Каркассон, уже включенных в состав Французского королевства. К походу присоединилось также много арагонцев и кастильцев, восставших против своих королей.

Королевский флот покинул Эг-Морт 2 июля, а 15 июля во время стоянки в Кальяри, на Сардинии, было решено идти к Африке. Перед Тунисом флот бросил якоря 17 июля 1270 г. Король Туниса велел укрепить городские стены, и все штурмы кончались неудачами. Армия неслала потери от лихорадки и эпидемий: погибли Тристан, сын короля, графы Вандомский и Маршский, маршал Готье де Немур, папский легат и сеньор Монморанси. Карл Анжуйский прибыл только 25 августа, в день смерти Людовика Святого, тоже слегшего от лихорадки. Филипп III, сопровождавший отца, был немедленно провозглашен королем Франции и спешно вернулся в свое новое королевство. Возглавив армию, Карл Анжуйский, дядя нового короля, попытался взять Тунис, чтобы сделать африканское королевство вассалом, но потерпел поражение при попытке атаки по озеру и с тех пор изо дня в день старался скрывать от своих баронов, что ведет мирные переговоры: «В нача-

ле войны он просил наших баронов, чтобы они ничего не предпринимали против тунисского короля, пока не получат вести от него»¹. Он сделал из этого «крестового похода» собственное дело, добиваясь своих целей.

Наконец, король Туниса обязался позволить христианам свободно передвигаться в пределах его страны, обладать в ней собственностью, строить церкви и даже публично проповедовать. Он освободил всех пленных христиан и обещал дать новому французскому королю Филиппу III на его поход 210 тыс. унций золота, каждая стоимостью в пятьдесят турецких су. Теперь он должен был платить королю Сицилии в течение пятнадцати лет дань, вдвое большую, чем двенадцать унций золота, какие платил все предыдущие годы.

Королевский флот поднял якоря, но было не слишком понятно, куда идти: одни двинулись к Святой земле, другие — к Греции, для борьбы с императором Михаилом VIII Палеологом². Карл, король Неаполя, отплыл последним, дожидаясь бедняков и отставших. В деньгах он не нуждался. 12 ноября 1270 г. его казначей Пьетро Фаринелли дал расписку на 35 тыс. унций золота, третью часть от 105 тыс., полученных в Тунисе перед отъездом. После кончины супруги, Беатрисы Прованской, в 1267 г. Карл Анжуйский повторно женился на Маргарите Бургундской, принесшей ему значительное приданое.

¹ Письмо Пьера де Конде, капеллана короля Людовика, аббату Сен-Дени, цит. по: *Lettres écrites d'Orient pendant les deux croisades de saint Louis // Nouvelle collection...* Т. 1. Р. 354.

² В 1261 г. никейский император, грек Михаил VIII Палеолог, отбил Константинополь при помощи генуэзцев, а потом изгнал латинского императора и венецианцев.

РЕЗКИЕ СКАЧКИ «КРЕСТОНОСНОГО ДУХА»

«Крестовый поход» отнял у Карла Анжуйского всего три месяца, и, вернувшись к себе в Сицилийское королевство, он сумел обуздать баронов Неаполя, Сицилии и Апулии, которые не все хорошо его приняли. В то же время он утвердил себя в качестве бесспорного главы папской партии (гвельфов) во всей Италии, став в 1263 г. сенатором Рима, потом викарием в Тоскане и хозяином Флоренции, из которой до этого изгнал гибеллинов. Прежде всего он проводил агрессивную и завоевательную политику в Средиземноморье и на Балканах. В 1277 г. он добился от Марии Антиохийской¹, дочери Боэмунда IV Антиохийского и Мелизинды де Лузиньян, титула иерусалимского короля за ренту в четыре тысячи турских ливров. В том же году, 7 июня, его наместник Руджеро Сансеверино высадился на Востоке и его именем принял во владение город Акру. Карл заявлял о желании отбить Константинополь у императора Михаила VIII Палеолога и, чтобы обрести союзников, отправил посольства к султану Египта, королю Армении и татарским ханам. Со времен его воцарения и еще долгое время его династия притязала на Морею. Он непрерывно вмешивался в ее дела, заключал брачные союзы с дочерьми и наследницами Виллардуэнов; он претендовал на наследование престола княжества, и с тех пор все

¹ После смерти Фридриха II в 1250 г. титул иерусалимского короля носил Конрад IV Гогенштауфен, а потом, с 1254 г., — Конрадин, совсем юный сын императора. Когда он в 1268 г. погиб, на титул иерусалимского короля выдвинули притязания Гуго III Лузиньян, король Кипра, и Мария Антиохийская, дочь Боэмунда IV Антиохийского и Мелизинды де Лузиньян. Как более близкая родственница верх взяла Мария Антиохийская.

порты от Апулии до Пелопоннеса были переименованы, получив латинские названия, а между ними сновали купцы и чиновники. Анжуйцы неизменно отстаивали эту заморскую землю и управляли ею: потеряв Сицилию, они все еще претендовали на сохранение Мореи.

Еще до французского короля, 4 сентября 1269 г., Хайме I Арагонский отплыл на флоте из трех десятков больших кораблей с огромной армией в восемьсот рыцарей и три тысячи пехотинцев. Они попали в страшный шторм, вынудивший их изменить курс и укрыться в Эг-Морте, откуда Хайме I, больной, вернулся к себе в королевство. Несколько его высших военачальников присоединилось к Людовику Святому в Тунисе, а другие отплыли в Святую землю. Эдуард Английский, еще не король, и его брат Эдмунд тоже были в Тунисе с Людовиком Святым, но сразу после подписания мира отплыли в Святую землю, перезимовали на Сицилии и 9 мая 1271 г. высадились в Акре. Карл Анжуйский пытался им помочь, пригрозив Египту, но у английских сеньоров была слишком слабая армия. Эмир Дамаска, прежде обещавший вступить в войну на их стороне, нанес им поражение, и, чтобы сражаться с Бейбарсом, им не оставалось иного выхода, кроме как заключить союз с анатолийскими турками. Этого было достаточно, чтобы остановить вторжение египтян; англичане оказали помощь городам, в частности Акре, но были совершенно неспособны отвоевать уже потерянные территории.

В конце июня 1271 г. крест принял Филипп III, но, слишком занятый на юге королевства борьбой с графом Фуа, он посылал в Святую землю только военачальников, отряды которых включали несколько сот рыцарей

и еще большее количество пехотинцев и которые получали полномочия действовать от его имени. В 1272 г. такой контингент был передан под командование Фоме да Лентино, титулярному патриарху Иерусалимскому, в 1273 г. — Оливье де Терму¹, а через два года — Гильому де Руссильону. Благодаря королевскому ордонансу, сохранившемуся по чистой случайности, мы знаем, как платили этим капитанам и особенно как назначали командный состав: «Вот распоряжение, каковое легат Симон, мессир Эрар де Валери и коннетабль Франции сделали о людях, отправляемых королем и легатом за море, коих возглавит мессир Гильом де Руссильон. Во-первых, под начало оному Гильому передается сто всадников, а именно сорок конных лучников, тридцать арбалетчиков и тридцать конных сержантов. Далее, ему дается триста пеших сержантов. И чтобы вести этих людей и ими командовать, ему выделяется некая сумма денег на целый год. И составлена смета, какое жалованье должен получать каждый. И когда означенный Гильом прибудет в заморскую землю, он сможет выплачивать его поименованным людям, повышая или уменьшая соответственно их заслугам и по своему усмотрению. Далее, ему выделяются деньги на содержание его челяди и на переправу его самого и всех упомянутых выше; и ему следует распорядиться этими деньгами по своему усмотрению как верному вассалу. Далее, на вверенные ему деньги он также должен содержать сержантов, каковых с ним посы-

¹ Родившийся в 1200 г. в лангедокском семействе, обратившемся в катаризм, он воевал с крестоносцами в Альбигойской войне. Король Людовик вернул ему замок Терм и взял его с собой в Египет в качестве командира арбалетчиков. В 1273 г. он отплыл на Восток в пятый раз. В следующем году он умер.

лают сир де Валери, виночерпий Франции и коннетабль. И пусть, оказывая помощь и поддержку, он советуется с господином Гильомом де Пикиньи и господином Милем де Кайфасом. Далее, если из-за султана или по другой важной причине ему понадобится понести большие расходы либо на галеры, либо на наемных воинов, либо на что иное, пусть делает это, посоветовавшись с магистром Храма братом Арнулем де Виземалем, магистром Госпиталя братом Гильомом де Курселем, с патриархом и с королем Кипра, ежели тот будет присутствовать. Далее, они повелели: если означенный Гильом де Руссильон умрет, оборони Бог, и умрет на море, его место заступит мессир Обер де Беньё и будет его занимать до особого распоряжения. И если это случится, пусть означенный Обер, мессир Гильом де Пикиньи и мессир Миль де Кайфас командуют означенными людьми вместо одного Гильома де Руссильона, пока не уведомят короля и легата и не получают от них приказов». Гильом де Руссильон не погиб во время шторма в открытом море, но, как тогда говорили, был убит. Легенда, намного позже опровергнутая серьезными работами, утверждала, что он стал жертвой заговора, организованного тамплиерами и «монахами», в частности доминиканцами. Обвиняли и советников Карла Анжуйского.

Избранный папой в 1271 г., когда он находился в Акре, Тебальдо Висконти, принявший имя Григория X, созвал в следующем году в Лионе собор, на котором сурово обличил то, что называл «грехом уклонения». Желая прежде всего реформировать церковь, он осудил скандалы в среде «монахов» и дурное впечатление, какое производят христиане, которые, отказываясь служить Богу, заняты только своими раздорами и своими делами. Во-

енные ордены, — говорил он, — слишком многочисленны, слишком богаты и воюют между собой, ища союзов с эмирами или египетским султаном. Он осудил и бродячих проповедников, которые лживыми проповедями подталкивают на безрассудные авантюры бедняков, плохо вооруженных и плохо руководимых. Позволять выкупать обеты по высокой цене — тоже тяжелый проступок.

Папа дал понять: те, кто должен заплатить большие штрафы, будут избавлены от этой обязанности, если дадут обеты и отправятся на Восток. Он отправил туда сначала патриарха Фому, а потом, с согласия короля и на деньги последнего, двух сеньоров в сопровождении отрядов рыцарей и пехотинцев — Оливье де Терма и Гильома де Руссильона. Осудив «феодальные» и «национальные» войны за то, что они удерживают на Западе людей, которые должны служить Богу, он старался, как задолго до него Григорий VII и Урбан II, покончить с раздорами, при этом пытаясь найти союзников на Востоке — у греков, армян и монголов, которых обычно называли «тартарами». Похоже, союзом с последними были озабочены более чем когда-либо, и он казался гарантией успеха. В понтификат Николая IV один из монгольских вождей, Аргун, выражал готовность иметь дело с христианами. В июле 1291 г. он пообещал им помощь в виде крупных поставок провизии и десять тысяч лошадей. «Тартар» рассчитывали обратить в христианство, и обсуждалась даже возможность совместного морского похода с участием генуэзцев в Индийский океан и Красное море, чтобы перерезать маршруты торговцев пряностями и нанести тяжелый ущерб финансам египтян. Но 7 марта 1291 г. Аргун умер, а у монголов начался пе-

риод распрей и сильной нестабильности, так что больше не приходилось и думать об этом союзе, стремление к которому со времен Людовика Святого вызвало много, по правде сказать, очень необдуманных поступков.

28 апреля 1289 г. Триполи попал в руки мамлюков, взявших более двух тысяч пленных. Женщин и детей на александрийском невольничьем рынке стало настолько много, что цены упали вдвое.

Папа Николай IV велел проповедовать по всей Европе, призывая братья за оружие ради полного освобождения Святой земли или хотя бы ради помощи тем крепостям, какие еще удерживали христиане. Весной следующего года венецианский флот доставил в Акру сильный контингент пехотинцев, набранных и оплаченных Римом. Но это не помогло. Египетский султан Калаун, преемник Бейбарса, собрал огромную армию — приблизительно в шестьдесят тысяч всадников и более ста тысяч пехотинцев. После его смерти его сын аль-Ашраф Халиль весной 1291 г. осадил Акру. Город оборонял лишь слабый гарнизон, но его защищали толстые стены, а генуэзские корабли не позволяли осаждавшим подвозить большие подкрепления морем. Несмотря на почти непрерывную войну между общинами: тамплиеров с госпитальерами, венецианцев с генуэзцами или пизанцами, — Акра держалась долго и изо дня в день отбивала все атаки. Когда египтяне вступили на городскую стену, защитникам башен пришлось прекратить сопротивление. Еще держался только замок ордена Храма, внушительная пятиэтажная крепость, сдавшаяся лишь 28 мая, стены которой рухнули на передовую группу противника. Монахи в монастырях, прежде всего доминиканцы и францисканцы, были перебиты,

а женщины и дети в городе, не сумевшие вовремя бежать, уведены в цепях в Александрию, где на невольничьем рынке курс продажи белых христиан рухнул, упав ниже цены на чернокожих из Судана и Нумидии. Ворота церкви Святого Креста были выломаны и перенесены в одну из мечетей Каира. Акра пала не последней. Сидон защищался еще месяц, Бейрут сдали без боя, а месяцем позже — также Тортосу и Шато-Пелерен. Чтобы не допустить высадки других христиан и восстановления укреплений, все окружные стены городов и крепости на побережье сровняли с землей.

Николай IV попытался в своих проповедях извлечь уроки из этих поражений. Он усматривал в последних следствие гнева Бога, которому люди плохо служили, и обвинял грешников, равнодушных, тех, кто в Европе воевал друг с другом за клочки земли или пограничные бурги. Он хотел, чтобы в Германии, во Франции и в Англии государи заключили между собой мир и заставили своих вельмож ради спасения их душ предпринять авантюру на Востоке. В конце августа 1291 г. он наложил эмбарго на торговлю оружием и осадными машинами с Египтом. Эскадра под командованием генуэзца Мануэле Дзаккариа, бывшего корсара и пирата, усиленная десятком кораблей кипрского короля, атаковала порты дельты Нила, дойдя до ворот Александрии. В это время на Кипре, в Генуе и Венеции появилось множество записок и трактатов, авторы которых пытались описать и оценить укрепления мусульман. В 1295 г. Гальвано да Леванто, уроженец Генуэзской Ривьеры, один из учителей школы картографии великого города Генуи, написал «Книгу о святом походе почитателей Христа на сарацин ради возвращения Святой земли» (*Liber sancti passa-*

gii chisticolarum contra Sarracenos pro recuperatione Terre Sancte). Через некоторое время появилась «Книга тайн истинного креста» (*Liber secretorum fidelium crucis*) венецианца Марино Санудо. Но вельможи проявили к ним мало интереса; эти трактаты послужили только мореплавателям и купцам, желавшим лучше узнать Восток. Во времена Готфрида Бульонского князя-«крестоносцы» заказывали рассказы об их походе на Святую землю своим капелланам. Князей «отклонившегося похода» 1204 г. сопровождали песенники, сообщавшие, как им грустно, что они покинули своих дам. После 1250 г., когда взяли в плен Людовика Святого, почти все поэмы, посвященные этим заморским походам и их поражениям, принадлежали к жанру «сетований», «плачей» или даже «сражений» между персонажем, объясняющим, почему он принял крест, и другим, который не хочет этого делать, — горькие, изобилующие упреками и изъяснениями тоски по славным былым временам.

Так, несколько «плачей» о путешествиях за море и судьбе некоторых великих рыцарей написал Рютбёф. Сначала он решил поддержать Карла Анжуйского в намерениях сделать из Южной Италии плацдарм для завоевания разных земель, принадлежавших либо Виллардуэнам, либо греческому императору Константинополя. Ради этого написана «Песнь об Апулии» (1264), где автор говорит, обращаясь к молодым людям, к прелатам и клирикам, к мелким рыцарям и даже к графу Блуа: пусть, спасая свою душу, они идут помогать Карлу отвоевывать Италию у немцев. В следующем году «Сказ об Апулии» еще поучал: свою короткую жизнь надо использовать, чтобы заслужить рай, оказав помощь Карлу Анжуйскому, который очень нуждается в ней. Говорить о заморских походах Рютбёф начал

в 1255 г. с «Плача о монсеньоре Жоффруа де Саржине», оставленном Людовиком Святым в Святой земле после своего отъезда, и восхвалял этого шампанского сеньора, который послужил Богу, будучи блистательным рыцарем. Впоследствии эту тему развивали разные «плачи». «Плач о Константинополе» объясняет падение города и возврат греков внутренними раздорами среди франков и, в частности, интригами нищенствующих монахов. «Плач о заморской земле» (1265) — это просто пламенный призыв к сеньорам подражать отцам и прийти на помощь Иерусалиму. В другом «плаче», о графе Эде Неверском (1266), поэт оплакивает смерть этого образцового крестоносца и призывает короля Франции, графа Пуатье, графов Блуа и Сен-Поля и рыцарей, «турнирных бойцов», принять крест. Несколько позже, в «Споре крестоносца с некрестоносцем» (1268), он сочинил спор с собратом, перечисляющим ему причины не выступать в поход. Наконец, среди прочих «плачей», где он по-прежнему воспевал доблесть героев, в «Новом плаче о заморской земле» (1277) он осуждал тех, кто уклоняется от борьбы с неверными, людей, которые ссорятся меж собой, забывая, что на Страшном Суде судьей им будет Бог. Он бичевал честолюбцев, которые, как магистр Храма, выказали слишком мало рвения в подражании людям, желавшим оказать помощь христианам Востока, тогда как рай можно обрести только сражением за веру¹.

В 1274 г. в записке, адресованной папе Николаю IV и озаглавленной «Совет короля Карла», неаполитанский король Карл Анжуйский говорил о «малой общей

¹ *Rutebeuf. Onze poèmes de Rutebeuf concernant la croisade* / publ. par J. Bastin et E. Faral. Paris: Librairie orientaliste P. Geuthner, 1946. [Documents relatifs à l'histoire des croisades; I].

переправе», походе, участники которого выступили бы из Триполи, еще находившегося в руках христиан, или с Кипра, чтобы отвоевать некоторые города и графства Святой земли. Чтобы прекратить распри, предлагалось создать новый рыцарский орден, который взял бы под охрану все владения госпитальеров, тамплиеров, тевтонцев, а также некоторых «монахов». Позже, уже после собора, созванного во Вьенне, два доминиканца представили два трактата — «О способе истребления сарацин» (*De modo Saracenos extirpandi*) и «Маршрут переправы за море» (*Directorium ad faciendum passagium transmarinum*), тоже упоминающие отвоевание земель. Жак де Моле, великий магистр ордена Храма, подсчитал, сколько понадобилось бы рыцарей, арбалетчиков и пехотинцев, чтобы помочь армянам отражать набеги турок, тогда как магистр госпитальеров в трактате «Девиз путей в Вавилон» (*Devise des chemins de Babylone*) перечислял и описывал крепости Египта. Авторы этих трактатов призывали на помощь, говорили о страданиях христиан на Востоке и прежде всего долго рассуждали о силах и союзах мусульман, показывая, как с ними сражаться и их уничтожать.

Но другие, как Вильгельм Триполитанский, кичась долгим опытом общения с мусульманами, говорили, что больше не следует с ними воевать, а лучше попытаться их обратить в христианство¹. Гильберт из Турне, автор «Собрания скандалов, связанных с церковью» (*Collectio de scandalis ecclesiae*), очень старался обличить все грехи христиан. Иные обвиняли даже папу: мол, он хочет своими проповедями собрать

¹ Палмер Труп, по изд.: *Richard J. Op. cit.* P. 448.

воинов, чтобы заставить их служить его замыслам в Италии.

Знать и рыцари хорошо видели, что на служение Богу, какое проповедовал папа, неоднократно ссылались в оправдание личных амбиций и войн между христианами на Западе. Мы уже говорили об отклонении похода 1205–1206 гг. от цели. Другим отклонением стала так называемая Альбигойская война (1208–1229): она включила в себя не только борьбу с катарской ересью, но и нападения на короля Арагона и на графа Тулузского, графство которого, одно из богатейших в королевстве, в результате было присоединено к капетингской короне. Еще более явным, без каких-либо оправдательных доводов, стало отклонение от служения Богу в 1266 г., когда папа Урбан IV призвал братья за оружие, чтобы поддержать Карла Анжуйского в войне с Манфредом, наследником императора Фридриха II, помогая ему завоевать Неаполитанское королевство. Немецких рыцарей, отлучаемых от церкви без какого бы то ни было расследования, преследовали и судили как еретиков; женщинам, детям, старикам перерезали горло, «а после победы при Беневенто, представленной массам как чудо, весь город представлял собой кошмарную бойню, дома стояли пустыми, а пороги и стены в них были залиты кровью»¹. В понедельник после Пасхи 1282 г. анжуйцы были изгнаны из Палермо, а немного позже и со всей Сицилии в результате «народной» революции, которую тщательно подготовила враждебная знать при помощи арагонского короля. Филипп III объявил ему

¹ Saba Malaspina. *Historia Sicula // Rerum Italicarum Scriptores* / ed. L. A. Muratori. Mediolani: ex typographia Societatis Palatinae in Regia Curia, 1723–1751. 25 t. Vol. 10. 1727. P. 924–925.

войну и послал армию для вторжения в Каталонию. Папа Мартин IV в проповедях запрещал выступать на словах и поднимать оружие против короля Карла Неаполитанского, а рыцарям и пехотинцам, сражавшимся в горах недалеко от Жероны, граф Маршский велел говорить, что «незачем ехать за море, чтобы спасти наши души, ведь спасти их мы можем здесь».

Чтобы помочь монарху в завоевательной или карательной войне, следует отказаться от Иерусалима — такая мысль внушалась все более активно, и можно полагать, что служба сюзерену в «национальных» войнах, для которых требовалось очень много людей и денег и которые тянулись долгие месяцы, как раз и стала одной из причин исчезновения того, что наши сегодняшние историки называли «крестоносным духом». Король оставлял своих вассалов в покое, только когда по подписании мира больше не мог использовать их на собственной службе в войне, которую называл справедливой. Перемены в состояниях умов привели к прекращению крестовых походов.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Albert d'Aix. Histoire des faits et gestes dans les régions d'outre-mer, depuis l'année 1095 jusqu'à l'année 1120 de Jésus-Christ. Paris: J. Brière, 1824. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 20–21.]

Anne Comnène. Alexiade: règne de l'empereur Alexis I. Comnène, 1081–1118 / texte établi et traduit par B. Leib. Paris: Les belles lettres, 1967–1989. 4 vol. [Русский перевод: Анна Комнина. Алексиада / пер. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965.]

Bernard le Trésorier. Continuation de l'histoire des croisades de Guillaume de Tyr. Paris: J.-L.-J. Brière, 1824.

Caffaro. Liber de liberatione civitatum orientis // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. I (1859).

Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des thèmes / ed. A. Vogt. 1867. [?]

Égérie. Mon pèlerinage en Terre sainte. Paris: Cerf, 1977.

Foucher de Chartres. Histoires des croisades // *Memoires relatifs a l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au XIIIe siecle*. Éd. F. Guizot. Paris: J.-L.-J. Brière, 1823–1835. 30 vol. T. XXIV. 1825.

Les gestes des Chiprois: Recueil de chroniques françaises écrites en Orient au XIIIe & XVIe siècles / publ. par G. Raynaud. Genève: J. G. Fick, 1887.

Guibert de Nogent. Autobiographie / éd. et trad. par E.-R. Labande. Paris: Belles Lettres, 1981.

Guillaume de Tyr. Histoire des croisades. Paris: J.-L.-J. Brière, 1824. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 16–18.]

Guillaume de Tyr. L'Estoire de Eracles, empereur, et la conqueste de la terre d'Outre-mer. Paris: Impr. royale, 1844.

Henri de Valenciennes. Sur la fondation de l'empire latin de Constantinople // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe / Par Michaud et Poujoulat. Lyon; Paris: Guyot frères, 1851. 32 vol. T. 1.

Histoire anonyme de la première croisade / éd. et trad. par L. Bréhier. Nogent-le-Rotrou: Impr. Daupeley-Gouverneur; Paris: Libr. ancienne Ed. Champion, 1924.

Matthieu d'Edesse. Détails historiques de la première expédition des chrétiens dans la Palestine, sous l'empereur Zimiscès // trad. par F. Martin. Paris: Lemarchand, 1811.

Odon de Deuil. La Croisade de Louis VII roi de France / publ. par H. Waquet. Paris: P. Geuthner, 1949.

Raoul de Caen. Faits et gestes du prince Tancred pendant l'expédition de Jérusalem. Paris: J.-L.-J. Brière, 1825. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 23.]

Raymond d'Aguilers. Le «Liber» / publ. par J. Hugh et L. L. Hill. Paris: P. Geuthner, 1969.

Rigord. Vie de Philippe Auguste. Paris: J.-L.-J. Brière, 1825.

Robert de Clari. La conquête de Constantinople / publ., trad., présentation et notes par J. Dufournet. Paris: H. Champion, 2004. [Éd. bilingue.] [Русский перевод: Роберт де Клари. Завоевание Константинополя / пер. М. А. Заборова. М.: Наука, 1986.]

Robert le Moine. Histoire de la première croisade. Paris: J.-L.-J. Brière, 1825. [Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France / publ. par Guizot; 23.]

Rutebeuf. Onze poèmes de Rutebeuf concernant la croisade / publ. par J. Bastin et E. Faral. Paris: P. Geuthner, 1946. [Documents relatifs à l'histoire des croisades; I].

Tabari, Muhammad ibn Yarir al-. La Chronique: histoire des prophètes et des rois / trad. par H. Zotenberg. Arles: Actes Sud; Paris: Sindbad, 2001. 2 vol.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Ceux qui conquièrent Constantinople: récit de la quatrième croisade / par Geoffroy de Villehardouin, Robert de Clari; texte choisi, partiellement établi et présenté par N. Coulet. Paris: U.G.E, 1966.

Chagnon L. Les débuts des conquêtes arabo-musulmanes: mythes et réalité. Paris: Godefroy de Bouillon, 2006.

Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. Paris: Perrin, 1999. 3 vol.

Hagenmeyer H. Étude sur la chronique de Zimmern. Gênes: impr. de l'Institut royal des sourds-muets, 1882.

Hagenmeyer H. Chronologie de la première croisade (1094–1100). Paris: E. Leroux, 1902.

Lombard M. L'Islam dans sa première grandeur: VIIIe–XIe siècle. Paris: Flammarion, 1971.

Longnon J. Les Compagnons de Villehardouin: recherches sur les croisés de la Quatrième croisade. Genève: Droz, 1978.

Lot F. L'art militaire et les armées au Moyen Âge en Europe et dans le Proche Orient. Paris: Payot, 1946.

Luchaire A. Innocent III: la question d'Orient. Paris: Hachette, 1907.

Michaud J.-F. Histoire des croisades. Paris: Furne, Jouvet et Cie, 1877. 2 vol.

René de La Croix, duc de Castries. La Conquête de la Terre sainte par les Croisés. Paris: A. Michel, 1973.

Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre sainte au temps des croisades. Paris: impr. de A. Lainé et J. Havard, 1865.

Richard J. Histoire des croisades. Paris: Fayard, 1996.

Robin F. Midi gothique: de Béziers à Avignon. Paris: Picard, 1999.

Sivéry G. Saint Louis et son siècle. Paris: Tallandier, 1983.

Wilkinson J. Jerusalem pilgrims: before the crusades. Warminster: Aris and Phillips, 1977.

Yousif, Ephrem-Isa. Les Syriaques racontent les croisades. Paris, Budapest, Torino: L'Harmattan, 2006.

СТАТЬИ, МАТЕРИАЛЫ КОЛЛОКВИУМОВ

Canard M. La destruction de l'Église de la Résurrection par le calife Hâkim et l'histoire de la descente du feu sacré // *Byzantion*. 1965 (35). P. 16–43.

Durand J. La translation des reliques impériales de Constantinople à Paris // *Le trésor de la Sainte-Chapelle: exposition, Paris, Musée du Louvre, 31 mai 2001–27 août 2001 / catalogue établi sous la dir. de J. Durand et M.-P. Laffite*. Paris: Réunion des musées nationaux, 2001. P. 37–41.

Lalanne L. Des pèlerinages en Terre Sainte avant les croisades. Paris: Firmin-Didot frères, 1845. [Extrait de la «Bibliothèque de l'École des chartes», 2e série, T. II.]

Micheau F. Les itinéraires maritimes et continentaux des pèlerinages vers Jérusalem // *Occident et Orient au Xe siècle*. Actes du IXe Congrès de la Société des historiens médié-

vistes de l'Enseignement supérieur public (Dijon, 2–4 juin 1978). Paris: les Belles lettres, 1979. P. 79–104.

Musset L. Recherches sur les pèlerins et les pèlerinages en Normandie jusqu'à la Première Croisade // *Annales de Normandie*. 12 (octobre 1962). N° 3. P. 127–150.

Riant P.E.D. Des dépouilles religieuses enlevées à Constantinople au XIIIe siècle par les Latins // *Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France*. XXXVI (1875).

Richard J. Quelques textes sur les premiers temps de l'Église latine de Jérusalem // *Recueil de travaux offerts à M. Clovis Brunel par ses amis, collègues et élèves*. Paris: Société de l'École des chartes, 1955. 2 vol. T. II. P. 426–430.

Richard J. Les bases maritimes des Fatimides, leurs corsaires et l'occupation franque en Syrie // *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras* / U. Vermeulen and D. De Smet, eds. Leuven: Uitgeverij Peeters, 1995–1998. 2 vol. Vol. 2. 1998. P. 115–130.

Sayous A.-É. Les mandats de saint Louis sur son trésor et le mouvement international des capitaux pendant la septième croisade (1248–1254) // *Revue historique*. CLXVII (1931). P. 253–304.

Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle: sceaux de Hervé et de Roussel de Bailleul // *Revue historique*. 16 (1881). P. 289–303.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПЕРРЕН»	5
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.....	7
ВСТУПЛЕНИЕ	10
Миф о восьми крестовых походах.....	10
Словосочетание «крестовый поход»: анахронизм	14
Священная война: еще один анахронизм	22
Вначале были паломничества	27
Экономические ставки.....	39
Бедняки и бароны.....	40
Неведение об исламе.....	44
Завоевания мусульман.....	47
Христиане против мусульман	50
Христианская реконкиста, которую вели греки.....	52
Франки против греков: глухая вражда.....	55
 ГЛАВА I. НА ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ (1096–1099)	58
События первого крестового похода, так называемого «народного»	58
Евреи и богачи: козлы отпущения	63

Долгий переход баронов	70
Бароны в Святой земле: груз прошлого.....	74
В Константинополе: ссоры и разрыв.....	77
Антиохия: осада протяженностью более чем в год.....	86
Взятие Иерусалима.....	96
Готфрид Бульонский, король Иерусалима	100
 ГЛАВА II. ВОДВОРЕНИЕ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ (1100–1150).....	106
Вступление во владение.....	106
Спорадическая оборона	110
Замки и крепости	114
Новая волна и первые поражения.....	119
Итальянцы на Святой земле	126
Второй крестовый поход.....	129
Катастрофа	147
 ГЛАВА III. ВРЕМЕНА КОНСОЛИДАЦИИ (1150–1192)	160
Латинские государства под угрозой.....	161
Перипетии неожиданного союза против саладиновского Египта	164
Ответный удар Саладина и падение Иерусалима (1187)	168
Начало третьего крестового похода	170
Участниками крестового похода становятся Филипп Август и Ричард Львиное Сердце	176
Кипрская интермедия	182
Осада и сдача Акры	184
Успехи Ричарда Львиное Сердце и его неудачи под Иерусалимом	187

Ричарда берут в заложники, а потом освобождают	188
Ричард Львиное Сердце и Филипп Август диктуют свои законы.....	191

ГЛАВА IV. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ

ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ (1195–1261)	197
Неудавшиеся замыслы Генриха VI	197
Подготовка четвертого крестового похода.....	202
Штурм и взятие Константинополя	209
Балдуин I Константинопольский.....	216
Бремя легендарной истории.....	219
Унижение Константинополя.....	222
Управление империей.....	225
Распри между баронами. Княжество Морей	227
Соппротивление греческих княжеств	230
«Венецианская Романия».....	233
Четвертый крестовый поход: отклонение или раскол?.....	235

ГЛАВА V. ЛАТИНО-ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО:

ОСАЖДЕННЫЙ БАСТИОН (1210–1295)	247
Пятый крестовый поход.....	247
Фридрих II и шестой крестовый поход	252
Иерусалим — снова столица латинского королевства	256
Организация седьмого крестового похода	258
Разгром при Форбии	261
Людовик Святой предпринимает седьмой крестовый поход.....	263
Многочисленные и разнообразные источники.....	268

СОДЕРЖАНИЕ

От Эг-Морта до Кипра	272
Война в Египте	276
Осада и взятие Дамьетты.....	278
Людовик Святой — заложник	280
Французский король в Акре.....	286
Непрочное положение франков Святой земли	290
Восьмой крестовый поход до смерти Людовика Святого	293
Резкие скачки «крестоносного духа»	296
 ЛИТЕРАТУРА	 308
Источники	308
Общие работы.....	310
Статьи, материалы коллоквиумов.....	311

Жак Эрс

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Научное издание

Директор издательства: *Чубарь В. В.*

Главный редактор: *Трофимов В. Ю.*

Верстка: *Гуляев В. В.*

Корректурa: *Галаганова Л. А.*

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812) 602-08-24, <http://www.eurasiabooks.ru>

Директор издательства: *Тритенко Б. С.*

Главный редактор: *Вититинов А. В.*

ООО «ИД Клио»,

125212, г. Москва,

Ленинградское шоссе, д. 58, стр. 26,

тел./факс: (495) 459-98-40

Подписано в печать 23.12.2014. Формат 84 x 108 / 32.

Усл. печ. л. 14,7. Гарнитура «PT Serif». Бумага офсетная №1.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 2549

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,

Тел. 8(499)270-73-59

О крестовых походах написаны сотни, если не тысячи книг. Это грандиозное событие приковало к себе внимание как современников, так и потомков. Действительно, было чему поразить воображение: толпы рыцарей и простолюдинов, еще совсем недавно не помышлявших о героических подвигах, вдруг под влиянием религиозной экзальтации снялись с места и ринулись навстречу опасностям, таившимся в неизведанных землях. Походы подарили миру череду громких побед и деяний, воспетых певцами и хронистами; выдающихся вождей — таких как Готфрид Бульонский или Бозмунд Тарентский, — чьи имена разом стали известны во всей христианской Европе...

Но, как часто случается, первые блистательные страницы затмевают последующие. Из восьми крестовых походов читательской аудитории больше всего знакомы Первый, Третий и Четвертый, остальные теряются в сумерках прошедших столетий. Да и сами «официальные» крестовые походы вытеснили с авансцены все, что происходило на Востоке в перерыве между ними, создав впечатление, будто крестоносная эпопея всецело состоит из этих ярких и мимолетных военных интермедий. А за этим фасадом скрывалось то, без чего продолжение крестовых походов было бы вообще невозможно: строительство латинских государств — Иерусалимского королевства, Триполитанского и Антиохийского княжеств, графства Эдесского. То был особый мир, балансировавший на стыке католической Европы, православной Византии и мусульманского Востока и перенимавший их лучшие и худшие черты. На обочину истории были вытеснены и фигуры латинских правителей Святой Земли, деятельных иерусалимских монархов, от Балдуина I до прокаженного короля Балдуина IV: эти волевые личности, словно выросшие из смешения сурового рыцарского эпоса и утонченной восточной цивилизации, шаг за шагом, чередуя войну, дипломатию и темные интриги, испытывая постоянную нехватку людей и ресурсов, боролись за выживание и расширение христианских владений посреди необъятных мусульманских территорий.

На страницах своей книги французский историк Жак Эрс сплетает воедино историю крестовых походов западноевропейцев и историю латинских государств на Востоке, создав целостную картину крестоносной эпопеи.

ISBN 978-5-91852-112-0

9 785918 521120